

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ :
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ**

Сборник статей

**МОСКВА
2021**

ББК 81.411.2

Р 89

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

М.Б. Раренко – канд. филол. наук, ответственный
редактор, редактор-составитель; канд. филол. наук;

Е.О. Опарина – канд. филол. наук,

Н.Н. Трошина – канд. филол. наук

**Русский язык в современном мире : настоящее и
будущее : сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманит.
науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред., ред.-
составитель Раренко М.Б. – Москва, 2021. – 215 с. –
(Теория и история языкознания).**

ISBN 978-5-248-00982-4

Представлены материалы, отражающие положение русского языка в современном мире в связи с быстро меняющейся геополитической и культурной ситуацией в мире. Рассматривается влияние процессов глобализации на использование русского языка в разных сферах человеческой деятельности.

Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

ББК 81.411.2

СОДЕРЖАНИЕ

Русский язык в современном мире.....	5
--------------------------------------	---

1. РУССКИЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.</i> Русский как мировой язык: юридический и фактический статус.....	12
<i>Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М.</i> Русский язык и языковой капитал граждан Российской Федерации	24
<i>Лазуткина Е.М.</i> О необходимости активной языковой политики	47
<i>Величко А.В.</i> Изменения в русском языке современного периода и языковая политика	66

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: РУССКИЙ ЯЗЫК НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

<i>Карасик В.И.</i> Импорт англоязычных концептов в русскую лингвокультуру	82
<i>Раренко М.Б.</i> Русско-английские языковые контакты: к вопросу о заимствованиях из русского языка в английский.....	102
<i>Прошина З.Г.</i> Восточноазиатские заимствования в русском языке: лексикографический аспект	109
<i>Крюкова О.С.</i> Новая лексика медицинского и социального дискурса в русском языке, или Неологизмы карантинного времени	125
Реферат на книгу: Остманн И. Русицизмы в немецком языке.....	132

3. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Захарова Л.Д.</i> Позиционные чередования парных зубных переднеязычных согласных перед [е] в заимствованных словах	138
<i>Коренева Е.В.</i> Современные учебники по русскому языку для испаноговорящих	151
<i>Раренко М.Б.</i> К вопросу об изучении русского языка в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии	161
<i>Коптелова И.Е.</i> Кентавры, химеры, монстры: окказиональные слова с иноязычными графическими элементами	184
<i>Чагина О.В.</i> Русские фитонимы: лингвокультурологический аспект описания в иностранной аудитории.....	194
<i>Майорова Е.В.</i> Национальный корпус русского языка: возможности и перспективы	208

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(Вместо предисловия)

По данным Всемирного экономического форума (ВЭФ) на сентябрь 2018 г., русский язык занимал восьмое место в мире по количеству говорящих (155 млн человек) на нем (первое место закрепились за китайским языком, на котором говорят 1,3 млрд людей)¹.

В число так называемых мировых, или глобальных языков русский язык вошел в XX в., его географическое и социальное расширение стало логическим продолжением деятельности сначала Российской империи, затем СССР, после Российской Федерации.

При этом максимальное количество людей, владевших русским языком было зафиксировано в конце 1980-х годов – около 350 млн человек, 290 млн из которых проживали на территории Советского Союза, где русский язык имел статус государственного и поэтому обязательного, а для большей части жителей страны еще и родным. Во второй половине XX в. не только русский язык, но и русская культура стали объектом пристального изучения со стороны представителей разных национальностей.

Русский язык выступал универсальным средством общения на территории Советского Союза, официальным языком коммуни-

¹ На 2-м месте – испанский язык; по подсчетам ВЭФ, на нем говорят свыше 430 млн человек, на 3-м месте – английский язык (почти 370 млн говорящих), на 4-м месте – арабский (приблизительно 300 млн человек), на 5-м – хинди (около 260 млн человек), на 6-м – бенгальский язык, на 7-м – португальский, на 9-м – японский язык (128 млн человек), на 10-м – лахнда (примерно 119 млн человек).

кации в Совете экономической взаимопомощи (1949–1991), Варшавского договора (1955–1991).

Русский язык выступал в качестве языка обучения, в том числе и иностранных студентов, не только на территории Советского Союза, но в ряде других стран.

К сожалению, сегодня приходится признать, что «русский язык, имеющий богатейшее культурное наследие и очень большой потенциал для дальнейшего развития, стал единственным из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 20 лет, прошедших после распада СССР, неуклонно утрачивает свои позиции во всех без исключения регионах мира, в том числе и в бывших советских национальных республиках, где он доминировал на протяжении почти всего XX века» [Арефьев, 2012, с. 6].

Однако и сегодня роль русского языка в современном мире по-прежнему велика. Сегодня русский язык является государственным и официальным языком в России, Белоруссии (наряду с белорусским), в частично признанной Южной Осетии (наряду с осетинским), а также в непризнанных ПМР (Приднестровская Молдавская Республика) (наряду с молдавским и украинским), ДНР (Донецкая Народная Республика), ЛНР (Луганская Народная Республика). Русский язык признается официальным языком государственных учреждений в Казахстане, Киргизии, в частично признанной Абхазии. Также в ряде административных единиц Молдавии и Румынии русский признан одним из официальных языков. В ряде стран и территорий русский язык имеет некоторые официальные функции. Так, в Таджикистане русский язык является по конституции «языком межнационального общения» и официально используется в законотворчестве. В некоторых округах штата Нью-Йорк на русский язык должны переводиться документы, связанные с выборами. В Узбекистане русский язык используется в органах ЗАГС.

В то же самое время русский язык является официальным или рабочим языком в ряде международных организаций, среди которых Организация Объединенных наций (ООН) и некоторые ее дочерние организации, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружество независимых государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Секретариат договора об Антарктике (СДА), Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Международная организация по стандартизации (ИСО), Единое экономическое пространство (ЕЭП), Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), Междунаро-

ная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (МФОКК и КП).

В настоящий сборник вошли статьи, авторы которых рассматривают различные аспекты функционирования русского языка в современном мире.

В первый раздел сборника «Русский язык в современном мире: Настоящее и будущее» «Русский язык и проблемы языковой политики» вошли четыре статьи. В статье И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни «Русский как мировой язык: Юридический и фактический статус» рассматриваются некоторые аспекты, связанные со статусом русского языка как международного в современном мире. Как отмечают авторы, «при описании языковой ситуации внутри государства или его части могут использоваться понятия официального / юридического и реального / фактического статуса идиомов, представленных на соответствующей территории» (с. 12). После распада Советского Союза внешний юридический статус русского остался прежним: наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским он продолжает быть официальным рабочим языком ООН, а внутренний формально повысился после конституционного закрепления за ним статуса государственного языка как языка государствообразующего народа, однако фактический статус русского как международного языка претерпел значительные изменения, поскольку, с одной стороны, в большинстве бывших советских республик наблюдается ярко выраженное стремление ограничить сферу его использования; с другой стороны, ликвидация социалистического лагеря привела и к сужению его применения на территории соответствующих государств. Авторы выражают обеспокоенность тем, то поскольку «заметно снизился удельный вес русского языка в сфере научных публикаций», то международный статус русского языка также может уменьшиться.

В статье С.И. Богданова, М.А. Марусенко и Н.М. Марусенко «Русский язык и языковой капитал граждан Российской Федерации» отмечается, что «положения, внесенные в Конституцию Российской Федерации (п. 1 ст. 68 и п. 2 ст. 69) свидетельствуют о том, что переход от этнокультурной парадигмы языковой политики к национально-функциональной парадигме, ставший реальностью языковой ситуации в России, наконец-то стал отражаться и в институциональном дискурсе» (с. 24). В статье рассматривается связь национальной идентичности с традиционными этническими язы-

ками и делается вывод о недостаточной четкости понятия «родной язык», доминирующего в отечественной социолингвистике.

Е.М. Лазуткина в статье «О необходимости активной языковой политики» отмечает, что «активная государственная языковая политика особенно важна в наше время, когда планетарный процесс глобализации, преследующий цель разрушение национальных языков и культур, осуществляет свои планы по определенным программам и каналам воздействия на сферу употребления языка, применяет приемы искусственного формирования отрицательных черт речевой практики» (с. 47). Подробным образом в статье описываются направления деятельности агентов культурной глобализации: пропаганда отказа от языковых норм; распространение моды на сниженный стиль речи; отрицание престижности высокого уровня владения языком; отрицание общеупотребительности русского литературного языка. Автор приводит примеры нарушения языковых норм в разных функциональных разновидностях русского языка, в связи с чем делает вывод, что «необходима целенаправленная, последовательная, активная государственная языковая политика, тщательная разработка мер контроля и регулирования» (с. 47).

В статье А.В. Величко «Изменения в русском языке современного периода и языковая политика» в фокусе внимания автора находятся изменения, которые происходят в русском языке в настоящий период. Автор отмечает, что «новые явления, вошедшие и входящие в русский язык, чрезвычайно многогранны, поэтому и подходить к их квалификации следует дифференцированно» (с. 66). Автор выделяет два типа изменений в современном русском языке – внутренние и внешние. Внутренние изменения обусловлены изменениями в жизни самого национального сообщества, и они расцениваются как естественные и закономерные. Внешние изменения (происходящие) в русском языке – это результат влияния других языков и других культур.

Второй раздел сборника «Языковые контакты: Русский язык на мировой арене» открывает статья В.И. Карасика «Импорт англоязычных концептов в русскую лингвокультуру», в которой рассматриваются характеристики англоязычных заимствований в современном русском языке. В.И. Карасик выделяет основные типы ментальных образований, импортируемых из англоязычной культуры в русское языковое сознание: оценочно-нейтральные, общеоценочные и частнооценочные концепты.

В статье М.Б. Раренко «Русско-английские языковые контакты: К вопросу о заимствованиях из русского языка в англий-

ский» рассматриваются русско-английские языковые контакты начиная с XII в., в ходе которых происходили заимствования не только из английского языка в русский, но из русского языка в английский. Отмечается, что русские слова могли проникать в английский язык не обязательно непосредственно через контакты с русскими, а через западноевропейские языки.

З.Г. Прошина в статье «Восточноазиатские заимствования в русском языке: Лексикографический аспект» анализирует вариативность заимствованных ориентализмов, причины такой вариативности, описывает процесс адаптации ориентализмов на разных уровнях языковой структуры (фонографической, морфологической и синтаксической, лексико-семантической) и обосновывает необходимость создания русско-английского словаря китайских, японских и корейских заимствований, собранных из печатных и электронных русскоязычных источников.

В статье О.С. Крюковой «Новая лексика медицинского и социального дискурса в русском языке, или неологизмы карантинного времени» анализируются слова, появившиеся в русском языке в связи с распространением коронавирусной инфекции и представляющие собой заимствования из английского языка и окказионализмы. Автор делает предположение, что «срок жизни» таких слов недолог: часть новой лексики станет неактуальной и уйдет в пассивный запас, а впоследствии устареет.

Завершает раздел реферат Н.Н. Трошиной на книгу И. Остманна «Руссизмы в немецком языке» (2015), в которой прослеживается история слов, попавших в немецкий язык из русского, начиная с IX–X вв. до наших дней.

В третий раздел сборника «Проблемы его изучения русского языка» вошли статьи, в которых авторы обращаются к вопросам функционирования русского языка, его преподавания и изучения. В статье Л.Д. Захаровой «Позиционные чередования парных зубных переднеязычных согласных перед [е] в заимствованных словах» рассматриваются вопросы позиционных чередований твердых и мягких зубных переднеязычных согласных перед ударным и безударным [е], в частности, вопросы обратной замены мягкого согласного на твердый. В результате интерпретации данных, полученных экспериментальным путем, в статье делается вывод о том, что в настоящее время в русском языке в заимствованных словах помимо ассимилятивного процесса, выражающегося в замене твердого согласного на мягкий в позиции перед [е], наблюдается и обратный процесс – замена мягкого согласного на твердый.

В статье Е.В. Кореновой «Современные учебники по русскому языку для испаноговорящих» рассматриваются вопросы преподавания РКИ в Испании. Автор описывает школы преподавания, созданные в разных испанских городах, а также тенденции, связанные с текущей политической и экономической ситуацией и запросами рынка труда, отмечая, что испанские преподаватели работают над созданием современных учебных пособий, отвечающих европейским стандартам, запросам сегодняшнего дня и модели (социальной, возрастной и т.п.) обучающихся, а также современным методическим требованиям и техническому оснащению занятий.

В статье М.Б. Паренко «К вопросу об изучении русского языка в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии» рассматриваются вопросы функционирования русского языка на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии начиная с первых русско-английских контактов в XII в. Автор отмечает, что «с тех пор отношение к русскому языку и русской культуре претерпели значительные изменения. Были периоды повышенного интереса к России, со стороны Великобритании, как и периоды “охлаждения”» (с. 161). Среди основных причин интереса к России, русскому языку и русской культуре следует назвать коммерческие отношения, интерес к русской литературе, достижения отечественных ученых в разных областях науки и техники, а также туризм.

В статье И.Е. Коптеловой «Кентавры, химеры, монстры: Окказиональные слова с иноязычными графическими элементами» отмечается, что «в последнее время русский язык не только принимает много заимствованных слов из других языков, и, в первую очередь, английского» и «частично на основе заимствованных слов, частично на традиционной лексике, в русском языке происходят активные процессы словообразования» (с. 184). В статье рассматриваются окказиональные слова, созданные способом блендинга с использованием иноязычного графического элемента. Автор статьи утверждает, что такие слова в первую очередь возникают в таких сферах, как нейминг, реклама и дискурс СМИ.

В статье О.В. Чагиной «Русские фитонимы: Лингвокультурологический аспект описания в иностранной аудитории» представлен взгляд на проблемы и возможности, открывающиеся при обращении к многообразному миру растений средней полосы России в процессе преподавания русскому языку в иностранной аудитории. Автор отмечает, что «особый интерес у иностранных уча-

щихся вызывает фитонимика и круг вопросов, связанных с ней: этимология, семантика, словообразование, особенности национального восприятия, сопоставительный анализ» (с. 194).

Завершает сборник статья Е.В. Майоровой «Национальный корпус русского языка: Возможности и перспективы использования», в которой рассказывается о преимуществах использования корпусов для языковых исследований и подробно описываются базовые функции языкового корпуса на примере Национального корпуса русского языка.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить всех авторов, предоставивших материалы для настоящего сборника.

Список литературы

Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 482 с.

М.Б. Паренко

1. РУССКИЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.31249/ruslang/2021.00.01

И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни[©]

РУССКИЙ КАК МИРОВОЙ ЯЗЫК: ЮРИДИЧЕСКИЙ И ФАКТИЧЕСКИЙ СТАТУС

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные со статусом русского языка как международного в современном мире. При описании языковой ситуации внутри государства или его части могут использоваться понятия официального / юридического и реального / фактического статуса идиомов, представленных на соответствующей территории. В различные исторические периоды между официальным и фактическим статусами могут быть существенные расхождения. С этой точки зрения, после распада Советского Союза внешний юридический статус русского остался прежним: наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским он продолжает быть официальным рабочим языком ООН, а внутренний формально повысился после конституционного закрепления за ним статуса государственного языка как языка государствообразующего народа.

Вместе с тем фактический статус русского как международного языка претерпел изменения. С одной стороны, в большинстве бывших советских республик наблюдается ярко выраженное стремление ограничить сферу его использования; с другой стороны, ликвидация социалистического лагеря привела и к сужению его применения на территории соответствующих государств. Заметно снизился удельный вес русского языка в сфере научных публикаций, что может негативно отразиться и на его международном статусе в целом.

Ключевые слова: русский; мировой; язык; юридический; фактический; статус.

© Валуйцева Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, заведующий кафедрой, ГОУ МО Московский государственный областной университет, e-mail: irinaiv-v@yandex.ru; **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории языка и англистики, заведующий кафедрой, ГОУ МО Московский государственный областной университет, e-mail: khukhuni@mail.ru

RUSSIAN AS THE WORLD LANGUAGE: OFFICIAL AND ACTUAL STATUS

Abstract. The paper deals with some aspects related to the status of Russian as an international language in the modern world. When describing a linguistic situation within any state or its part, the concepts of an official / legal and real / actual status of idioms represented in the corresponding territory can be used. At different historical periods, there may be significant discrepancies between the official and actual statuses. The legal status of Russian as an international language has not much changed for the last century: it remains the working language of the UNO as well as English, Arabic, Chinese, Spanish and French. Its internal status has formally even increased: the present Constitution proclaims Russian to be the language of a state-forming nation.

At the same time, the actual status of Russian as an international language has undergone changes. On the one hand, in most of the former Soviet republics, there is a pronounced desire to limit a scope of its use; on the other hand, the dissolution of the Soviet bloc has led to the narrowing of its use in former socialist countries. A share of scientific publications in the Russian language has noticeably decreased, which may negatively affect its international status as a whole.

Keywords: Russian; world; language; legal; actual; status.

В системе терминов, которые широко используются в социалингвистических трудах, применяются такие понятия как «язык межнационального общения», «международный язык», «мировой язык», «глобальный язык». Первый термин, как правило, относят к тому, что можно назвать «внутригосударственным» аспектом использования идиома в качестве коммуникативного средства. Согласно «Словарю социалингвистических терминов» это – «язык, обеспечивающий языковые контакты между всеми народами в пределах государства» [Словарь социалингвистических терминов 2006, с. 256]). Словосочетание «глобальный язык» практически закреплено в современном мире – с полным на то основанием – за английским. Термины «международный язык» и «мировой язык», скорее, могут характеризоваться как пересекающиеся. Это соотношение отражается и в процитированном выше справочном издании. В нем можно найти оба понятия. В дефиниции, относящейся

* **Irina I. Valuitseva**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theoretical and Applied Linguistics, Head, Moscow Region State University, e-mail: irinaiv-v@yandex.ru; **Georgy T. Khukhuni**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Language Theory and English Studies, Head, Moscow Region State University, e-mail: khukhuni@mail.ru

к международному, указывается, что он представляет собой «язык, который используется как средство общения между разными государствами» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 114]. В определении мирового языка, с одной стороны, акцентируется внимание на правовом аспекте (применение в сфере официальных международных отношений, имеющее официальное юридическое закрепление), а с другой – он квалифицируется как «язык, имеющий функциональный (фактический) статус мирового языка – язык, использующийся во всех коммуникативных сферах, в том числе и в официальных и неофициальных сферах международного общения» [там же, с. 129–130]. Если пренебречь некоторой тавтологичностью (словосочетание «мировой язык» фигурирует здесь и как определяемое, и как определение), то обе дефиниции обнаруживают явную схожесть, тем более что, как поясняется далее, распространение мировых языков «может иметь как глобальный, так и региональный характер» [там же, с. 130]. Обращает на себя внимание и тот факт, что, если при характеристике первого значения термина «мировой язык» подчеркивается юридическое оформление статуса идиомы как такового, то во втором говорится уже о статусе фактическом. В данном случае имеет место та же дихотомия официального / юридического и реального / фактического статусов, которая применяется при описании языковой ситуации внутри какого-либо *не* моноязычного государственно-территориального образования либо его части, отличающейся в языковом отношении.

Использование каждого из членов «клуба мировых языков», т.е. идиомов, официально признанных рабочими языками ООН, отличается определенной спецификой. Скажем, испанский и арабский действительно применяются «как средство общения между разными государствами», но в настоящее время это почти исключительно страны, для подавляющего большинства населения которых эти языки являются *родными*. С этой точки зрения, здесь вряд ли можно обнаружить принципиальное отличие от такого языка как, например, португальский (используемый в межгосударственных отношениях Португалии с Бразилией или бывшими колониями в Африке), подобного статуса официально не имеющего. Аналогичной является и ситуация с немецким, когда речь идет об отношениях между германоязычными государствами, хотя его отсутствие в списке «мировых языков» объясняется политическими причинами, связанными с наследием двух мировых войн.

Переходя к русскому языку, можно отметить как черты, сближающие его в данном плане с другими членами «клуба мировых языков», так и специфические особенности.

Хотя социолингвистический анализ интересующего нас феномена исходит из сложившейся к настоящему времени ситуации, характер исследуемого вопроса предполагает и обязательный учет диахронического аспекта. Это обусловлено тем, что, если официальный статус языка на международной арене может обладать относительной устойчивостью (но не неподвижностью), то его фактический статус способен за короткое время существенно измениться.

В этом плане при рассмотрении ситуации с русским языком на протяжении XX – начала XXI в. представляет интерес сопоставление ее с немецким.

Возьмем за точку отсчета ситуацию до Первой мировой войны. Если говорить об официальном статусе, то на международной арене практически полностью преобладал французский. Его монополия была нарушена только на Версальской мирной конференции, где – хотя и с явной неохотой – французским лидерам пришлось признать равноправие с английским, закрепленное затем и в функционировавшей в межвоенные годы Лиге Наций. Как немецким, так и русским языками пользовались в ограниченной степени: первым – когда речь шла о контактах между Германской и Австро-Венгерской империями (другие страны Европы, где представлен немецкий язык, ведущей роли в политической жизни континента не играли); вторым в некоторых случаях – в славянской среде. В этом смысле международный статус обоих (как официальный, так и фактический) был несопоставим с положением внутри соответствующих государств – не будет преувеличением сказать, что три империи в своей совокупности занимали большую часть тогдашней Европы, а Германская располагала еще и некоторым числом заморских колоний (Германская Юго-Западная Африка, Самоа и др.), хотя ни с британскими, ни даже с французскими колониальными владениями они сравниться не могли. Российская империя, подобного рода экспансией не занималась. Попытка знаменитого путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая заинтересовать царское правительство проектом колонизации Новой Гвинеи не привела к каким-либо практическим результатам, а в записке одного из высших сановников – П.Н. Дурново, адресованной императору Николаю Второму, целью которой было предотвратить участие страны в будущей войне, отсутствие непримиримых про-

тиворечий с Германией мотивировалось, в числе прочих, и следующим доводом: «Будущее Германии на морях, т.е. там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем» [Записка, электронный ресурс]. Однако Российская империя и доминировавший в ней язык охватывали огромные пространства в Закавказье, Средней Азии, Сибири, на Дальнем Востоке, убедительно иллюстрируя сказанные в XVIII столетии слова М.В. Ломоносова об обширности мест, где русский язык господствует.

Если обратиться к другим сферам международных контактов в рассматриваемый период времени, в частности, к области науки, то здесь за немецким приходится признать явное преимущество. Наиболее ярко это проявлялось именно в области лингвистики, которая порой именовалась, хотя и неофициально, «немецкой наукой». Приведем такой пример. Среди нескольких благожелательных откликов на труд Ф. де Соссюра об индоевропейском вокализме была и статья Н.Н. Крушевского. А.А. Холодович по этому поводу заметил: «<...> кому бы пришлось в голову читать лингвистическую работу по-русски, когда международным языком уважающих себя лингвистов в то время был немецкий?» [Холодович, 1977, с. 657]. Некоторым исключением можно считать область славистики, но и здесь не обходилось без курьезов, вроде всерьез выдвинутого на Предварительном съезде русских филологов 1903 г. одним из немецких участников (заверявшим, что он делает его не «как “немецкий патриот”, а только как ученый, в интересах славянского мира») предложения публиковать проектируемую «Энциклопедию славянской филологии» сначала на латинском языке, а после того, как эта абсурдная уже для начала XX в. инициатива была отклонена – естественно, на немецком [Лаптева, 2012, с. 20]; см. также [Валуйцева, Хухуни, 2020], что тоже принято не было.

Первая мировая война и последующие события внесли свои коррективы. Распад Австро-Венгерской монархии и потеря некоторых территорий (включая заморские колонии) Германией привели к тому, что во вновь возникших государствах (Югославия, Венгрия, Чехословакия, Польша) и возвращенных Франции Эльзасе и Лотарингии проблема статуса немецкого языка из *внутренней* для Германии и Австрии стала *внешней* с соответствующей утерей им официального статуса. Во многих случаях наблюдалось стрем-

ление новых властей максимально ограничить и фактический статус немецкого. Понятно, что и на международной арене претендовать на какое-либо равноправие с официальными языками Лиги Наций немецкий тем более не мог. Однако в области науки его престиж сохранялся, и наряду с английским и французским он продолжал использоваться, хотя и в меньшей степени, в трудах зарубежных исследователей.

Если говорить о русском языке в межвоенную эпоху, то особых изменений в его статусе не произошло. Среди основных международных языков он не числился. Но так обстояло дело и в предыдущий период. «Внешним» (и не слишком привлекательным), если говорить о территории бывшей Российской империи, он оказался только в Польше, Финляндии и в прибалтийских государствах до их включения в состав СССР в 1940 г. В науке также по-прежнему использовался почти исключительно внутри страны, но здесь какой-либо серьезной конкуренции ни один международный язык ему не составлял. Да и публиковаться на иностранных языках, а тем более в зарубежных изданиях становилось в 30-е годы не слишком безопасно.

Наибольшее влияние во внешнем мире русский язык, в отличие от немецкого, обрел в послевоенные десятилетия. И в этом плане представляет интерес то освещение, которое вопрос о положении русского языка получил в книге Г. Глисона, опубликованной в 1955 г. Ее русский перевод, выполненный Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат – впоследствии известными лингвистами – вышел в нашей стране практически сразу же – в 1959 г., и отечественным специалистам она давно и хорошо известна. Тем не менее предваряя текст русской версии, приведем цитату из оригинала, поскольку, как можно обнаружить при сравнении того и другого фрагмента, между ними наблюдаются определенные отличия – как раз в том аспекте, который является для нас наиболее интересным.

«A large part of Eastern Europe is occupied by speakers of Slavic languages. About a half of this population use Russian, originally the language of the region centering on Moscow but now spoken across northern Asia in which areas it is supplanting many of the indigenous languages. It is widely used as a second language in portions of the U.S.S.R. in which other languages are dominant and in countries of the Soviet sphere. This gives a position as one of the leading languages of the world, probably second only to English in social and political significance» [Gleason, 1955, p. 352].

«Население большей части Восточной Европы говорит на славянских языках. Около половины этого населения пользуется русским языком, являвшимся первоначально языком областей, расположенных вокруг Москвы, а теперь распространившимся и на территорию северной Азии, где он сосуществует наряду с многими местными языками. Он также широко используется в качестве второго языка в тех частях Советского Союза, где основными являются другие языки. Это – один ведущих языков мира, по своему социальному и политическому значению он уступает разве только английскому языку» [Глисон, 1959, с. 457–458].

Редакция добавила примечание, характерное для тех лет: «Данную оценку английского языка следует целиком отнести к личным воззрениям автора» [Глисон, 1959, с. 458].

Позволим себе следующее замечание. Во-первых, передача слова *supplant* как *сосуществуют*, мягко говоря, явно не может служить образцом переводческой эквивалентности / адекватности, поскольку английский глагол означает «занять чье-либо место, выжить, вытеснить» [Большой... Электронный ресурс]; во-вторых, опущенным оказалось и словосочетание о странах, входящих в сферу советского влияния, что играло существенную роль при рассмотрении фактического статуса русского языка в его международной ипостаси. Практически во всех странах, входивших в состав социалистического лагеря, русский активно вводился в систему образования в качестве ведущего иностранного языка, хотя далеко не у всех жителей этих государств такое внедрение вызывало исключительно положительные эмоции.

Что касается официального статуса русского языка, то он, в первую очередь, определялся включением его в список официальных языков Организации Объединенных Наций. С формальной точки зрения это – признание его языком мирового значения, что всегда подчеркивалось в советской социалингвистической литературе, нередко сопровождаемая соответствующими идеологическими комментариями. Да и в государствах, к советской сфере влияния никак не относившихся и даже прямо ей противостоявших, были предприняты шаги для более широко его изучения. «После запуска советского спутника интенсивные курсы по чтению научной и специальной литературы на русском были введены в программу многих американских университетов, а также проводились в исследовательских институтах и научных лабораториях США» [Романов, 2017].

В 60–70-е годы усилилась внешняя языковая политика СССР, для чего использовались и соответствующие учреждения и организации: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, а также мероприятия, связанные с пропагандой русского языка за рубежом (олимпиады, конкурсы, фестивали и т.п.).

Если говорить о статусе русского языка как средства международной *научной коммуникации*, то было бы явным преувеличением утверждать, что даже в эти годы он вышел в мире на лидирующие позиции. Конечно, на международных конференциях русская речь звучала; но использовали ее чаще всего советские делегаты. Исключение составляли мероприятия, посвященные специально русистике или славяноведению. Но здесь принципиального отличия от начала XX в., в общем, не было. Ведущие международные журналы того времени русский язык в качестве рабочего обычно не называли, тогда как немецкий в подобной функции, наряду с французским, еще мог использоваться параллельно с английским. В этой связи характерным представляется замечание Э. Кёрнера, автора опубликованной в первой половине 70-х годов XX в. монографии о Ф. де Соссюре. Упоминая работу Э. Коссериу «Синхрония, диахрония и история», он заметил, что она прошла почти незамеченной, поскольку была написана на испанском языке (напомним, формально имеющим статус «мирового»!) и к моменту выхода в свет книги Кёрнера еще не была переведена на «три главных языка западной науки» («three major languages of Western scholarship») [Koerner, 1973, p. 301]. Отметим, что на русском языке она вышла уже за десять лет до того [Коссериу, 1963].

Переходя к тем процессам, которые происходили и происходят в десятилетия, последовавшие за распадом Советского Союза, ликвидацией социалистического лагеря и сопутствовавшими им событиями, остановимся на следующих моментах.

Говоря об официальном статусе русского языка в качестве мирового, придется признать, что *внешне* каких-либо изменений он не претерпел: подобно тому, как Российская Федерация сохранила место в Совете Безопасности ООН в качестве преемницы Советского Союза, русский язык также сохранил статус официального языка этой наиболее авторитетной международной организации и по-прежнему числится в «клубе мировых языков» наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским. Если же

рассматривать его официальный статус в самой России, то здесь можно даже говорить о его повышении: согласно статье 68 последней редакции ныне действующей Конституции, «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [Конституция Российской Федерации 2020. Электронный ресурс]. Напомним, что ни по Конституции СССР, ни по Конституции РСФСР таким статусом русский язык не обладал (что, вероятно, было связано с высказыванием В.И. Ленина: «<...> обязательный государственный язык связан с принуждением, вколачиванием <...> Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: – отсутствие обязательного государственного языка» [Ленин. Электронный ресурс]. Правда, в 1990 г. был принят Закон о языках народов СССР, пункт 4 которого содержал следующую формулировку: «С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство межнационального общения» [Закон... о языках народов СССР. Электронный ресурс]. Однако в связи с общей ситуацией, сложившейся к тому времени в стране, и последовавшим в 1991 г. распадом Советского Союза вряд ли можно говорить о каком-либо реальном его значении.

В постсоветский период ряд моментов, имеющих отношение к международному статусу русского языка, в определенной степени напоминал те, которые характеризовали рассмотренную выше ситуацию с немецким. В первую очередь, после распада СССР положение русского языка в бывших советских республиках из вопроса, относящегося к внутривнутриполитической повестке, перешло в разряд внешнеполитических. И – аналогично тому, что наблюдалось в новых независимых государствах после Первой мировой войны по отношению к немецкому – во многих из них предпринимаются весьма жесткие меры по ограничению, если не полному вытеснению русского языка практически из всех социально значимых сфер.

Далее, потеряла актуальность та самая опущенная при переводе книги Г. Глисона формулировка, которая приводилась выше («It is widely used as a second language <...> in countries of the Soviet sphere»), поскольку в этих странах русский язык занимает в наши дни гораздо более скромное место, уступая не только английскому, но даже языкам партнеров этих государств по Евросоюзу – в

первую очередь, тому же немецкому. Пожалуй, единственная область, где русский расширил сферу своего функционирования, причем не только в странах бывшего социалистического лагеря, — это туризм, поскольку число выезжавших до последнего времени за рубеж жителей современной России несопоставимо с количеством допускаящихся в заграничные поездки советских граждан.

Что же касается области науки, то здесь приходится констатировать тенденцию к явному сужению его функций. В период существования СССР общение между учеными советских республик (как официальное, так «кулуарное»), осуществлялось практически исключительно на русском языке, тогда как в наши дни во многих случаях ситуация существенным образом изменилась. Если в 1920-е годы Владимир Маяковский в качестве примера полного абсурда приводил тот факт, что «с тифлисской казанская академия переписывается по-французски», то сейчас подобные случаи воспринимаются как норма (с заменой французского английским), причем, не только по субъективным, но и по объективным причинам, поскольку в результате осуществляемой в ряде постсоветских государств языковой политики доля владеющих русским языком представителей молодого поколения (в том числе, и ученых) устойчиво снижается. С другой стороны, в российской научной среде наблюдается заметная тенденция к использованию английского языка как в публикациях своих работ, так и выступлениях на проводимых в России конференциях, где для подавляющего большинства участников (включая самих докладчиков) русский язык является родным. Подобная практика во многом поощряется ныне действующей системой оценки рейтинга научных достижений, когда важнейшим критерием становятся публикации в журналах, входящих в международные индексы цитирования, которые в своем подавляющем большинстве являются англоязычными. Подобное «лингвистическое вытеснение» относится не только к русскому языку. Аналогичные тенденции отмечают и представители других национальных традиций, в частности, той же немецкой — см., например, [Немецкий язык в науке. Электронный ресурс]. В этом отношении не столь далекой от истины выглядит шутка наших израильских коллег о том, насколько малы были бы в наши дни шансы Господа сделать у них в стране научную карьеру: «Indeed, in Israel it is said that God himself would not get promotion in any science department at the Hebrew University of Jerusalem. Why not? Because he has only one publication — and it was not written in English» [Bellos. Электронный ресурс]. О том, какие

последствия может иметь вытеснение русского языка из области науки для самого научного творчества, нам уже доводилось неоднократно писать (см., в частности: [Валуйцева, Хухуни, 2020]). Не лучшим образом оно может сказаться и на международном статусе русского языка в целом, если речь идет о статусе фактическом. Как отмечалось выше, подъем интереса к русскому языку, наблюдавшийся во второй половине XX в., в немалой степени определялся и тем впечатлением, который произвели на мир успехи советской науки, в частности освоение космоса. Все это побуждало к изучению того языка, на котором абсолютное большинство отечественных ученых представляло результаты своей деятельности. Исчезновение или существенное сокращение публикаций на русском языке, естественно, приведет и к уменьшению роли названного стимула, что неизбежно отразится и на отношении к русскому языку в окружающем мире.

Список литературы

- Большой англо-русский и русско-английский словарь.* Электронный ресурс // Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/780134/supplant. (дата обращения 09.08.2020).
- Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.* Глобальный и национальные языки в научных публикациях : новая форма диглоссии? // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами : сборник научных трудов / отв. ред., ред.-составитель Раренко М.Б. – М. : РАН. ИНИОН, 2020. – С. 176–190.
- Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. – М. : Издательство иностранной литературы, 1959. – 485 с.
- Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР».* Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1729&page=1> (дата обращения 04.04.2020).
- Записка Петра Николаевича Дурново императору Николаю II* // Православие. ру. Электронный ресурс. // Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/36667.html>. (дата обращения 17.07.2020).
- Конституция Российской Федерации. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.* // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
- Коссериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.
- Лаптева Л.К.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – М. : Индрик, 2010. – 840 с.
- Ленин В.И.* Нужен ли обязательный государственный язык? Электронный ресурс // Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9D%D1%83%D0%B6%D0%>

B5%D0%BD_%D0%BB%D0%B8_%D0%BE%D0%B1%D1%8F%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8 B%D0%B9_%D1%8 F%D0%B7%D1%8 B%D0%BA%3 F_(%D0%9 B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD) (дата обращения: 09.08.2020).

Немецкий язык в науке: золушка, мечтающая снова стать принцессой // DW. 1.7.11.2011. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA-%D0%B2-%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B5-%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0-%D0%BC%D0%B5%D1%87%D1%82%D0%B0%D1%8 E%D1%89%D0%B0%D1%8 F-%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8 C-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B9/a-15536118> (дата обращения: 18.07.2020).

Романов А.Ю. Запуск советского спутника и русский язык в США // Мир русского слова. – 2017. – № 1. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapusk-pervogo-sovetskogo-sputnika-i-russkiy-yazyk-v-ssha> (дата обращения: 09.08.2020).

Словарь социолингвистических терминов. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр. Жизнь и труды. // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 650–671.

Bellos D. Is that a Fish in your ear? Translation and the Meaning of Everything. Электронный ресурс // Режим доступа: https://royallib.com/read/Bellos_David/is_that_a_fish_in_your_ear.html#modal (дата обращения 18.07.2020).

Gleason G. An Introduction to Descriptive Linguistics. – New York, 1955. – 496 p.

Koerner E.F.K. Ferdinand de Saussure. Origin and Development of his Linguistic Thought in Western Studies of Language. A Contribution to the History of Linguistics. – Braunschweig : Vieweg, 1973. – XI + 428 p.

С.И. Богданов, М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко[©]

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВОЙ КАПИТАЛ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Положения, внесенные в Конституцию Российской Федерации (п. 1 ст. 68 и п. 2 ст. 69), свидетельствуют о том, что переход от этнокультурной парадигмы языковой политики к национально-функциональной парадигме, ставший реальностью языковой ситуации в России, наконец-то стал отражаться и в институциональном дискурсе. Тем не менее остается ряд вопросов, связанных с проблемами культурного и языкового капитала и национальной и языковой идентичности граждан, материнскими языками которых являются языки народов Российской Федерации. В статье рассматривается связь национальной идентичности с традиционными этническими языками и делается вывод о недостаточной четкости понятия «родной язык», доминирующего в отечественной социолингвистике. В современной языковой ситуации носители делают сознательный выбор в пользу коммуникативно сильных языков для использования и изучения. Их интуитивный выбор подтверждается данными объективного количественного анализа с использованием калькулятора весов языков.

Ключевые слова: национальная идентичность; родной язык; наследственный этнический язык; культурный капитал; языковой капитал; калькулятор весов языков.

© Богданов Сергей Игоревич, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; **Марусенко Михаил Александрович**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; **Марусенко Наталья Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

**RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC CAPITAL
OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The provisions introduced in the Constitution of the Russian Federation (paragraph 1 of Article 68 and paragraph 2 of Article 69) indicate that the transition from the ethnocultural paradigm of language policy to the national-functional paradigm, which has become the reality of the language situation in Russia, has finally become reflected in institutional discourse. Nevertheless, a number of issues remain related to the problems of cultural and linguistic capital and the national and linguistic identity of citizens whose mother languages are the languages of the peoples of the Russian Federation. The article examines the relationship of national identity with traditional ethnic languages and concludes that the concept of «native language», which dominates in domestic sociolinguistics, is not clear enough. In the current language situation, native speakers make a conscious choice in favor of communicatively strong languages for use and study. Their intuitive choice is confirmed by objective quantitative analysis using a language weight calculator.

Keywords: national identity; mother tongue; hereditary ethnic language; cultural capital; language capital; language weight calculator.

Положения, внесенные в обновленную версию Конституции Российской Федерации (п. 1 ст. 68 «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» и п. 2 ст. 69 «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия»), свидетельствуют о том, что переход от этнокультурной парадигмы языковой политики к национально-функциональной парадигме [Марусенко, 2018, с. 177–178], ставший реальностью языковой ситуации в России, наконец-то стал отражаться и в институциональном дискурсе.

Это не снимает, однако, вопросов, связанных с проблемами языкового капитала и национальной и языковой идентичности

* **Serguey I. Bogdanov**, Doctor of Philology, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University; **Mikhail A. Marusenko**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University; **Natalia M. Marusenko**, PhD, Associate Professor St. Petersburg State University, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.

граждан, материнскими языками которых являются языки народов Российской Федерации.

Начиная с 1990-х годов социальные науки отошли от измерения отношения к изучению живых языков как к фиксированному набору переменных, характеризующих личное отношение к языку, и стали изучать комплексную идентичность, неотделимую от более широкого понятия социального инвестирования. Этот термин означает «социально и исторически выработанное отношение обучающихся к изучаемому языку и их амбивалентное желание изучать и практиковать этот язык» [Norton, 2010, p. 349]. В этой парадигме изучение современных языков рассматривается как форма культурного капитала.

Культурный капитал, образующийся благодаря знанию престижных языков, преобразуется в материальное преимущество. Дискурсивное обоснование межкультурных компетенций (многоязычие на престижных языках) выдает космополитизм за деонтологический идеал и игнорирует транснациональные многоязычные компетенции, где транснациональный обозначает выход за пределы национальной модели и где лояльность основана на транслокальных социальных сетях, а не на глобальной вселенной. Развитие личности благодаря путешествиям и контакту с другими культурами является популярной темой западноевропейской литературы о путешествиях и ключевым положением космополитического дискурса. Поэтому неудивительно, что многие учащиеся школ планируют такие контакты в будущем, отдавая дань «романтическому консьюмеризму», в котором сочетаются гуманистические мотивы саморазвития через межкультурные контакты и неолиберальные рыночные тенденции.

В том дискурсивном поле, в котором осуществляется изучение живых языков в школе, считается, что компетенции в других языках являются формой культурного капитала. Этот капитал, как и другие формы капитала, может трансформироваться либо в реальные ресурсы в виде возможностей трудоустройства, либо в более тонкое поле символической ценности или личных качеств, которое отделяет хорошего гражданина от неолиберальной системы распределения ресурсов [Coffey, 2018, p. 476–477].

Остановимся на проблемах языкового капитала носителей наследственных этнических языков народов Российской Федерации.

Роль наследственных этнических языков в языковом капитале их носителей объясняется их связью с идентичностью, которая имеет динамичную и социально конструируемую природу. Эта

идентичность воплощается в дискурсе и зависит от языка, который является средой, в которой она реализуется. Идентичность понимается как категория, к которой принадлежит человек, причем один человек может принадлежать к большому числу социальных категорий, основанных, например, на гендере, этничности, гражданстве, культурном наследии, возрасте, профессии, социальном статусе и т.д. Один человек может иметь множественную идентичность и использовать разные ее компоненты в разных социальных ситуациях. Таким образом, идентичность – это не статичная категория, а процесс, в котором участвуют объединения, противопоставления и обсуждения. Идентичность имеет динамическую природу и меняется в зависимости от ситуации, в которой находится индивид или целая группа.

Почти все исследователи отмечают, что идентичность создается и дискутируется с помощью языка. Эта связь между идентичностью и языком представляет собой тесное и взаимно конституирующее отношение, особенно, если язык имеет высокую символическую ценность и играет важную роль в определении места и роли человека в обществе [Djité, 2006]. Она влияет на социальную идентичность и на переменные этой идентичности, такие как этничность, гендер, класс, образование и культура, определяющие социальный статус человека. Поэтому язык является не только средой, в которой происходит идентичностный дискурс, но и источником идентичностной интерпретации других и другими. В то же время, исходя из постструктуралистского подхода к языку и идентичности, язык считается местом, где создается идентичность, главным полем битвы за ее признание [Shi, 2006].

Люди реализуют свою идентичность через выбор языка и построение высказываний. Язык, на котором они говорят, создает особую реальность, предлагая им некоторые семантические и прагматические элементы для самовыражения. Более того, так как язык и культура взаимно обусловлены, человек может перемещаться в рамках различных социальных ролей внутри одного языкового сообщества.

Люди, говорящие на двух и более языках, включая носителей наследственных языков, которые воспитываются дома или в языковом сообществе, где говорят не на мажоритарном языке, взаимодействуют с разными языковыми сообществами. Носители наследственных языков борются за свою идентичность в контакте с разными языками, их властными отношениями и социальными ролями в обществе. Поэтому необходимо понимать, что такое

идентичность и как ведется борьба за ее признание внутри и за пределами языкового сообщества.

Идентичность носителей наследственных языков строится и контекстуализуется путем поддержки и построения связей с двумя или более языками и культурами. Для анализа этого процесса используется, кроме понятий «язык» и «культурный капитал», понятие «позиционирование субъекта» [Maguire, Curdt-Christiansen, 2007].

Для носителей наследственных языков, большинство которых принадлежат одновременно к двум и более языковым сообществам (мажоритарного и одного или более миноритарных языков), построение идентичности является индивидуальной проблемой. Предложенное П. Бурдьё понятие языкового рынка объясняет эту проблему разной социальной ценностью языков. Носители двух и более языков осознают разницу социальных условий, которые придают ценность различным языкам и наделяют властью носителей престижных мажоритарных языков, создающих ценность языкового капитала. Таким образом, «язык формирует некий вид богатства» и легитимирует использование мажоритарного языка за счет девальвирования использования миноритарного или наследственного языка [Bourdieu, 1993, p. 39–43].

Такое социальное поведение характерно не только для мажоритарного сообщества, но существует также среди носителей наследственных языков и отражает языковые нормы и отношение к более или менее престижным языкам, вариантам и диалектам. Так, самый престижный вариант наследственного языка или более высокий уровень грамотности на этом языке оцениваются выше, чем некоторые диалекты и специфические грамматические, лексические и прагматические варианты [Colombi, Rosa, 2003]. Такое поведение может приводить к тому, что некоторые носители наследственных языков начинают рассматриваться как «чужие» и позиционироваться вне сообщества носителей наследственного языка.

Это является обратной стороной борьбы за признание идентичности носителей наследственных языков: они могут иметь очень разные уровни языковых компетенций и разный социальный и этнический статус внутри своих сообществ. Поэтому им приходится отстаивать свою идентичность не только в борьбе с идеологией мажоритарного сообщества, но и внутри своего собственного языкового сообщества.

При этом нужно иметь в виду, что в современных условиях культурная идентичность, являющаяся частью социальной иден-

тичности, не обязательно требует владения наследственным языком, и человек может самоидентифицироваться с наследственным сообществом, даже если он моноязычен на мажоритарном языке. С этой точки зрения идентичность на наследственном языке подразумевает не только владение наследственным языком, но и определенный уровень аффилиации с наследственной культурой. Поскольку поддержка наследственного языка и связь между этим языком и культурой обеспечиваются отдельными людьми и семьями, невозможно воспроизвести, передать и приобрести полный набор социокультурных и межличностных функций такого языка таким же путем, как передается мажоритарный язык. Поэтому симметричное двуязычие (билингвизм) должно восприниматься как цель, которая далеко не всегда достижима. Двуязычные компетенции представляют собой континуум и зависят от частоты контактов и отношения человека к обоим языкам [Valdés, 2001].

Доминирующей является другая форма контакта языков – диглоссия (триглоссия и т.д.), при которой мажоритарный язык выполняет функции высокого языка (обеспечивая высшие коммуникативные функции), а миноритарный – функции низкого языка, обеспечивающего коммуникацию в сфере внутрисемейного и внутриобщинного общения.

Необходимо отметить, что доминирующая роль языка в структуре национальной идентичности в советской и, соответственно, российской науке является сильно переоцененной. Главный недостаток такого подхода заключается в том, что он не позволяет зафиксировать людей смешанного происхождения и смешанного этнического самосознания, каких в России миллионы.

В нашей стране живут миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих родителей. Почему их нужно ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли это делать в предыдущие времена [Тишков, 2000]? В.А. Тишков напоминает, что Конституция дает гражданину право не указывать свою национальную принадлежность.

Точка зрения В.А. Тишкова не является данью моде или уступкой модернизму, как это иногда пытаются представить его националистически настроенные оппоненты. Она имеет глубокие исторические корни: так, выдающийся русский лингвист, он же польский националист, заплативший за публикацию в 1913 г. своей книги, посвященной национальному вопросу, увольнением из университета и заключением в петербургских Крестах, Иван Алек-

сандрович (крещен как Ян Нецислав Игнаций) Бодуэн-де-Куртенэ в работе, написанной в 1907 г., но опубликованной только в 1913 г., выразил точку зрения прогрессивной российской научной интеллигенции на идеологию первой (и единственной) Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Бодуэн считал, что принадлежность к национальности должна быть предоставлена самоопределению каждого индивида. Определяя по объективным признакам принадлежность людей к той или иной общественной группе, нельзя смотреть на этих людей просто как на предметы научного исследования и классификации, как на безличные существа, как на животные и растения. Только при субъективном самоопределении и самооценке мы имеем дело с личностями, с гражданами [Бодуэн-де-Куртенэ, 1913, с. 15–17].

Язык, который при распределении людей по отдельным антропологическим, этнографическим и национальным категориям считается одним из важнейших признаков, является далеко не исчерпывающим показателем. Он должен рассматриваться в комплексе из семи признаков, первые пять из которых являются подвижными, переносными, связанными непосредственно с самими носителями: 1) антропологические сходства и различия, которыми определяется большее или меньшее расовое родство; 2) язык как главное основание для определения племенного родства; 3) идеологические и прочие верования и все коллективное мировоззрение; 4) народная словесность; 5) обряды и обычаи; 6) памятники письменности и искусства; 7) хозяйственный и домашний быт, тип жилищ и прочих построек, и т.д.

В области национальности, без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда. Даже владея очень хорошо языком известного народа и принадлежа к нему по рождению, можно по тем или другим причинам, выйти из его состава, и наоборот, плохое знание известного языка не мешает сознательному причислению себя к народу, пользующемуся этим языком, как органом национального объединения [там же, с. 18–19].

При сознательном отношении к вопросу о национальности, продолжает Бодуэн, можно свободно принадлежать не только к одной такой группе, но даже к нескольким разным группам или не принадлежать ни к одной из них. Другими словами, вполне возможна сознательная (или полусознательная и даже бессознательная, но могущая быть осознанною) принадлежность к двум и более национальностям, или же полная безнациональность, точнее, вне-

национальность, наподобие безвероисповедности или вневероисповедности. Как возможно в одной и той же голове совмещение двух и более языков, точно так же возможно в ней сознание принадлежности к двум и более национальностям [Бодуэн-де-Куртенэ, 1913, с. 21].

Что касается такой распространенной категории, как «родной язык», по мнению В.А. Тишкова, она обладает чрезмерной эмоциональной символической нагрузкой. В современной науке нет удовлетворительного определения этого понятия, как и не существует общепринятого мнения, что у человека должен быть родной язык и что это может быть только один язык. В современной России также сохраняются упрощенные, взгляды [Тишков 2016, с. 295]. Так, Е.О. Хабенская считает, что «“родной язык” – это язык той этнокультурной общности, с которой ассоциирует себя индивид, т.е., строго говоря, “материнский язык”» [Хабенская, 2004]. Этой же точки зрения придерживаются отечественная наука и общественная практика. Особо рьяно ее защищает титульная общественность в российских республиках, а также представители таких дисциплин, как этнопсихология. Они игнорируют тот очевидный в условиях многоязычных стран факт, что материнский язык – не обязательно родной, а родной язык – не обязательно первый, ссылаясь при этом на мнение В.Г. Костомарова, утверждавшего, что «первый выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [Костомаров, 1991, с. 11]. Однако в жизни часто все обстоит по-другому: родным становится язык основного знания и общения, а первый выученный или слышанный от матери язык никаких особых предрасположений не имеет. Около четверти населения России родились и выросли в этнически смешанных семьях и часто владеют в равной мере языком матери и отца, вырастая в одной языковой среде, затем, во время учебы, воинской службы, работы и т.д. оказываются в другой среде. Среди мажоритарных этносов (имеющих этнотерриториальные автономии) некоторые фактически целиком являются двуязычными.

Бодуэн писал, что «по части признаков субъективных... следует ставить вопрос не о том, какой язык данный индивид считает своим родным – многие это скрывают или же не умеют формулировать ответа, – а о том, на каких языках он говорит и в каком порядке им выучивался» [Бодуэн-де-Куртенэ, 1913, с. 23].

Понятие «родной язык» появилось в переписях в 1926 г. и представляет собой не очень корректный перевод с иностранных

языков вопроса о материнском языке (*mother tongue*, *langue maternelle* и т.д.), который присутствовал в зарубежных переписях. Для выражения содержания отечественного понятия «родной язык» в англоязычной литературе обычно используется термин *native language*, точное значение которого – наследственный этнический язык [Богданов и др., 2020, с. 190].

Аналогом понятия «родной язык» в современных условиях В.А. Тишков предлагает термин «первый язык», который уже успешно используется в социолингвистике (или «главный язык» во многих переписях).

Выдвижение на первый план и абсолютизация языка как главного маркера индивидуальной идентичности можно, вероятно, объяснить тем, что в условиях господства марксистско-ленинской идеологии нельзя было по достоинству оценивать роль этнического происхождения и религиозной принадлежности. Иначе невозможно было бы объяснить существование таких бестерриториальных наций, как курды, живущие в разных государствах и говорящие на разных языках, но сохраняющих сильную национальную идентичность, или евреи, которые до образования государства Израиль были рассеяны по всему миру, говорили на разных языках, но относительно идентичности которых ни у кого не возникало сомнений. Самым последним примером может послужить возникновение ИГИЛ (запрещенного в Российской Федерации), объединившего людей разного этнического происхождения, говорящих на разных языках, но создавших, тем не менее, общую национальную идентичность.

Так как наследственный этнический язык чаще всего используется как средство коммуникации внутри семьи или языкового сообщества, потеря этого языка может привести к нарушению коммуникации между их членами и отразиться на развитии и поведении ребенка. Негативный детский опыт, связанный с наследственным языком, включая унижения, испытанные при контактах с доминирующей культурной средой или с носителями мажоритарного языка, вызывает ослабление идентификации с наследственным языком и культурой. В этих тяжелых условиях процесс становления бикультурной и двуязычной идентичности включает в себя переключение с одного языка на другой (*code switching*) и лавирование между разными аспектами и уровнями идентичности [Val, Vinogradova. Электронный ресурс].

Важным компонентом становления идентичности является позиционирование субъекта (или самопозиционирование). Оно

постоянно проявляется на разных уровнях системы социальных ролей, как только человек начинает сам определять свою принадлежность к той или иной группе и непринадлежность к другим группам. Самопозиционирование, принимающее одни группы и отвергающее другие, основывается на таких идентичностных переменных, как этничность, религия, гражданство, культура, возраст, гендер и классовая принадлежность. Одновременно с тем, как человек или группа формируют категорию «Свой / Свои», они также определяют категорию «Чужой / Чужие», т.е. тех, кто не принадлежит к их группе. Таким образом, в процессе самопозиционирования люди строят свою идентичность, руководствуясь категориями инклюзии или эксклюзии. Определение «Своего» и «Чужого» – это два ключевых процесса, протекающих параллельно.

Носители наследственных языков, с одной стороны, в силу своей приверженности наследственной культуре, могут считать себя членами сообщества наследственного языка и культуры. С другой стороны, они могут считать себя отличающимися от других членов своего языкового сообщества и позиционировать себя как принадлежащих к мажоритарной культуре. Такое самопозиционирование способствует развитию самосознания носителей наследственных языков и расширяет круг их языковых возможностей.

В наше время трудно представить себе носителя наследственного языка, самоидентифицирующегося только с одной культурой. Его наследственная идентичность требует взаимодействия как минимум двух языков и культур, одним из которых обязательно является русский. Носители наследственных языков принадлежат к доминирующему дискурсивному сообществу и, в то же время, к сообществу носителей наследственного языка, часто оказываясь между этими двумя дискурсивными сообществами. Поэтому их идентичность основана на мультикультурном самосознании и на ощущении неравенства языков, с которым они постоянно сталкиваются.

Если с ролью наследственных этнических языков в символическом капитале вопрос более или менее ясен, то их роль в структуре языкового капитала далеко не однозначна. Дело в том, что как экономическая категория языковой капитал, как, впрочем, и человеческий капитал вообще, может иметь два компонента: действительный (реальный) и фиктивный капитал. Действительный (реальный) человеческий капитал представляет собой сформированный в результате инвестиций запас знаний, профессиональных навыков и умений, других производительных человеческих качеств, обеспечи-

вающий, при его рациональном использовании повышение производительности труда и, как следствие, рост доходов его носителя или владельца. Фиктивный человеческий капитал, который, хотя и не образует самостоятельную форму человеческого капитала, но выражает ту его часть (компоненту), которая воплощается на практике в декомпенсированном или некондиционном, т.е. неадекватном текущим общественным потребностям человеческом ресурсе.

Формирование фиктивного компонента обусловлено тем, что в условиях перехода к массовому образованию наряду с приростом действительного (реального) человеческого капитала формируется его фиктивная (мнимая, декомпенсированная или неадекватная общественным потребностям) составляющая. Даже в ведущих экономически развитых странах постоянно обнаруживается несоответствие компетенций выпускников и текущих требований рынка труда, что вызывает необходимость постоянного обновления знаний, совершенствования содержания обучения и перманентного переобучения работников в соответствии с требованиями экономики инновационного типа [Колядин, 2016, с. 95–96].

В современной России в силу ряда специфических исторических и социальных условий фиктивная составляющая человеческого капитала до последнего времени воспроизводится в особо крупном объеме. Только в последние годы правительство принимает меры по приведению программ подготовки специалистов в соответствии с требованиями рынка труда и стратегическими ориентирами развития национальной экономики.

Если рассматривать языковой капитал как товар, реализуемый на рынке труда, то под фиктивными товарами понимаются объекты обмена (языки), не отвечающие требованиям, которые предъявляются к действительным товарам. По сути, фиктивный товар не может обладать реальной стоимостью, и в этой связи обмен, при котором одна из сторон вместо реального товара получает фиктивный, является неэквивалентным обменом, т.е. обманом.

В рамках функционального подхода разграничивают капитал как функцию и капитал как собственность. Формальным проявлением капитала-собственности является наличие дипломов, аттестатов, свидетельств, удостоверений об образовании и профессиональных компетенциях. Если капитал-собственность не будет иметь функции развития, он неизбежно будет омертвляться, приводя к профессиональной деградации своего носителя. Капитал-функция характеризуется продуктивным использованием капитала-собственности. Не секрет, что проблема перехода капитала-

собственности в капитал-функцию применительно к человеческому капиталу чрезвычайно остра и актуальна в условиях современной России.

Наследственные этнические языки, за редким исключением, образуют языковой капитал-собственность и не переходят в капитал-функцию. Рост фиктивной составляющей (интеллектуальной, профессиональной, культурной и т.д.) снижает качество и объем национального человеческого капитала, препятствует его эффективному использованию в общественном производстве. Поскольку система образования непосредственно влияет на качество и количественные объемы человеческого капитала, приоритетное направление и одновременно способ сокращения его фиктивного компонента видится в ее действительной модернизации с учетом требований инновационной экономики [Игнатова, Васильев, 2013, с. 49–55].

В современном мире при выборе языков обучения или изучения используются две стратегии: волонтаристский подход, основанный на интуитивном представлении родителей о ценности того или иного языка для формирования языкового капитала их детей и стратегия количественно-рационального выбора, основанная на объективных измерениях значимости языка в разных сферах коммуникативной деятельности.

В отсутствие хотя бы минимальной дискуссии о соотношении таких трех параметров, как реальная и предполагаемая потребность населения во владении автохтонными и иностранными языками и языковая политика, языковая образовательная политика слабо увязана с коммуникативными потребностями и носит чисто волонтаристский характер. Примером такой политики может служить решение об обязательном изучении двух иностранных языков в системе среднего образования Российской Федерации.

Аналогичная мера была принята Европейским союзом еще в 2002 г. на саммите Совета Европы в Барселоне, причем в решении Евросовета не указывалось, что одним из двух европейских языков обязательно должен быть английский. Это одно из редких решений, которое получило массовую поддержку населения в разных государствах – членах Европейского союза: еще бы, кто же не хочет, чтобы его ребенок, закончив обязательное образование, говорил на трех языках: материнском и двух иностранных, из числа официальных или региональных языков ЕС? Однако реальность, определяемая мониторингом изучения языков в ЕС, проводимом Евростатом каждые пять лет под названием «Евробарометр язы-

ков», показывает, что полученные результаты далеко расходятся с ожидаемыми.

Не касаясь чисто организационных, педагогических и финансовых аспектов такой политики [Марусенко, 2014, гл. 4, 5], остановимся на ее анализе с точки зрения языкового капитала.

Идея о том, что люди при выборе языка руководствуются практическими соображениями (которые лишь недавно получили название человеческого капитала), вовсе не является данью модернизму и либерализму.

И.А. Бодуэн-де-Куртенэ писал: «Подкладку государственности в наших глазах составляют одни только чисто реальные интересы, интересы экономические и общеполитические. И вот, руководствуясь этими реальными интересами, мы даем предпочтение именно русскому языку, как языку взаимного общения между представителями всех областей России. К этому решению нас ведет не “преклонение перед гением русского народа” и не признание каких-то особых преимуществ за русским народом, как за “первым между равными”, а нас ведут к этому просто самые прозаические и практические соображения экономической пользы, соображения наименьшей траты и времени и умственной энергии...» [Бодуэн-де-Куртенэ, 1913, с. 58]. Далее он продолжает: «По педагогическим и общегражданским соображениям, в каждой школе должен быть обязательным, как предмет изучения, только один язык, язык преподавания. Но необходимо предоставить всем ученикам возможность усваивать себе тоже другие языки...» [там же].

Сегодня, казалось бы, во всем мире достигнут консенсус по вопросу о том, что максимальный вклад в языковой капитал человека вносит владение английским языком. Поэтому большинство родителей, руководствуясь своими интуитивными представлениями об этом, выбирают английский языком изучения (иностраным) и, все в большей степени, языком обучения (вторым языком). Такой же практики придерживаются руководители образовательных учреждений и национальных систем образования, стремящиеся представить сферы своей ответственности как максимально привлекательные и перспективные с точки зрения повышения конкурентоспособности выпускников на будущем рынке труда.

При этом не учитывается, что языковой капитал не является абсолютным и раз и навсегда рентабельным: он приносит пользу своему обладателю только тогда, когда может легко конвертироваться в другие формы капитала, прежде всего, в экономический и социальный.

Инвестиции в образование являются долгосрочными и начинают приносить прибыль как минимум через 11–12 лет (при среднем образовании) или через 15–17 лет (в случае высшего образования на уровне бакалавра или магистра). Если сегодня компетенции в английском языке являются социетально рентабельными, т.е. общество согласно доплачивать работникам за такие компетенции, то через 15 и более лет такие компетенции станут всеобщими и доля общественного пирога, приходящаяся на каждого человека с такими компетенциями, резко сократится или вообще постепенно сойдет на нет. Аналогичным образом обстоит дело с грамотностью населения: еще в начале XX в. грамотный и умеющий считать человек мог рассчитывать на хорошую работу, а сегодня в результате банализации этих компетенций их рыночная стоимость равна нулю. Не случайно, в престижных университетах западных стран экспоненциально растет число изучающих китайский язык: дело не в том, что все выпускники бросятся торговать с первой экономикой мира, речь идет о приобретении компетенций, которые пока еще являются редкими и ценятся при отборе на привилегированные позиции на рынке труда.

Поэтому для того, чтобы ориентироваться на языковом рынке, необходимы инструменты, позволяющие объективно оценивать положение каждого языка на текущий момент и делать прогнозы его эволюции на основе динамики оценок, полученных в предыдущие периоды.

Таким инструментом является калькулятор весов языков мира, разработанный французским социолингвистом Луи-Жаном Кальве и математиком Аленом Кальве при поддержке Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции и Министерства культуры Франции, под названием «Барометр языков мира» [Baromètre des langues dans le monde, 2017].

Для идентификации языков используется стандарт, разработанный Международной организацией по стандартизации ISO 693–3, позволяющий однозначно идентифицировать не только языки, но и их национально-территориальные варианты. Для составления полного списка языков использовались три источника, на сегодняшний день считающиеся самыми надежными: сайт *Ethnologue* [Ethnologue. Электронный источник], поддерживаемый американской мормонской организацией SIL International (Summer Institute of Linguistics), американская миссионерская организация Joshua Project и религиозная организация People Groups. Все они сочетают интерес к определению числа языков в мире с религиозными

целями. Кроме того, использовался издаваемый ЦРУ США справочник World Fact Book [World FactBook. Электронный источник] и Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения [Atlas des Langues en danger dans le monde, 2018]. В итоге был получен список из 6244 языков, на которых говорят в общей сложности 7,4 млрд человек.

Сама по себе идея подобной классификации языков может показаться бесполезной: ведь большинство людей считают, что самым важным в мире является их материнский язык, на котором они говорят, на котором они получили образование и на котором они общаются со своими близкими. Но сегодня все эти три функции (материнский язык, язык обучения и семейный язык) у одного человека могут выполняться тремя разными языками, поэтому барометр создан с учетом разных ролей языков в обществе. Каждый язык характеризуется набором факторов, имеющих непрерывные или дискретные значения, которым могут приписываться весовые коэффициенты, увеличивающие или понижающие вес данного фактора по сравнению с другими.

Барометр языков непрерывно совершенствуется: он был запущен в 2010 г., в 2012 г. была выпущена его вторая версия, а с 2017 г. действует третья версия, использующая 12 факторов и 634 языка.

Факторы, которые используются в Барометре, делятся на две группы: те, которые относятся только к самому языку и составляют группу собственных факторов, и факторы, описывающие страны, в которых используются эти языки и которые теоретически являются общими для всех языков, используемых в стране. Они составляют группу контекстуальных факторов.

А. Собственные факторы:

А1. Число носителей. Учитывается число носителей, у которых данный язык является первым. Оценка значения этого фактора является очень приблизительной, потому что никто не может с точностью определить число жителей в стране, и географы считают, что около 25% рождений и смертей в некоторых странах не регистрируются органами записи гражданского состояния.

А2. Энтропия. Энтропия является функцией, позволяющей оценивать «беспорядок». Она используется для того, чтобы отличать язык, используемый в одной стране, от языка, используемого в нескольких странах. Обозначим через p_i долю носителей данного языка, живущих в каждой рассматриваемой стране. Классическое выражение энтропии $E = - \sum (p_i \times \text{Log} p_i)$, где p_i – вероятность того, что система окажется в данном состоянии, $\text{Log} p_i$ – натуральный

логарифм этой вероятности, Σ – оператор суммирования всех возможных состояний p_i . Минимальное значение этой функции равно нулю (язык используется только в одной стране), максимальное значение не определено.

В табл. 1 приведены реальные значения энтропии для шести важнейших языков.

Таблица 1

Энтропия важнейших мировых языков

Язык	Русский	Японский	Английский	Испанский	Станд. арабский	Мандаринский китайский
Энтропия	0,705	0,199	1,166	2,536	3,219	0,123
Число носителей с первым языком (млн человек)	135	126	350	433	?	888

Русский и японский языки имеют близкие числа носителей, но японский малоупотребителен за пределами Японии, тогда как русский используется на постсоветском пространстве и сохраняет качества имперского языка. Поэтому его энтропия намного выше, чем у японского. Английский и испанский сравнимы по числу носителей, но испанский является первым языком во многих небольших государствах Латинской Америки, а большинство носителей английского как первого языка сосредоточено в США и Соединенном королевстве, поэтому энтропия испанского намного выше. Стандартный арабский имеет не большое число носителей, но он присутствует в большинстве арабо-мусульманских стран и поэтому имеет высокую энтропию, тогда как мандаринский китайский, имеющий самое большое число носителей в мире, мало распространен за пределами Китая и его энтропия невысока. Таким образом, энтропия характеризует географическое распределение носителей языка, его тенденцию к универсальности.

А3. Фактор языка-посредника. Ввиду нечеткости понятия «материнский язык», вместо него используется термин «первый язык» (L1). В случае, когда люди изучают в школе другой язык (иностраннй) и повседневно пользуются им в социальной или профессиональной коммуникации, а также используют рудименты этого языка в неформальном общении, т.е. во всех случаях, когда в социальной коммуникации не используется первый язык, речь идет о втором языке (L2). Так, например, суахили имеет небольшое число его носителей как первого языка, но он является главным языком межнационального общения в Восточной Африке, где

на нем говорят несколько десятков миллионов человек – носителей этого языка как второго.

Этот коэффициент имеет в интервале от 0 в случае, когда все носители являются носителями языка как первого, до 1, если у него есть только носители языка как второго. Проблема при его определении заключается в том, что многие государства стремятся скрывать свое языковое разнообразие, поэтому данные по носителям вторых языков являются очень приблизительными.

А4. Статус языка. Этот фактор учитывает степень признания языка политическими инстанциями страны, в которой он используется. Источником информации в данном случае является сайт *L'aménagement linguistique dans le monde* монреальского университета Лавалья [*L'aménagement linguistique dans le monde*]. Статус языка может иметь несколько градаций, высшей из которых является официальный язык. Само понятие официального языка четко не определено: язык может получить этот статус по закону (*de jure*) или практически (*de facto*) от государства (суверенного или несuverенного) и он может распространяться на всю его территорию или только на ее часть. Соответственно, различаются моноязычные, двуязычные, триязычные и т.д. государства. В России, например, есть общегосударственный язык (русский), государственные языки республик в составе Российской Федерации, местные языки с официальным статусом и местные языки без официального статуса. Примером различия между статусом *de jure* и статусом *de facto* могут служить США, где конституция не признает никакого официального языка, но официальный статус английского языка является неоспоримым.

А5. Число переводов с языка. Для определения значений этого фактора используются данные с сайта ЮНЕСКО *Index Translationum*, публикующем число переводов с каждого языка, начиная с 1979 г.

А6. Число переводов на язык. Также используются данные с сайта *Index Translationum*.

А7. Международные литературные премии. Этот фактор отражает международное признание культуры, распространяемой на данном языке, через международные литературные премии, полученные писателями, пишущими на нем, хотя он также не является бесспорным. Так, например, Нобелевская премия по литературе страдает европоцентризмом и политической ангажированностью. Кроме нее учитываются результаты присуждения премий Нойштадта, Букеровской, Франца Кафки, Овидия, Иерусалимской, Амери-

канской премии по литературе, премии Золотой венок и премии Принца Астурийского.

A8. Активность в Википедии. При расчетах используются данные, находящиеся на сайте статистики Википедии: учитывается суммарное число всех статей, размещенных в Википедии с момента ее начала по дату сбора информации.

A9. Изучение в высших учебных заведениях. Смысл этого фактора, включенного в калькулятор впервые, заключается в подчеркивании важности изучения языка в системе высшего образования. Информация о языках, изучаемых на первых двух уровнях высшего образования (без аспирантуры и последиplomного образования) собирается выборочным методом (10-процентная выборка) с сайтов университетов, расположенных во всех странах мира.

B. Контекстуальные факторы:

B1. Индекс человеческого развития. Данные берутся с сайта Программы Объединенных Наций по развитию (PNUD), которая ежегодно публикует доклад о состоянии развития разных стран мира. ИЧР представляет собой композитный индекс, включающий подушевой ВВП, ожидаемую продолжительность жизни и уровень образования.

B2. Индекс фертильности. Данные берутся из того же источника, что и в предыдущем случае. Индекс фертильности – это число детей, приходящихся на одну женщину. Вероятно, что во многих странах он не одинаков во всех регионах, для всех этносов и всех языков, но из-за отсутствия точных данных авторы считают фертильность однородной. Для каждого языка вычисляется взвешенное среднее значений индекса в каждой из стран, где говорят на этом языке (см. описание предыдущего фактора).

B3. Проникновение сети Интернет. Данные берутся с сайта Internet World Stats, который показывает число пользователей Интернета в любой стране мира. Все оговорки и механизм вычисления этого фактора аналогичны применяемым при вычислении факторов *B1* и *B2*.

Обработка данных.

Различные факторы, используемые в Барометре, имеют разные абсолютные значения: так, фактор официального языка может принимать дискретные значения от 0 до 24 (французский язык является официальным языком в максимальном числе государств – 24), индекс фертильности является непрерывной переменной со значениями от 1,1 (Макао, Гонконг) до 7,6 (Нигер), тогда как чис-

ло носителей может принимать любые значения от 0 (мертвый язык) до 888 000 000 (мандаринский китайский).

Для того чтобы каждый фактор имел одинаковое значение, необходимо перейти от абсолютных значений к нормированным значениям.

В результате нормированное значение 1 присваивается максимальному абсолютному значению, нормированное значение 0 – минимальному абсолютному значению, а другие значения линейно распределены внутри этого интервала. Таким образом, все факторы имеют значения от 0 до 1, что позволяет одинаково учитывать их при классификации.

Если пользователь Барометра считает, что какой-нибудь фактор не показателен, не интересует его или обладает слишком большой избыточностью, он может использовать «ослабляющие» коэффициенты, которые умножаются на нормированные значения факторов. Эти коэффициенты имеют значения от 0 до 1. 0 означает, что данный фактор вообще не учитывается при классификации, 1 – что он считается очень важным. Пользователь может сам выбирать любую промежуточную величину. Общий результат, используемый при классификации языков, рассчитывается по формуле:

$$\text{Результат} = \sum_{i=1}^n f_i \cdot w_i,$$

где оператор суммирования $\sum$ означает суммирование по всем факторам произведения величины f_i i -того фактора на ослабляющий коэффициент w_i , выбранный для этого фактора. Этот общий результат имеет значения в диапазоне от 0 (все произведения $f_i \cdot w_i$ равны нулю) до 12 (теоретически, при 12 факторах, если все w_i и f_i равны 1).

Для того чтобы рассчитать общий результат и произвести классификацию языков, формируется матрица данных, в которой каждый из 6141 языков описывается при помощи набора из 12 факторов.

Анализируя величины, которые выбранные факторы принимают на множестве языков, авторы отмечают, что большое число языков используются только в одной стране (имеют нулевую энтропию), не выполняют функцию языков-посредников, не имеют никакого официального статуса, не имеют переводов, зафиксированных в Index Translationum, не получали литературных премий, не имеют статей в Википедии и не изучаются ни в одном универ-

ситете. Более того, многие языки накапливают все эти отрицательные характеристики. Поэтому их сравнение, на первый взгляд, не имеет смысла: что общего может быть у мандаринского китайского с 888 млн носителей и языка, на котором говорят 200 жителей деревни, затерянной в дельте реки Нигер, и о котором никто не слышал на расстоянии 20 километров от этой деревни?

Понятно, что в такой ситуации необходимо делать выбор, но выбор всегда приводит к исключению многих языков, а это всегда вызывает недовольство и ревность со стороны носителей и языковых активистов. Тем не менее в первой и второй версиях Барометра были установлены пороги в 5 млн и 500 тыс. носителей соответственно, что позволило сократить число языков до 137 (2010) и 563 (2012). В третьей версии критерии отбора были усложнены: кроме числа носителей, порог которого был снижен до 300 тыс. носителей, применялись также контекстуальные факторы (ИЧР, проникновение Интернета, коэффициент фертильности).

В результате в окончательной классификации участвуют 634 языка, которые ранжируются по четырем основаниям: общее ранжирование по всем факторам, внутреннее ранжирование (по собственно языковым факторам), демографическое ранжирование и ранжирование по престижности. Результаты четырех ранжирований для первых 50 языков приведены в табл. 2.

Таблица 2

Веса 50 первых языков мира

Ранг	Ранжирование			
	Общее	Внутреннее	Демографическое	Престижность
1	2	3	4	5
1	Английский	английский	английский	Английский
2	Французский	испанский	урду	Французский
3	Испанский	французский	французский	Немецкий
4	Немецкий	немецкий	гуандунский	Испанский
5	Русский	русский	тагальский	Русский
6	Итальянский	итальянский	яванский	Итальянский
7	Португальский	мандаринский	индонезийский	Японский
8	Японский	португальский	тайский	Мандаринский
9	Нидерландский	японский	дюла	Португальский
10	Шведский	польский	русский	Польский
11	Мандаринский	румынский	мандаринский	Шведский
12	Польский	нидерландский	ток-писин	Чешский
13	Чешский	шведский	хинди	Венгерский
14	Хорватский	корейский	суахили	Иврит
15	Румынский	сербский	оромо	Датский
16	Сербский	хорватский	игбо	Корейский

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
17	Венгерский	венгерский	лингала	Норвежский
18	Корейский	чешский	камерунский креольский	Сербский
19	Норвежский	турецкий	Амхарский	Турецкий
20	Датский	греческий	Бамбара	Греческий
21	Греческий	армянский	Румынский	Хорватский
22	Иврит	индонезийский	азербайджанский	Финский
23	Каталанский	фарси	Немецкий	Нидерландский
24	Финский	суахили	Испанский	Румынский
25	Турецкий	каталанский	Мосси	Словенский
26	Армянский	хинди	Хаусса	Болгарский
27	Фарси	урду	Зулу	Фарси
28	Индонезийский	иврит	нидерландский	Каталанский
29	Суахили	болгарский	Сото	Хинди
30	Словацкий	датский	Фарси	Албанский
31	Болгарский	норвежский	Африкаанс	Словацкий
32	Словенский	финский	Санго	Украинский
33	Урду	украинский	Оромо	Эстонский
34	Хинди	бенгальский	Тайский	Бенгальский
35	Казахский	словацкий	Коса	Македонский
36	Тагальский	тайский	Армянский	Литовский
37	Украинский	казахский	Хилигайнон	Индонезийский
38	Литовский	тагальский	Ньянджа	Урду
39	Албанский	вьетнамский	Синджи	Латвийский
40	Эстонский	словенский	Крио	Боснийский
41	Боснийский	тамилский	Свана	Армянский
42	Македонский	албанский	Оромо	Исландский
43	Тайский	малайский	Сесото	Баскский
44	Малайский	македонский	Волоф	Галисийский
45	Азербайджанский	боснийский	Эфик	Тамилский
46	Вьетнамский	азербайджанский	нигерийский креольский	Вьетнамский
47	Исландский	африкаанс	Ассамский	Узбекский
48	Бенгальский	литовский	вьетнамский	Тайский
49	Латвийский	узбекский	дари	Белорусский
50	Галисийский	эстонский	каталанский	Валлийский

Если сравнить распределение людей, изучающих вторые и иностранные языки, с результатами ранжирования языков по весу, можно отметить, что первые пять языков из табл. 6 аккумулируют основную массу изучающих. Это свидетельствует о том, что понятие языкового капитала, которым люди интуитивно руководствуются при выборе языка, тесно коррелирует с весом языка, определяемым на основе набора из 12 факторов. Это объясняет тот факт, что все большее число носителей наследственных этнических языков народов Российской Федерации выбирают своим первым языком и языком обучения русский язык.

Список литературы

- Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковые переписи и мониторинги как инструмент национальной и языковой политики. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 343 с.
- Бодуэн-де-Куртенэ И.А. Национальный и территориальный признак в автономии. – С.-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1913. – 84 с.
- Игнатова Т.В., Васильев П.П. Повышение значимости теории человеческого капитала для управления модернизацией российской экономики // Вопросы регулирования экономики. – 2013. – Т. 4, № 2. – С. 49–55.
- Колядин А.П. Влияние образовательной сферы на соотношение действительного и фиктивного компонентов человеческого капитала // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 1. – С. 95–96.
- Костомаров В.Г. Ещё раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. – 1991. – № 1. – С. 9–15.
- Марусенко М.А. Изменение парадигмы мировой языковой политики и языковая образовательная политика в Российской Федерации // НДВШ. Филологическая наука. – 2019. – № 3. – С. 60–67.
- Марусенко М.А. «Новая» парадигма в мировой языковой политике // Форум-диалог «Языковая политика : общероссийская экспертиза» : сборник докладов. – М., 2018. – С. 171–178.
- Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза : институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – 464 с.
- Тишков В.А. Кого и как считать в многоэтнической стране // Бюллетень Сети этнолингвистического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2000. – № 32. – URL: www.valerytishkov.ru (дата обращения: 22.02.2020).
- Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86, № 4. – С. 291–303.
- Хабенская Е.О. «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. – 2004. – № 1(9). – URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/> n9/7/ (дата обращения: 15.01.2020).
- Atlas des Langues en danger dans le monde / Chr. Moseley (Ed). Editions UNESCO. – 2018. – URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php?hl=fr&page=atlasmap> (дата обращения: 06.02.2020).
- Baromètre des langues dans le monde 2017. – URL: <https://www.culture.gouv.fr/Sites-thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Actualites/Barometre-des-langues-dans-le-monde-2017> (дата обращения: 02.01.2020).
- Bourdieu P. The field of cultural production. – New York, NY : Columbia University Press, 1993. – 322 p.
- Coffey S. Choosing to Study Modern Foreign Languages : Discourses of Value as Forms of Cultural Capital // Applied Linguistics. – 2018. – Vol. 39 (4). – P. 476–477.
- Colombi M.C., Roca A. Insights from research and practice in Spanish as a heritage language / A. Roca, M.C. Colombi (Eds) // Mi Lengua: Spanish as a heritage language in the United States. – Washington, DC : Georgetown University Press, 2003. – P. 1–21.

- Djité P.G.* Shifts in linguistic identities in a global world // *Language Problems & Language Planning*. – 2006. – N 30(1). – P. 1–20.
- Ethnologue* // URL : <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 18.01.2020).
- L'aménagement linguistique dans le monde*. – URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/> (дата обращения: 22.01.2020).
- Maguire M.H., Curdt-Christiansen X.L.* Multiple schools, languages, experiences and affiliations: Ideological becomings and positionings // *Heritage Language Journal*. – 2007. – N 5(1). – P. 50–78.
- Norton B.* Language and identity / *N.H. Hornberger, S.L. Mackay* (Eds) // *Sociolinguistics and Language Education. Multilingual Matters*. – 2010. – P. 340–356.
- Shi X.* Gender, identity and intercultural transformation in second language socialization // *Language and Intercultural Communication*. – 2006. – N 6(1). – P. 2–17.
- Val A., Vinogradova P.* What is the identity of a heritage language speaker? – URL: <http://www.cal.org/heritage/pdfs/briefs/what-is-the-identity-of-a-heritage-language-speaker.pdf> (дата обращения: 14.10.2019).
- Valdés G.* Heritage language students: Profiles and possibilities / *J.K. Peyton, D.A. Ranard, S. McGinnis* (Eds.) // *Heritage languages in America: Preserving a national resource*. – Washington, DC and McHenry, IL : Center for Applied Linguistics and Delta Systems, 2001. – P. 33–77.
- World FactBook*. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (дата обращения: 12.07.2020).

Лазуткина Е.М.[©]

О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме защиты русского литературного языка, значимость которого имеет в своей основе национальную культуру и государственность. В мировой лингвистической традиции принято считать, что литературный язык представляет нацию.

Автор считает, что активная государственная языковая политика особенно важна в наше время, когда планетарный процесс глобализации, преследующий цель – разрушение национальных языков и культур, осуществляет свои планы по определенным программам и каналам воздействия на сферу употребления языка, применяет приемы искусственного формирования отрицательных черт речевой практики.

В статье описываются направления деятельности агентов культурной глобализации: пропаганда отказа от языковых норм; распространение моды на сниженный стиль речи; отрицание престижности высокого уровня владения языком; отрицание общеупотребительности русского литературного языка.

В статье говорится, что через СМИ, деловой язык, профессиональную речь, внедряются англицизмы, американизмы, семантические кальки и интонационные конструкции английского языка. Литературный русский язык испытывает мощное давление со стороны просторечия и вульгарного просторечия, диалектных и устаревших образований. Автор приводит примеры нарушения языковых норм в разных функциональных разновидностях русского языка.

Автор делает вывод, что необходима целенаправленная, последовательная, активная государственная языковая политика, тщательная разработка мер контроля и регулирования. Такая языковая политика является противодействием влиянию извне, процессам, разрушающим язык, затрагивает широкий спектр гуманитарных

© Лазуткина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, отдел культуры речи, e-mail: lazutkelena@yandex.ru

проблем в жизни страны. В современных геополитических условиях защита русского литературного языка важна как условие национальной безопасности.

Ключевые слова: культурная глобализация; литературный русский язык; речевая практика; языковая политика.

E.M. Lazutkina *

ON THE NEED FOR AN ACTIVE LANGUAGE POLICY

Abstract. The article is devoted to the problem of protecting the Russian literary language, the significance of which is based on national culture and statehood. In the world linguistic tradition, it is generally accepted that literary language represents a nation.

The author believes that an active state language policy is especially important in our time, when the planetary process of globalization, aimed at the destruction of national languages and cultures, implements its plans for certain programs and channels of influence on the sphere of language use, applies methods of artificial formation of negative features of speech practice.

The article describes the activities of agents of cultural globalization: propaganda of the rejection of linguistic norms; spreading fashion to a reduced style of speech; denial of prestige of a high level of language proficiency; a refutation of the general use of the Russian literary language. The article says that through the media, through business language, through professional speech, Englishisms, Americanisms, semantic tracing papers and intonation constructions of the English language are introduced. Literary Russian language is under intense pressure from vernacular and vulgar vernacular, dialect and obsolete formations. The author gives examples of violation of linguistic norms in various functional varieties of the Russian language.

The author concludes that a purposeful, consistent, active state language policy, and the careful development of control and regulation measures are necessary. Such a language policy is a counteraction to external influences, processes that destroy the language, affect a wide range of humanitarian problems in the life of the country. In modern geopolitical conditions, the protection of the Russian literary language is important as a condition of national security.

Keywords: cultural globalization; literary Russian language; speech practice; language policy.

* **Elena M. Lazutkina**, Candidate of Philology, Leading Researcher, Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences Department of speech culture, e-mail: lazutkelena@yandex.ru

I. О процессе культурной глобализации в современном мире

Главная отличительная черта современности – планетарный процесс глобализации, который формирует разрушительные процессы в экономике разных стран и оказывает пагубное действие на национальную культуру. Цель глобализации – подчинение государств – осуществляется, прежде всего, путем отказа от концепции национальных языков и культур. Это политика косвенного влияния США, которую называют культурной глобализацией [Гладенко, 2016, с. 180]. Исследование А.В. Кирилиной показывает, что процесс глобализации искусственно создает посредством политики, экономических условий и идеологии факторы разрушения языков, уничтожения органической связи между языком и его носителями [Кирилина, 2012, с. 10].

Принято считать, что литературный язык представляет нацию [Chloupek, 1986; Данеш, 1988, с. 292–293]. Поэтому активная защита русского языка особенно важна в данной геополитической обстановке как условие национальной безопасности. Каждый национальный язык, как подчеркивает И.А. Бодуэн де Куртенэ, сохраняется только благодаря практике использования нормированной речи: «Продолжение языковой традиции, а также возможность понимания предков и передачи их мыслей потомкам осуществляется только при помощи национального литературного языка» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 220].

Процесс глобализации, преследующий цель разрушения национальных языков и культур, ведется по разработанной программе, по специальным лекалам и имеет следующие направления, которым соответствуют определенные догматические положения.

1. Отрицается существование литературного языка и его функциональных разновидностей. Пропагандисты глобализации стремятся придать явлениям, разрушающим систему, видимость объективных процессов, связанных с событиями в социально-политической жизни, однако это установка на уничтожение национального языка.

2. Отрицается общеупотребительность русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации. Вместо этого вводится концепт «региональные русские языки».

3. Через СМИ и профессиональную речь оказывается негативное влияние на сферу употребления языка, которая, как извест-

но, обуславливает многофакторное пространство лингвистической прагматики и влияет на формирование системных закономерностей.

4. Плановмерно расширяется зона чужеродных элементов в узусе: через СМИ, деловое общение и профессиональную речь внедряются англицизмы, американизмы, синтаксические кальки и интонационные конструкции английского языка. По заключению А.В. Кирилиной, русский язык – один из наиболее коммуникативно мощных языков мира – испытывает в настоящее время беспрецедентную экспансию со стороны глобального английского языка; мы сталкиваемся сегодня с новой языковой идеологией, на деле направленной на сокращение и в дальнейшем полное уничтожение русского культурного пространства [Кирилина, 2018].

5. Зоны действия для осуществления целей культурной глобализации: СМИ (в том числе Интернет-пространство), научная среда, издательский и торговый бизнес (выставки, реклама, витрины и ассортимент книжных магазинов, в которых на видных местах яркие плакаты «Учим английский язык!», учебники и словари английского языка).

Все это свидетельствует о мощной идейно-информационной войне против России.

II. Механизмы влияния на употребление русского языка в социуме

1. Литературный русский язык как общее культурное коммуникативное пространство нации

Вся жизнь и уровень культуры народа представлены в каждодневном употреблении языка. Узус всех носителей языка, которые с помощью языка решают свои жизненные задачи, – это и кузница новых языковых норм, и условие формирования языковой системы. Таким образом, развитие языка связано с уровнем владения языком в обществе. Ср. вывод Е.Н. Ширяева: «...чем более высока культура владения языком, тем совершеннее сам язык, и наоборот. Если богатства языка остаются невостребованными его носителями, если носители языка будут глухи к лучшим творениям на этом языке, то и богатства языка просто уйдут в небытие» [Ширяев, 1996, с. 5].

Литературный язык – это интерпретативная и коммуникативная система взаимодействия блоков формальных структур разноразмерных единиц, – взаимодействия, предназначенного для выражения смыслов. Интерпретативная система называется потому, что ее смысловую основу составляют логические структуры, поскольку работа нашего языкового сознания осуществляется базовыми, часто неосознаваемыми, т.е. скрытыми концептами и когнитивными категориями, включающими ценностные ориентиры и оценочные шкалы. Их свойства проявляются в речи, в актах предикации – в моделях предложений, которые создаются носителями языка непреднамеренно и представляют собой сложные семиотические знаки.

Коммуникативная система называется потому, что язык имеет социальную, диалогическую природу и когнитивные процессы неразрывно связаны с речью, с ориентированными на восприятие адресата исторически сложившимися – в соответствии с этическими принципами общества – формами выражения.

Главные черты литературного языка – многофункциональность, которая вытекает из практики использования его разновидностей во всех сферах сложной жизни современного государства, и наличие единых и общеобязательных языковых норм, делающих язык понятным на всей территории страны. В.В. Виноградов писал по этому поводу: «Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и разговорной форме)» [Виноградов, 1978, с. 293].

Языковая норма исторически изменчива; она должна описываться в разные периоды жизни народа: «Норма – свидетельство развитости и зрелости языка... Языковая норма – категория историческая» [Русская грамматика, 1980, с. 10]; «Необходимо также учитывать социально-политические условия развития самой нации <...> Так называемая поливалентность национального литературного языка, т.е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития» [Виноградов, 1978, с. 295].

Особенно остро проблема развития литературного языка встает в эпоху социальных потрясений. Появление социальных групп, не знакомых с нормированной речью, использующих в своей жизни язык только на бытовом уровне, оторванных от дискурсов, в которых доминирует когнитивно-оценочная функция языка, сказывается на чувстве стиля и на грамотности носителей языка, а во всем социуме – на состоянии языковой системы. Ср. мнение

М. Холквиста: «Нормативные представления, которые в определенное время и в определенном месте имеют видимость вневременных и универсальных, на самом деле определяются конкретным историческим периодом и обусловлены той или иной системой культурных ценностей» [Холквист, 2002, с. 270].

Аналоги термина «литературный язык» существуют в других государствах. В англоязычных странах употребляют синоним *standart* «стандартный язык» (в значении «общепринятый, нормативный язык»); в немецком языкознании – *Buhnensprache* или *Hochsprache*; в западнославянских странах принят термин *spisovný jazyk* «письменный язык» (употребляются также номинации *formální jazyk*, *kulturní jazyk* – в сопоставлении с *obecná čeština* – «разговорный язык») [Havranek, 1938]. Словосочетание *obecná čeština* обозначает базовую разновидность чешского языка, выполняющую высшую функцию стандарта [Данеш, 1988, с. 286–289; Daneš, 1986; Hlavsová, 1988, с. 220–226; Jedlička, 1986, с. 60].

В последнее время некоторые лингвисты пытаются отправить термин «литературный язык» в небытие и по отношению к русскому языку не употреблять выражений «литературный язык» и «функциональные стили литературного языка». Это установка на пересмотр теории современного русского литературного языка, отказ от содержания, по отношению к которому употребляется этот термин [Лазуткина, 2013].

2. Основные черты речевой практики

Мы предлагаем ввести несколько параметров характеристики речевой практики, которые вытекают из диалогической природы языка. В первую очередь нужен такой количественный показатель при описании узуса в определенном временном срезе, как **объем узуса в социуме**. Сейчас из-за возросшей социальной неоднородности и разобщенности общества, из-за появления большого количества мигрантов, не владеющих в полной мере языком, объем узуса сузился.

Следующий параметр – **диапазон речевой практики каждого носителя языка**, который проявляется в различных сферах коммуникативного взаимодействия, в различных речевых жанрах – от употребления языка в быту, в разговорной речи – до подготовленной речи, употребления литературного языка в письменной или устной форме в монологах, в публичной речи. Все типы речевого

общения формируют мир знаний и культурных смыслов, а также закрепляют в памяти типизированные формы выражения. Нюансы коммуникативных ситуаций, в том числе разные ракурсы, планы, аспекты, мыслительные конструкты реальных и воображаемых событий и отношений накопили в языке огромный репертуар разнородных средств, формирующих языковую компетентность носителей языка. Вполне оправданно лингвисты говорят о творческой потенции языка. Широкий диапазон речевой практики развивает текстовую грамотность: умение построить текст и правильное понимание любого текста.

Третий параметр характеристики узуса – **фактор частотности речевого общения** каждого носителя языка. Это может быть участие в беседах, спорах, обсуждениях, выражение определенных суждений, впечатлений, эмоций. Активная речевая практика формирует стиль речевого поведения каждого носителя языка. Так выкристаллизовывается чувство языка, которое проявляется в умении говорящего быстро ориентироваться в любой ситуации и выбирать уместную форму выражения.

Четвертый параметр характеристики узуса – **культура речи**. Общение зиждется на языковом сознании, сформированном культурными канонами и этическими нормами, принятыми в обществе. Для каждого нового поколения культура социума предстает как многогранная структура, включающая такие области, как культурный язык народа, мир знаний, убеждения, системы ценностей общества и этические принципы. Индивидуальный культурный опыт человека позволяет говорить о нем как о личности, и прежде всего как о языковой личности [Караулов, 1987]. Языковые нормы сформированы исторически сложившимися в человеческом обществе, прошедшими через осмысление многих поколений понятиями, предпочтениями и принципами. Феномен культуры речи естественным образом связан с понятием культуры человека вообще, общества – и конкретно – с культурой мировосприятия, мышления, речевого поведения.

3. О способах влияния на речевую практику носителей языка

Социальная природа языка делает обязательным учет действия факторов, которые обуславливают прагматические механизмы языковой системы и формируют языковую компетенцию носителей языка.

Для демонстрации способов искусственного формирования индивидуальной речевой практики воспользуемся схемой уровневой организации языковой личности Ю.Н. Караулова. Прагматический уровень представляет собой высший уровень в модели языка, а прагматикон – завершающий уровень языковой личности: соответственно, лексикон и тезаурус являются средством выражения и одновременно более низким уровнем языковой личности [Караулов, 1987, с. 89]. Менталитет, мировосприятие проецируется на структуру языковой личности как третий уровень ее организации, ее прагматикон: он обуславливает картину мира человека и определяет деятельность говорящего – его интересы, цели, мотивы, систему ценностей, культурные стереотипы и каноны речевого поведения [Караулов, 2004, с. 24]. По заключению Ю.Н. Караулова, высший мотивационный уровень структуры языковой личности более подвержен индивидуализации. Вследствие этого, именно он оказывает влияние на интерпретативный аспект речевого поведения человека.

В соответствии с теорией речевой деятельности, замысел говорящего содержит оценочную палитру высказывания и руководит отбором грамматических структур и лексического состава. Ср.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин, 1996, с. 323.]. В.В. Виноградов считал, что модальность – это языковая универсалия, основная семантическая категория языка. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение» [Виноградов, 1975, с. 55]. Ср. также: «Выразиться *нейтрально* оказывается невозможным» [Блакар, 1987, с. 9].

Типы оценок говорящего обычно описываются как модусы высказываний. Н.Н. Болдырев подчеркивает интерпретативный характер всех языковых явлений и вводит понятия «модусные концепты» и «модусные категории» [Болдырев, 2018, с. 264].

Модус принадлежит культуре в широком смысле слова, поскольку связан с культурой эпохи, с культурой социума и отношений в социуме, с системой ценностей и этическими принципами.

Единицы всех уровней языковой системы – это сложившиеся и постоянно складывающиеся стереотипы представления знаний и оценок говорящих. И о синтаксической модели можно говорить как о закрепившемся в системе способе интерпретации. Ср. мнение Р. Барта: «...в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в самом языке» [Барт, 1989, с. 299].

Таким образом, формирование речевых навыков, индивидуального языкового сознания происходит под влиянием коллективного языкового сознания, и мировосприятие человека складывается под влиянием системы языка – национального смыслового кода. Ребенку мир является как уже «истолкованный языком» [Гадамер, 1991, с. 65]. Для каждого нового члена социума коллективное языковое сознание предстает как национальный образ мира, культуры народа [Тарасов, 2004; Уфимцева, 2011]. Таким образом, «произвол» говорящего не безграничен: коллективное языковое сознание можно охарактеризовать как общее «предзнание», которое служит фоном при формировании любого речевого произведения: «Схемы, используемые человеком для структурирования опыта и языковой информации, также имеют интерпретирующий характер, который проявляется в способности человека применять разные схемы коллективного уровня для структурирования индивидуального опыта взаимодействия с миром и разных когнитивных областей [Болдырев, 2018, с. 299].

На языковое сознание и картину мира человека в малых социальных группах может оказываться воздействие с помощью чуждых всему обществу ложных ценностных ориентиров и оценок; они могут негативно влиять на становление индивидуума как языковой личности. Прежде всего, мишенью агентов глобализации становятся исторически сложившиеся культурные каноны речевого общения носителей языка. Отрицается престижность высокого уровня владения родным языком. Происходит внедрение ненормированных речевых образцов, новых идеологем, эпатажного вульгарного просторечия, грубых выражений, нарушающих этические нормы.

III. Каналы воздействия культурной глобализации

1. Официально-деловой язык, профессиональная речь

В соответствии с Законом о государственном языке РФ, при составлении документов и в общении чиновников с населением следует использовать современный русский литературный язык в его функциональной разновидности «официально-деловой язык», соблюдая все нормы этого стиля, отраженные в грамматиках и словарях. Деловая речь и общение в профессиональной среде, погружение человека в профессиональные тексты той или иной от-

расли знаний на английском языке не только мешают его общению на русском языке, но обуславливают основной тон его мыслительной, интерпретативной деятельности, формируют его языковую картину мира и в конечном итоге снижают его уровень владения родным языком.

Вполне оправданно А.А. Леонтьев, считая значения слов «социальными по своей сущности единицами», вводит понятие «профессиональный образ мира» [Леонтьев, 1999, с. 273].

а) Внедрение в практику делопроизводства семантических калек

Анализ текстов и документов официально-делового стиля, методических разработок и указаний по организации профессиональной деятельности показывает, что чиновники самого высокого уровня, разработчики стандартов документации внедряют в практику английскую лексику.

В ЗАГСах различных городов Российской Федерации документ об изменении фамилии стал называться «Свидетельство о перемене имени». Очевидно, что чиновники РФ, разрабатывая образец документа, намеренно внедрили в употребление семантическую кальку из английского языка: английское слово *name* переводится как 'имя' и как 'фамилия'. Таким образом, выводится из практики делопроизводства русское слово *фамилия*. В русском языке употребление слова *имя* в значении слова *фамилия* в значении «Наследуемое семейное наименование, прибавляемое к личному имени» недопустимо. В названии «Свидетельство о перемене имени» неуместно употребление и слова *перемена*. У отглагольных существительных *перемена* и *изменение* близкие, но не тождественные значения. В значении слова *перемена* нет такого компонента, как «преднамеренность действия определенного лица». В высказываниях с этим словом речь идет о самопроизвольных и неконтролируемых процессах, например: *перемена погоды, перемена атмосферного давления, неожиданные перемены в жизни*. Посетитель ЗАГСа изменяет, делает иной свою фамилию, поэтому следует употребить словосочетание «изменение фамилии». Документ должен называться «Свидетельство об изменении фамилии».

б) Включение в документы и деловую переписку английских наименований на латинице

Разработки документов внутри отдельных ведомств и департаментов Правительства г. Москвы, адресованные массовому читателю, показывают различные нарушения норм литературного русского языка, в том числе включение в текст английских номинаций на латинице. См. рассылаемый москвичам с сайта мэра С.С. Собянина текст под названием «Оцените госуслуги в сфере ЖКХ и предложите новые» (май 2020 г.): «Марина Владимировна! С 25 по 31 мая приглашаем Вас принять участие в новом **краудсорсинг-проекте** по улучшению электронных услуг».

В июле 2018 г. с этого сайта шла рассылка статьи «Здравоохранение завтрашнего дня», в которой авторы показали свой перевод на русский язык иностранных документов на английском языке (со вставкой английских слов на латинице):

«Создание современной регистратуры, организованной по типу **‘ресепшен’**».

В течение ближайших лет разработаем и внедрим новый московский стандарт бесплатной диспансеризации (**check up**), основанный на лучших образцах европейской и мировой медицины.

Московский **check up** будет включать первичный этап и углубленные исследования состояния здоровья с помощью наиболее эффективной аппаратуры и широкого спектра анализов. Это, во-первых.

Во-вторых, мобильное приложение ЕМИАС позволит **в один клик** получить персональное время и график прохождения **check up**.

Каждый москвич сможет пройти онкологический **скрининг**. В помощь пациентам будет создан единый онкологический **колл-центр**».

Другой электронный документ мэрии г. Москвы «Проект “Московское долголетие”» также содержит лексические и грамматические ошибки:

«Проект “Московское долголетие” уже изменил жизнь тысяч москвичей старшего поколения, которые получили возможность бесплатно **заниматься творчеством, образованием и физическими активностями** в каждом районе города, рядом с домом.

Для Вас открыто более 9000 групп по всему городу, где можно заниматься пением и танцами, **учить** английский язык и

компьютерные технологии, заниматься лечебной гимнастикой и скандинавской ходьбой.

Более 200 тысяч москвичей уже стали активными участниками “Московского долголетия” и более трети из них отмечают, что после регулярных занятий в проекте у них **повысилось настроение и общее самочувствие**».

Здесь допущена грамматическая ошибка: **заниматься физическими активностями*. В русском языке отвлеченное существительное *активность* не употребляется во множественном числе. Нарушено правило лексической сочетаемости глагола-предиката *повысилось* и существительного *самочувствие*: **повысилось общее самочувствие*. Следует: *повысилось настроение и улучшилось общее самочувствие*.

Сотрудники мэрии продолжают внедрение англицизмов в речевую практику москвичей: выражение *чек-ап* на кириллице в 2019 г. появилось на вывесках временных сооружений для бесплатного медицинского обследования в разных районах Москвы.

в) В педагогической методической литературе и в практике преподавания различных дисциплин в школах и вузах заменены прежние термины словами из английского языка. Так, выражение *навыки и умения учащихся школ и студентов* заменено на термин *компетенции*.

2. Нарушение языковых норм в публицистическом дискурсе, в СМИ, в рекламных текстах и в интернет-пространстве

а) Публицистический дискурс в большей степени, чем разговорная речь, принадлежит и континууму вневременной по своей сущности культуры и миру знаний. Тот факт, что все дискурсные процессы протекают вместе с психологическими процессами и социокультурными, позволяет авторам газетных статей, программ и режиссерам передач ориентировать их содержание на интересы определенной аудитории и конкретных социальных групп. Ключ авторов интерпретации может внедряться в сознание аудитории как естественное отношение к обозначаемому. Так искусственно формируется прагматикон языковой личности.

Одно из средств воздействия на мотивационный аспект языковой личности – изменение социальных параметров языкового знака, а именно – компонентов лексического значения слова, в котором оно бытует в литературном языке. В мир зрителей или слу-

шателей агрессивно внедряется «другой мир», чтобы он стал для них обычным. В последние десятилетия словоупотребление в газетной публицистике, на радио и ТВ испытывает резкое давление со стороны просторечия и вульгарного просторечия, диалектных и устаревших образований, нарушающих нормы современного русского литературного языка, например: *да ладно* (вместо *не может быть* или *неужели*), *по-любому* (следует в любом случае), *походу* (следует *похоже*), *заява* (следует *заявление*), *по жизни* (следует в *жизни*), *касаемо* (следует *касательно* или *что касается*), *на рай-оне* (следует в *районе*), *блин, на хрен, хреновый, мне это до хрена, хрень, бухать, типа, конкретно, чисто, реально, в ночи, в ночь* (вместо *ночью*), *в осени, по осени, днями, не критично, ни разу* вместо *совсем* (например: *он ни разу не умный*), *прогнуться, лечь под кого-нибудь*. Ведущие часто употребляют просторечное выражение – *За кого они нас держат?* вместо литературного – *За кого они нас принимают?*

Многომиллионная аудитория СМИ, изо дня в день слыша чуждые русскому литературному языку речевые клише, жаргон криминальной среды, может утратить языковое чутье и навыки речевой культуры. Увеличивается разрыв между представителями элитарной языковой культуры и малограмотными людьми. При вбрасывании в речевую практику – через СМИ или «авторитетов» социальных низов – новых идеологем и измененных значений слов, которые не совпадают со значениями этих слов в системе литературного языка, происходит искусственное внедрение в узус ложных ориентиров и оценок. Так, распространено слово *блондинка* (и *блондинко*) в значении ‘глупая женщина со светлыми волосами’. Слово *взрослый* часто необоснованно используется как определение по отношению к старому человеку. Ложная оценка является причиной употребления ведущими ТВ и прилагательного *крайний* в значении ‘последний’; ср.: *крайнее событие* (следует: *последнее событие*).

Включение в речевую практику нового оценочного компонента значения лексемы может привести к изменениям в системе значений этого слова – к образованию отдельного значения [Traugott, Dasher, 2005].

Наглядным примером популяризации сниженного стиля речи является телевизионная реклама, где диалог в грубой форме ведут две девушки. Для привлечения внимания к содержанию рекламы используется полисемия слова *больная*:

- Ты что делаешь?
- Звоню на *Артека.ru*.
- Ты что, **больная**?
- Сама ты **больная**. Цены сравни.

б) Граждане России резко негативно относятся к засилью английской и американской лексики на ТВ и радио. В Минобрнауки РФ идут письма с требованием запретить широкое использование иностранных слов в СМИ.

О том, что язык может подвергаться опасности распространения иноязычных элементов и неправильных речевых образцов, писали известные отечественные языковеды и культурологи XIX и XX вв. И.А. Бодуэн де Куртенэ предупреждал о возможности «преступного вмешательства в естественное развитие языка» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 140], которое грозит разрушением национального языка.

В передачах ТВ происходит внедрение англицизмов и американизмов следующим образом: ведущий представляет слово или выражение, а затем многократно его повторяет, приводит множество ситуаций его употребления. Так, ведущий передачи «Видели видео?» А. Смол характеризовал слово *challenge* как модное слово, показал видеоряд, к которому может быть отнесено данное слово, хотя этот видеоряд никак не был связан с темой его передачи. Чтобы внедрить в наше употребление английское выражение *life hack* в 2018 г. по разным каналам ТВ шло несколько фильмов обучающего характера, в которых это слово постоянно повторялось. В 2019 г. ведущая передачи «Жить здорово» Е. Малышева также много раз повторяла это выражение. Ведущая в телефильме о конской ферме (апрель 2018 г.) неоднократно повторяла слово *rider*, но ни разу не употребила слова *наездник*, *всадник*, *ездок*.

Сейчас многие англицизмы и американизмы заменяют уже укоренившиеся в русском языке более ранние заимствования из европейских языков [Маринова, 2014]. Исследователи отмечают неопределенность семантики новых заимствований, расширение их значений; говорят о влиянии чужой культуры [Баженова, Пищальникова, 2018, с. 42–45]. Так, распространенное слово *тренд* имеет расплывчатую семантику и в СМИ используется как синоним целого ряда давно известных слов, например: *направление*, *мода*, *тенденция*.

Лексема *фейк* в последнее время в СМИ употребляется вместо слова *ложь*, *неправда*, *недостовверные сведения*, *непроверенные данные* и др., слово *контент* употребляется вместо слова *со-*

держание. Ср. также: **Хочу попасть на закрытую пати* (англ. *party* – вечеринка; «Муз-ТВ»); **История подростков, которые издеваются над животными, до сих пор в топе интернета* (ТВ, Россия-24, 12 января 2017).

В рекламных текстах на ТВ нарушаются грамматические нормы русского языка; не изменяются по падежам русские и иноязычные наименования, например: **«Виза» из Сбербанк*.

На ТВ, а также в городской среде на вывесках и указателях наблюдается смешение английских и русских слов, латиницы и кириллицы например: название московского ресторана **Ваниль*; указатель в московском метро **Нагатино I-LAND. *SPАсительное Подмосковье* (ТВ); **Анти-age* (ТВ).

в) Необходим контроль и в русскоязычном Интернет-пространстве. Там встречается большое количество так называемых «патогенных текстов», что подтверждает существование консциентальной войны. В таких текстах частыми приемами моделирования восприятия информации является «расчеловечивание», низведение человека до животного или неодушевленного предмета. Ср. циничные «новости» 30 марта 2016 г. (примеры И.В. Грибановой [Грибанова, 2016, с. 181–182]): *В Сирии уничтожена очередная порция русских солдатиков!* Слово *солдатики* в значении «игрушки» соседствует с отрицательным компонентом значения неодушевленного существительного *солдатня*: *Число уничтоженной русской солдатни насчитывает десятки голов*.

г) Чуждые нашему обществу смысловые акценты известных слов пытаются внедрить и члены разных организаций, формирующих в нашем социуме принципы западной толерантности. Так, члены общества «Добрые руки» подготовили список слов для СМИ (ноябрь 2018 г.), которые, по их мнению, не должны звучать в речи политиков, в общественных учреждениях, в СМИ. В этот список входят, например, слова *негр, инвалид, проститутка, гей, лесбиянка, дебил*. Как известно, социальная природа значений слов предполагает согласие, конвенцию носителей языка в плане их употребления: оно должно регулироваться культурными традициями нашего общества и многофакторным пространством лингвистической прагматики. И наоборот, искажение структуры значения, внесение чуждых смысловых оттенков нарушает естественную жизнь слова. Так, слова *негр, инвалид* в нашем языке не содержат отрицательной коннотации в любом контексте.

3. Проявление политики культурной глобализации в науке и в языке науки

В языкознании, в частности в русистике, отсутствует теоретическое и практическое противодействие глобалистской ревизии науки. В научной лингвистической среде нет единой концепции современного русского языка. Программа развития национального языка заменяется программой изучения региональных русских языков. Проект их описания никак не связан с исследованием диалектной речи и изучением взаимодействия диалектов русского языка с литературным языком (что всегда являлось традиционным направлением в диалектологии и в дисциплине культура речи).

Иллюстрацией позиции апологетов глобализации может служить пресс-релиз конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» в Санкт-Петербурге, в учебно-издательском центре «Златоуст» (8–10 декабря 2011 г.): «Подводя итоги конференции, отметим постановку следующих вопросов: распад базовых понятий (литературный язык, система функциональных стилей), сомнение в существовании и действии строгих механизмов отбора вариантов нормы».

Принцип «уничтожение естественной связи национального языка с его носителями» обнаруживает себя и в научной практике: важным в социальном отношении проблемам культуры речи, функциональной стилистики, лингвопрагматики не уделяется должного внимания. Лингвистику агенты глобализации называют описательной дисциплиной, которая описывает систему языка, безотносительно к коммуникативным и интерпретативным процессам. Характерно, что при таком подходе традиционные термины отечественного языкознания заменяются терминами английской грамматики. Однако применение дескриптивного метода, только регистрация наблюдаемых явлений, без рассмотрения их в функциональном аспекте, возможно только на начальном этапе исследовательской работы.

IV. Задачи языковой политики

Главной целью государственной языковой политики является сохранение общего коммуникативного пространства страны и обеспечение эффективности общения во всех сферах сложной жизни современного государства. Общественная значимость рус-

ского литературного языка имеет в своей основе национальную культуру и государственность [Русская грамматика, 1980, с. 10].

Принятый в России Закон о государственном языке Российской Федерации нуждается в отработанном механизме действия. В России нет государственного органа, который следил бы за соблюдением языковых норм. Необходима целенаправленная, последовательная, активная государственная языковая политика, разработка мер контроля и регулирования. Противодействие влиянию извне, процессам, разрушающим язык, затрагивает широкий спектр гуманитарных проблем в жизни страны.

Защита языка – это условие национальной безопасности и сохранения цивилизационной идентичности. Бездействие дает широкий простор для агрессивной политики в отношении русского языка.

Государственная власть во многих странах дает нам многочисленные примеры заботы о национальном языке. В ряде стран существуют специальные должности «языковых полицейских», которые заботятся о национальном языке и наказывают нарушителей. В Японии есть два государственных органа, следящих за соблюдением норм японского языка. Жесткий контроль осуществляется в Китае, в Израиле, во Франции и в других европейских странах.

Этический аспект – основа языковой политики. Концепт «этика» содержит такие категории, как «свобода», «желательность», «допустимость», а также категорию «принуждение» – как принуждение следовать языковым нормам во имя защиты всего языкового сообщества.

Список литературы

- Баженова И.В., Пицальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 51 с.
- Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 284–391.
- Бахтин М.М. Полн. собр. соч. – М. : Русское слово, 1996. – Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского. – 1963; Работы 1960–1970-х гг. – 799 с.
- Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. – В. В. Петров. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.

- Бодуэн де Куртенэ И.А.* О задачах языкознания // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные работы по общему языкознанию. – М. : АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 203–220.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* К критике международных искусственных языков // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные работы по общему языкознанию. – М. : АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 130–140.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
- Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., Наука. 1975. – С. 53–87.
- Виноградов В.В.* Литературный язык // *Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 288–297.
- Гадамер Г.Г.* Семантика и герменевтика // *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – С. 60–71.
- Гладенко Ю.С.* Культурная глобализация // Проблемы безопасности в современном мире. I Черноморская научно-практическая конференция МГУ. 26–28 мая 2016 г. : Тезисы докладов. – Севастополь : Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе, 2016. – С. 179–181.
- Грибанова И.В.* «Вестей горючих письмена» : патогенный текст в русскоязычном Интернет-пространстве // Проблемы безопасности в современном мире. I Черноморская научно-практическая конференция МГУ. 26–28 мая 2016 г. : Тезисы докладов. – Севастополь : Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе, 2016. – С. 181–182.
- Данеш Ф.* Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 20 : Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – С. 281–295.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: «Наука», 1987. – 263 с.
- Караулов Ю.Н.* Горячие точки развития русистики: русский язык, русский мир и российский менталитет // Русское слово в русском мире / отв. ред.: Ю.Н. Караулов, О.В. Евтушенко. – М. : МГЛУ ; Калуга : Эйдос, 2004. – С. 5–28.
- Кирилина А.В.* Некоторые аспекты формирования философии языка в эпоху глобализации // Жизнь языка в культуре и социуме-3 : Материалы международной научной конференции. Москва 20–21 апреля 2012 года / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М., 2012. – С. 9–10.
- Кирилина А.В.* Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Этнопсихолингвистика. – 2018. – № 1. – С. 26–62.
- Лазуткина Е.М.* Термин «литературный язык» // Терминология и знание : Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.) / отв. ред. С.Д. Шелов. – М., 2013. – С. 375–383.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. – 3-е изд. – М. : Смысл, 1999. – 365 с.
- Маринова Е.В.* «Вечный вопрос» о заимствованиях // Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 59–65.
- Русская грамматика. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 709 с.
- Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. – М. : ИЯ РАН, 2004. – № 2. – С. 34–47.

- Уфимцева Н.В.* Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания : динамика и вариативность. – М. : ИЯ РАН, 2011. – 252 с.
- Холквист М.* Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra : Антология. – СПб. : РХГА: 2002. – Т. 2. – С. 229–276.
- Ширяев Е.Н.* Предисловие: цели и задачи монографии // Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1996. – С. 3–6.
- Chloupek J.* Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. – Univer. J. E. Purkině v Brně, 1986. – 131 s.
- Daneš F.* Values and Attitudes in Language Standardization // Reader in czech sociolinguistics. – Praha, 1986. – P. 206–245.
- Havranek B.* Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // Actes du quatrième congrès international de linguistes. – Copenhagen, 1938. – S. 151–156.
- Hlavsová J.* O protikladu spisovnosti a nespisovnosti v češtině // Slovo a slovesnost. Ročník XLIX. – Praha, 1988, číslo 3. – S. 220–226.
- Jedlička A.* Basic Types of Norm in Language Communication // Reader in czech sociolinguistics. – Praha, 1986. – P. 57–82.
- Traugott E.C., Dasher R.B.* Regularity in Semantic Change. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 341 p.

А.В. Величко[©]

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые происходят в русском языке в настоящий период.

В последние годы, стремительно изменившие нашу жизнь, да и самого человека, столь же решительно меняют русский язык. Это естественно, ибо связь понятий «язык» и «общество» является органичной и неразрывной. При этом не вызывает сомнений, что далеко не все новшества, характеризующие современный язык, способствуют его развитию и обогащению. В статье ставится задача выделить основные линии, по которым идут изменения в русском языке и дать их оценку.

Новые явления, вошедшие и входящие в русский язык, чрезвычайно многогранны, поэтому и подходить к их квалификации следует дифференцированно. Выделяется два типа изменений в современно русском языке – внутренние и внешние. Внутренние изменения обусловлены изменениями в жизни самого национального сообщества, и они расцениваются как естественные и закономерные. Таковы, например, случаи расширения словарного значения некоторых слов или изменения контекста их употребления. Другие внутренние изменения объясняются тенденцией к демократизации русского языка.

Внешние изменения (происходящие) в русском языке – это результат влияния других языков и других культур. Имеется в виду, например, значительный приток в русский язык заимствований, в первую очередь из английского языка, или закрепившееся написание в русских текстах некоторых заимствованных слов или их частей с использованием букв латиницы. Такие и подобные новшества следует расценивать как недопустимые, ибо они затрагивают иден-

© Величко Алла Васильевна, доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка для иностранных учащихся, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: all_velichko@mail.ru

тичность и самобытность русского языка. Здесь важна активная языковая политика, цель которой воздействовать на правильное функционирование русского языка, регулировать процесс его изменений.

Приводятся мнения языковедов, специалистов по культуре речи, призывающих беречь чистоту, красоту и самобытность нашего языка.

Ключевые слова: русский язык; изменения в языке; демократизация языка; заимствования; культура речи; языковая норма; идентичность русского языка; языковая политика.

A.V. Velichko *

CHANGES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE MODERN PERIOD AND LANGUAGE POLICY

Abstract. The article discusses the changes that are taking place in the Russian language at the present time.

In recent years, the Russian language has changed our lives and the person, just as decisively. It is natural, because the connection between the concepts of «language» and «society» is organic and inseparable. At the same time, there is no doubt that not all the innovations that characterize the modern language contribute to its development and enrichment. The article aims to identify the main lines that are changing in the Russian language and assess them.

At the same time, there is no doubt that not all the innovations that characterize the modern language contribute to its development and enrichment. The article aims to identify the main lines that are changing in the Russian language and assess them. Internal changes are caused by changes in the life of the national community itself, and they are regarded as natural. These are, for example, cases of expanding the dictionary meaning of certain words or changing the context of their use. Other internal changes are explained by the trend towards the democratization of the Russian language.

External changes (occurring) in the Russian language are the result of the influence of other languages and other cultures, for example, a significant influx of borrowings into the Russian language, primarily from the English language, or a fixed spelling in Russian texts of some loanwords or parts of them using Latin letters. Such and similar innovations should be regarded as unacceptable, because they affect the identity and identity of the Russian language. Here, an active language policy is important, the purpose of which is to influence the proper functioning of the Russian language and regulate the process of its changes.

The opinions of linguists and specialists in speech culture are given, calling for preserving the purity, beauty and originality of our language.

* **Alla V. Velichko**, Doctor of Philology, associate Professor, Department of Russian language for foreign students, faculty of Philology Moscow State University named after M.V. Lomonosov, all_velichko@mail.ru

Keywords: Russian language; changes in the language; democratization of the language; borrowings; speech culture; language norm; identity of the Russian language; language policy.

Современная лингвистика характеризуется переходом от изучения языка как системы к изучению языка в действии, в функционировании, в общении. Это обусловлено идеей антропоцентризма языка, которая ставит человека в центр языка как его создателя и пользователя. В лингвистике активно исследуются проблемы взаимодействия языка и общества, и обратно – общества и языка, проблемы порождения речи и ее функционирования в разных сферах человеческой деятельности.

В аспекте этих проблем уместно рассмотреть изменения, которые наблюдаются в языке в тот или иной период его существования. Впрочем, вопросы изменения, развития языка всегда привлекали исследователей, языковедов, русистов, и это не случайно. Язык социален. Он функционирует в социальной среде. На жизнь языка влияют разные социальные факторы. Как утверждает В. Гумбольдт [Гумбольдт, 1985, с. 381], «происхождение и преобразование языка никогда не принадлежит одному человеку, но только – общности людей, языковая способность покоится в глубине души каждого отдельного человека, но приводится в действие только при общении».

Сейчас, в последние два – три десятилетия эти вопросы становятся особенно актуальными, ибо в период быстро меняющейся геополитической и культурной ситуации в мире, в период так называемой глобализации русский язык подвергся и подвергается значительным изменениям. В нем много нового, и здесь можно выделить несколько основных линий, направлений, где эти изменения проявляются.

Оговорим, что мы не случайно используем обозначение «язык изменяется» (а не «развивается», «обогащается»), так как характер этих изменений очень разный, и важно давать их оценку. Очень важно придерживаться определенных критериев, позволяющих давать квалификацию новых языковых явлений, опираясь на положения науки о культуре речи.

Культура речи как теоретическая и практическая дисциплина включает три ступени, три аспекта анализа, тесно взаимосвязанные, составляющие ее триединую цель: 1) фиксацию, упорядочение новых явлений, элементов языка, 2) их оценку, квалификацию в свете соответствия норме и 3) языковую политику, т.е. деятельность язы-

коведов, широких кругов общественности, связанную с воздействием на функционирование литературного языка и на его эволюцию.

Что касается современного состояния русского языка, то здесь, как представляется, у лингвистов преобладает стремление фиксировать новые факты, проникающие в язык, описывать их; при этом языковеды, специалисты по культуре речи не стремятся квалифицировать, оценивать их и тем более отвергать или регулировать их функционирование в речи.

Такая пассивная позиция в данной ситуации представляется неоправданной. Работы исследователей не должны быть простым зеркалом, отражающим то, что закрепилось в языке, что пришло в него. В. Гумбольдт отмечал, что исследование языка «отнюдь не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт, 1985, с. 383].

Не вызывает сомнений, что далеко не все новшества, которые характеризуют современный русский язык, способствуют его развитию, т.е. переходу из одного состояния в другое, более совершенное, движению к высшему. Поэтому сейчас наиболее важными представляются именно две последние ступени анализа новых языковых явлений — их квалификация с точки зрения соответствия норме и языковая политика, т.е. регулирование их функционирования в языке, в речи, в общении. Изменения в языке должны происходить в строго определенных границах, рамках и не должны нарушать самобытность, идентичность русского языка.

В статье ставится задача выделить основные линии, по которым идут изменения в современном русском языке, дать оценку языковых новшеств. Это позволит представить состояние русского языка в настоящий период и определить перспективы его движения.

На основании того, что изменения в языке чрезвычайно многообразны, представляется необходимым и подходить к их квалификации дифференцированно. В первую очередь следует выделять внутренние изменения и внешние.

Внутренние изменения, новшества — это социально обусловленные изменения, происходящие в границах лексико-грамматической системы языка, связанные непосредственно с изменениями в жизни самого национального сообщества, в самосознании и культуре носителей языка. Это изменения, соотносимые с лексическими и грамматическими закономерностями русского

языка, не затрагивающие, не нарушающие сложившихся основ, лексико-грамматической системы языка. Приведем ряд примеров таких внутренних изменений.

Так, в сфере словообразования отмечается появление большого количества новых сокращений и новых аббревиатур, которые носителю языка приходится запоминать, например: СМИ, ГИБДД, МЦК, СВАО, ЖКХ, ЕГЭ, МФЦ, ВКР и т.д. К этому носители языка относятся спокойно, так как это естественное явление в языке, отражающее изменения в жизни общества.

Лексическая система – наиболее подвижный уровень языка. Лексический состав языка всегда открыт для новых средств, слов, открыт для изменений, оперативно реагирует на новизну. Человек постоянно расширяет свое познание мира, углубляет его осмысление, развивается сознание, мышление человека, и у него возникает потребность обозначить новые объекты, с наибольшей глубиной выразить свои мысли, отношения. Однако закон экономии, свойственный любому языку, сдерживает включение для этого в состав языка новых единиц, поэтому используются более рациональные механизмы. А. Мартине, анализируя естественную тенденцию к расширению средств языка и принцип экономии, пишет: «Расширение круга единиц может привести к большей затрате усилий, чем та, которую коллектив считает в данной ситуации оправданной. Такое расширение является неэкономичным и обязательно будет остановлено. С другой стороны, будет резко пресечено проявление чрезмерной инерции, наносящей ущерб законным интересам коллектива» [Мартине, 2006, с. 126].

Именно такой рациональный механизм используется в русском языке: имеется в виду наметившееся расширение семантики некоторых слов, увеличение их семантического, содержательного объема. Слово получает способность использоваться в других ситуациях общения или для именования других, несвойственных ранее этому слову объектов. Так, слово *площадка* используется в значении «импровизированная сцена, место, используемое, приспособленное для выступления». Ср.: *Этот популярный ансамбль выступает на самых разных площадках, например, в сельских клубах и даже на стадионе.*

Слово *ролик* используется в значении «короткий фильм специального назначения», например: *рекламный ролик, сняться в ролике, посвященном новой песне; Артист получил популярность после того, как снялся в нескольких роликах.* Напомним также вошедшее несколько ранее слово *ролики* в значении «коньки».

Слово *пространство* используется не в значении территории, а в виртуальном значении (*пространство языка, культурное пространство, семантическое пространство, информативное пространство, экспозиционное пространство*).

Сейчас широко используется слово *проект* в значении «план, замысел, идея, программа деятельности»: *проект «Активное долголетие»*; *музейный проект, новый телевизионный проект; проект митрополита Илариона*.

Слово *комплекс* соотносится, связывается не только с количеством, но и с новым качеством объектов, ср.: *жилой комплекс, строительный комплекс, спортивный комплекс*. Слово *фактор* расширило смысловую сферу своего функционирования, используя в значении «обстоятельство, условие, причина»: *важный фактор, обязательный фактор*; Слово *платформа* с появлением Интернета используется в последнее время в новом значении «система, способ, метод связи, контакта», не имеющем отношения к железной дороге, ср. *платформа дистанционного обучения; сборники размещаются на платформе e-Library*.

К словам с семантическим сдвигом относятся также *карта* (*социальная карта москвича, карта магазина «Перекресток», дорожная карта*) и *салон* (*салон автобуса, салон красоты, автосалон*). Еще отметим слово *практика*, ср.: *Она сейчас находится в Тибете, у них там оздоровительные практики; В то время это была распространённая практика*.

Такое изменение в лексической семантике является закономерным, естественным. Это не расшатывает систему языка, не противоречит ее грамматическим и семантическим закономерностям, а свидетельствует о развитии и обогащении языка и свойственно, очевидно, каждому языку в процессе его существования. В.В. Виноградов отмечает: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов, 1972, с. 17].

В этом процессе раскрывается еще одно важное свойство языка и человека как создателя языка и его пользователя. Человек способен присваивать себе язык в процессе его применения. Об этом писал Э. Бенвенист: «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда он обозначает себя как я, как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист, 2002, с. 296]. Присваивая язык, человек способен подчинять его своим потребностям и целям, изменять его, приспособлявая к своим возможно-

стям, а иногда и к своим вкусам. Например, при возникшей необходимости номинировать новые объекты или ситуации язык может использовать для этого уже имеющиеся в нем лексические единицы, усложняя их семантически.

Аналогичный процесс, связанный с семантикой и функционированием тех или иных слов, происходит в языке время от времени. Так, несколько раньше закрепились расширенные значения таких слов, как *университет*, *академия* для обозначения, называния определенных видов учебных заведений или научно-исследовательских учреждений (*Медицинский университет*, *Педагогический университет имени А.И. Герцена в Санкт-Петербурге*, *Областной университет*, *Медицинская академия им. Сеченова*). Слово *школа* также употребляется сейчас более широко, чем раньше, например *Высшая школа Экономики*, *Высшая школа (факультет) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова*.

Следует отметить, что, расширив свою семантику, такие слова могут получать и другие грамматические характеристики, свойственные той семантической сфере, в которую они вошли. Это может быть другая сочетаемость, использование в новых конструкциях. Например, слово *проект* получило более широкую сочетаемость с прилагательными: *городской / телевизионный / музейный / музыкальный проект*, *участники проекта* (не «авторы»). Сдвиги в семантике могут определить и перемещение по стилистической шкале, и у слова возникает новая оценочность. Так, слово *фактор* расширив сферу своего использования, утратило, прежнюю стилистическую окраску (книжн.), вошло в разряд нейтральных, что вполне логично и оправдано.

Такие слова с измененной семантикой органично входят в русский язык, приспосабливаются к системе языка, что делает их органичными языковыми единицами.

С явлением расширения семантики слов связан и возможный перенос их из одной сферы речи, общения в другую. Показательны в этом отношении изменения в представлении, описании спортивной жизни. Спортивные журналисты, обозреватели стремятся разнообразить языковые средства при сообщении о новостях спорта, при комментировании ситуаций в сфере спорта, смелее используют слова и выражения, словосочетания из другой сферы. Это объясняется общей тенденцией к демократизации русского языка, о чем будет речь дальше. Обусловлено это также тем, что спорт получил статус профессионального. Сейчас спортсменов, футболист и т.д. – это профессия; тренировки, соревнования – это работа, вид трудо-

вой деятельности, поэтому спортивная жизнь стала сложнее, разнообразнее, здесь возникают другие ситуации, и это сразу проявляется в языке.

Так, наряду с традиционными словами *выиграть, проиграть, одержать победу* используются и другие, семантически соотносимые с ними, может быть отражающие эмоциональное состояние спортивного обозревателя, например: *команда «С» разгромила противника; теннисистка Ш. не оставила противнице никаких шансов на победу; Н. не смог реализовать две возможности; Наша фигуристка забрало золото; Команда «Н» повела в счете с первых минут матча.*

Использование таких средств (они могут меняться, иногда являются окказиональными) заменяет закрепившиеся, привычные слова выражения и этим позволяют обозревателю сделать сообщение более живым, свободным, динамичным. Это вполне естественно и оправданно, если учесть, что спортивная жизнь относится к неофициальной, социокультурной сфере жизни носителей языка.

Типичные теперь для жизни современного общества ситуации, когда спортсмен выступает то за одну, то за другую команду или страну, обозначаются, описываются высказываниями типа: *Футбольный клуб заинтересован в услугах этого нападающего и готов подписать с ним контракт...; Клуб признал, что игрок интересен для него и готов заплатить за него...; Главный тренер (Наш футбольный клуб) сделал спортсмену предложение по поводу перехода...; Клуб не хочет пока расставаться с этим игроком и готов платить ему (повысить зарплату)...; Клуб «С» борется за этого игрока и надеется...*

Для контраста можно привести ситуацию с языком науки. Здесь наметилась противоположная тенденция. Язык научных текстов характеризуется усложнением средств выражения, появлением новых терминов, не всегда оправданных, по принципу, «чем сложнее, тем научнее». Это естественно для этой сферы языка, если, конечно, научность изложения не переходит в наукообразие, наукоподобие.

В целом же грани между функциональными стилями сейчас размыты. Это проявляется и в обиходном общении, и в официально-бытовом, и в социокультурном.

Общая тенденция развития русского языка сейчас осмысливается лингвистами и определяется как демократизация русского языка. Однако это выражение не закрепилось как термин и не получило точного толкования. Очевидно, под демократизацией рус-

ского языка понимается более свободное, равноправное использование всех средств языка, не столь строгая их дифференциация с точки зрения возможности и правомерности употребления в разных ситуациях. Однако то разнообразие изменений и новшеств, которое характеризует русский язык настоящего периода, нельзя свести к общему процессу демократизации языка. К некоторым новым явлениям языка это объяснение применимо, другие же настораживают, вызывают сомнение или даже протест, отрицание, возражение.

Так, в обиходном общении в связи с демократизацией языка активизировались, активнее используются стилистически сниженные слова и выражения: *крутой, клевый, быть в шоке, не парься, обалдеть, обалденный, зашкаливать*, и т.п. Такие слова характерны для молодежного жаргона, но теперь свободно употребляются также и в нейтральной речи.

Признаки демократизации языка характеризуют, как ни странно, также и язык радио- и телепередач. Сейчас профессия диктор радио / телевидения ушла, и соответственно речь журналистов, ведущих передач и тех людей, которые профессионально связаны со словом, стала другой. Текст заранее так тщательно не готовится, не пишется, не читается «с листа», а строится «вживую», спонтанно, нередко «по ходу дела». Нередко передачу ведут два журналиста, два, а то и три ведущих в форме живого диалога / полилога между собой или с приглашенным гостем, и отсюда наблюдается иногда, небрежное отношение к своей речи. Вспомним, что ранее существовали специальные словари-справочники ударения и произношения для дикторов. Сейчас требования к правильности, корректности, тактичности речи ослаблены. Например, трудно осознать, почему, с какой целью журналисты стали с пафосом называть наше лучшее в мире метро подземкой. Оправдано ли здесь говорить о демократизации языка?

В данный период существования языка культура речи в традиционном, классическом понимании отошла на второй план. Вопросы правильного ударения, произношения не так волнуют. Это в принципе хороший знак. Носители языка стали более образованными, культурными и впитывают нормы ударения произношения в процессе социализации, и ошибки типа *звонит – звонит, свекла – свёкла, крепкое / крепкий кофе* не столь часты (правда, по-прежнему путаем слова *надеть – одеть*). Да и здесь тенденция к демократизации языка идет навстречу – в современных орфоэпических словарях нормы употребления не столь строго регламенти-

руются, в некоторых случаях указываются возможные варианты нормы, правда с пометой (*и допустимо*) (см., например: [Орфоэпический словарь, 1988]).

Тем не менее к процессу демократизации языка следует относиться настороженно. Одно дело ослабление нормы, связанное с внутренними изменениями, да, здесь некоторые явления заслуживают осуждения. Когда же речь идет о **внешних изменениях**, новшествах, то здесь о демократизации русского языка и тем более о его развитии, обогащении говорить трудно.

Как мы понимаем внешние изменения языка? В наступившую эпоху глобализации русской язык подвергается активному влиянию других языков, в первую очередь английского языка, и изменения, связанные с активным влиянием других языков и других культур, мы определили как внешние. Другими словами, это изменения, обусловленные не изменениями в жизни национального сообщества, а влиянием на русский язык других языков и другой культуры. Такие внешние изменения языка крайне нежелательны, так как они затрагивают, как правило, систему русского языка, противоречат его сложившимся устоям и могут затрагивать идентичность национального языка. Изменений такого порядка в русском языке немало, и здесь можно выделить несколько направлений, линий влияния. Проиллюстрируем сказанное.

Отмечается, что сейчас исчезает отчество как специфически русская форма обращения и названия человека. Здесь можно выделить два случая. В случае непосредственного диалогического общения в радио- или телепередаче ведущего с приглашенным гостем, с которым он хорошо и давно знаком, т.е. в симметричной ситуации общения, ведущий может предложить собеседнику общаться без отчества и на «ты». Очевидно, это допустимо и является признаком демократизации языка, хотя и здесь следует учитывать, что адресатом является многомиллионная аудитория слушателей или зрителей.

Если же иметь в виду, что сейчас журналисты, обозреватели опускают отчество также в сообщениях о третьем лице, т.е. в несимметричной ситуации (формула «**я – ты – он**» или «**я – он**»), то здесь надо подумать о целесообразности такого изменения, стоит ли отказываться от национальных правил речевого поведения и речевого этикета. Как известно, ранее сложилась традиция называть без отчества известных певцов и артистов (Клавдия Шульженко, Федор Шалапин). Теперь же отчество опускается и когда говорят о людях немолодого возраста (например: *Бабушка тринад-*

цатиюлетнего внука *Ольга Соколова* задает вопрос...), и о лицах более высокого общественного статуса (*Владимир Путин в своем обращении...*; *мэр Москвы Сергей Собянин...* и т.п.).

Обращает на себя внимание тот факт, что меняются закономерности интонационного оформления высказывания: под влиянием других языков появляется не свойственная русскому языку восходящая интонация в конце повествовательного предложения.

Грамматическая система – наиболее устойчивый уровень языка. Изменения здесь происходят гораздо реже и утверждаются, закрепляются медленнее. Однако нововведения коснулись и этого уровня языка.

Отметим, что активизировалось использование иностранных приставок, например: *атипичный, алогичный, аморальный, аполитичный, аномальная погода, антикоррозийный, антитела, анти-вирус*, или первой составной части сложных слов, например: *супермаркет, мини-маркет, экспресс-анализ, супервторник*.

Следующее явление, закрепляющееся в грамматике, гораздо существеннее. Имеется в виду значительное повышение продуктивности модели «существительное + существительное» или «наращение + существительное» словосочетаний с определительным значением, например: *мастер-класс, Президент-отель, магазин-галерея, пресс-служба, пресс-секретарь, (компания) Газпром-авиа, эконом-класс, бизнес-класс, гала-концерт, Геликон-опера, онлайн-обсуждение, ток-шоу, аппетит-рецепт, бизнес-консультант, онлайн-покупки, рок-дива, хит-парад*. Данная модель получила распространение, очевидно, под влиянием языков аналитического типа, в первую очередь английского.

Для русской грамматики такие сдвоенные слова, образованные с помощью синтаксической связи примыкания, нетипичны. В современном литературном языке закрепились лишь единичные примеры, возникшие из практической потребности, для осмысленного наименования объекта, например: *диван-кровать, кресло-качалка, кресло-кровать* (предметы, которые имеют двойную функцию и могут трансформироваться в два разных предмета), *Москва-река* (чтобы отличать от одноименного города). Непродуктивность таких образований объясняется тем, что русский язык – это язык флективного типа, и соединения, связи слов для обозначения новых понятий или объектов осуществляются по законам русской грамматики, где действуют синтаксические связи согласования, управления, примыкания.

Сейчас подобные сочетания в некоторых сферах общения образуются легко, невзирая на то, что они нарушают грамматическую целостность системы языка.

Настораживает тот факт, что в таких сочетаниях могут объединяться русское слово и иностранное, причем иностранное слово может быть написано русскими буквами или латиницей, ср.: *talk-шоу*, *vip-зал*, *онлайн-обсуждение*, *онлайн-консультанты*, *VHS-стилистика*.

В этой связи необходимо отметить, что для современного русского языка, для русских текстов становится привычным написание отдельных слов (естественно, заимствованных) или их частей с использованием букв латиницы (*vip-зал*, *talk-shoy*; *Twitter*, *MOSTRANSPO*R*T*, *mostranspo*rt, *Instagram*; *Гитлер* vs *Гоголь*; *VHScтилистика*, *Crocus City Hall*). Такое новшество само по себе является совершенно неоправданным, недопустимым, искажающим основы русского языка.

Представляется не способствующим закреплению статуса русского языка закрепившееся с недавнего времени объявление станций метрополитена не только по-русски, но и по-английски.

Новые явления, понятия жизни, безусловно, требуют именования, и каждый язык имеет и использует для этого внутренние ресурсы своего языка. О некоторых путях обогащения лексикосемантического запаса русского языка здесь уже шла речь. Тем не менее носители русского языка, к сожалению, нередко предпочитают в таком случае использовать иностранные слова, не задумываясь, что этим засоряют, портят свой родной язык.

Заимствованных слов в русском языке становится больше и больше. Они относятся к разным сферам жизни – общественно-политической, деловой, социокультурной: *анонс*, *байкер*, *блог*, *блогер*, *брокер*, *бодибилдинг*, *бренд*, *вебинар*, *викенд*, *википедия*, *вундеркинд*, *голкипер*, *дизайн (кроссовок)*, *драйв*, *дилер*, *имидж*, *импичмент*, *кибермошенник*, *кибератака*, *контент*, *легитимность*, *маркетинг*, *мессенджер*, *пурим*, *праймериз*, *рейтинг*, *рэн*, *рэпер*, *сингл*, *сканер*, *стикер*, *смартфон*, *тренд*, *толерантность*, *файл*, *фейк*, *фишка*, *хит*, *шлягер*, *шоу* и т.д.

Ср. также зафиксированные нами высказывания из публицистики, включающие заимствованные слова: *оплачивайте картой и получайте кэшбэк*; *получите бонусы на будущие покупки*; *не буду заранее анонсировать содержание обращения*; *советский шлягер 50-годов «Я люблю тебя жизнь» исполнил...; ...стали регулярно мониторить обстановку*; *эта песня стала самым большим хитом в ее карьере*; *... пригласил друзей на свое шоу* и... сняли видео

на тот же **трэк**; Мосгорсуд признал законным арест **пранкера**, который...; Информацию на **стикере** считать приоритетной; В водоеме установили **боновые** заграждения; Многие наши писатели и поэты писали басни, но только И. Крылов стоит в одном ряду с Эзопом и Лафонтеном, и именно И. Крылов – наш **бренд**; Выступивший подчеркнул, что при создании культурного **кластера** важно учитывать...; Главный приз новогоднего **баттла** – это...; Мэр обратился к москвичам в своем личном **блоге**; шоколад «Алленголд» – новый **блокбастер**; появился и **клип** на эту песню; парочка оригинальных артистов создаст **драйвовое настроение**.

Имеет место неоправданная конкуренция русских и иностранных слов: **голкипер** – вратарь; **пройти кастинг** – пройти отбор; **hand out** – раздаточные материалы; **инофон** – иностранец.

Показательно, что происходящие изменения в языке, в том числе и те, которых следует избегать, проникают в русский язык не из речи, общения рядовых носителей языка, а вносятся, образованными, культурными людьми, людьми, знающими иностранные языки, одним словом, идут из речи «русских элитарных языковых личностей», от людей, профессионально связанных со словом – журналистов, обозревателей, комментаторов. Именно они склонны употреблять в том числе и заимствования, вводить их в речевой обиход, именно они пренебрегают правилами культуры речи. Рядовые носители языка попадают, включаются в эту среду общения и вынуждены эти новшества осваивать, осмысливать и использовать, хотя иногда не совсем понимают. Ср.: *Станьте **спикером** Юрайт. Академии. Приглашаем Вас выступить с **кейсами** и наработками в областях: как **настраивать систему прокторинга**...*

Заимствования негативны также в связи с тем, что за новыми словами, пришедшими из другого языка, из страны другой культуры, стоят определенные жизненные понятия, духовные ценности, выработанные в другой культуре, в другом социуме, и носители русского языка начинают менять что-то в жизни, в национальном менталитете, в своей национальной культуре. Другими словами, здесь речь идет уже о влиянии языка на общество (а не жизни общества на язык).

Интересна и показательна судьба русских слов. Русские слова практически не входят в другие языки, или такие случаи единичны, имеют очень определенную мотивацию и потому быстро уходят из того языка, который их принял. Такой была, например, судьба слов *спутник*, *гласность*, *перестройка*.

Русский язык меняется. Это безусловно. Как оценить рассмотренные изменения в русском языке современного периода? Анализ показывает, что изменения эти разнообразны, поэтому и относиться к ним следует по-разному.

Примеров, свидетельствующих о развитии языка, немного, так как это процесс очень медленный. Очевидно, следовало бы тщательнее исследовать и другие примеры развития, обогащения языка, особенно за счет его внутренних ресурсов. Здесь уместно вспомнить слова Л.В. Щербы: «Достоинство литературного языка определяется... богатством готовых возможностей выражать разнообразные оттенки» [Щерба, 2007, с. 113].

Другой вид изменений, и их немало, которые связываются специалистами с тенденцией к демократизации языка, требуют очень серьезной и строгой объективной оценки. И здесь следует исходить из позиции стилистики, «которая изучает эстетические нормы повседневной речи» [Виноградов, 1980, с. 4]. Это связано с тем, что, как показывает сложившаяся языковая ситуация, сегодня тон нередко задают те пользователи языка, эстетический вкус которых невысок

Наконец, особое внимания требуют изменения, которые мы определили как внешние, т.е. связанные с активным влиянием других языков и других культур. Языковая ситуация сегодня показывает, что то, что происходит с русским языком, это, во многом, если не в основном, торжество иноземных ценностей.

Необходимо преодолеть разрыв между тремя ступенями, этапами, аспектами, составляющими триединую цель культуры речи, и здесь уже на первый план выходит языковая политика. Специалисты по культуре речи, широкая языковая общественность, языковеды должны целенаправленно заниматься языковым строительством. Регулятором синхронного существования языка является норма. При этом основными факторами, которые определяют деятельность языковой политики являются следующие.

Надо исходить из того, что вершиной культуры речи признается литературный язык, где закрепляются, накапливаются культурные традиции народа, достижения мастеров слова, писателей, и норма предназначена поддерживать высокий статус русского языка. Надо бороться за чистоту и за сохранение богатства, красоты и образцовости русского языка. Важно оберегать литературный язык от элементов, не соотносимых со сложившимися закономерностями его лексико-грамматической системы, отвергать слова, обороты, чуждые ей.

Следует строго оценивать, исключать ненужные заимствования. Они утомляют слух носителя языка.

Следует формировать языковые вкусы носителей языка. С регулирующей ролью языковой политики надо связывать исследования, которые демонстрируют красоту, богатство, выразительность русского языка. Таких работ сейчас, к сожалению, очень мало. Как представляется, сегодня крайне важно говорить, исследовать, в чем проявляется богатство, самобытность нашего родного языка. Сейчас же новые слова и новые явления вносятся в обиход образованными людьми, «русскими элитарными языковыми личностями», которые в принципе должны быть носителями, сторонниками, защитниками образцового русского языка. Стремление сказать что-либо иначе, по-другому, без особой необходимости использовать американизмы, игнорируя богатейшие возможности родного языка – это своего рода мода, ложное понимание своей современности. Вот мы и проходим *кастинги*, проводим *мониторинг*, обучаем *инофонов*, предлагаем *хэндауты* и слушаем *хиты* и *шлягеры*.

Язык, как известно, является хранителем идентичности нации. Некультурная речь – прямой путь к деградации нации. Сейчас время задуматься о судьбе своего языка и о судьбе нации.

В сложившейся ситуации лингвистов, конечно, волнует, беспокоит состояние современного языка. В последнее время в общественности все чаще поднимают вопрос об обеднении, о порче русского языка, сложился термин «коррозия русского языка». М. Кронгауз, автор книги с интригующим названием «Русский язык на грани нервного срыва», ведет заинтересованный, серьезный разговор, взвешенное обсуждение состояния русского языка сегодня с обществом, с пользователями языка, с читателями [Кронгауз, 2007]. Академик Д.С. Лихачев писал: «Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию... Если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии» [Лихачев, 1999, с. 50].

В заключение приведем слова Норы Галь, которую также волновало состояние и будущее русского языка. В свое время она писала: «Давайте будем аккуратны, бережны и осмотрительны! Поостережемся “вводить в язык” такое, что его портит и за что потом приходится краснеть!

Мы получили бесценное наследство, то, что создал народ за века, что создавали, шлифовали и оттачивали для нас Пушкин и

Тургенев и еще многие лучшие таланты нашей земли. За этот бесценный дар все мы в ответе!» [Галь, 2007, с. 30].

Список литературы

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
- Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – Изд. второе. – М. : Высшая школа, 1972. – 616 с.
- Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. Избранные труды. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
- Галь Н.* Слово живое и мертвое. – М. : Время, 2007. – 592 с
- Гумбольдт В., фон.* Язык и философия культуры. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
- Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007. – 232 с.
- Лихачев Д.С.* Раздумья о России. – СПб. : Logos, 1999. – 672 с.
- Мартине А.* Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии. – М. : КомКнига, 2006. – 264 с.
- Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. ударение. грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. – М. : Русский язык, 1988. – 704 с.
- Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М. : АСПЕКТ Пресс, 2007. – С. 113–129.

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: РУССКИЙ ЯЗЫК НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

DOI: 10.31249/ruslang/2021.00.05

В.И. Карасик[©]

ИМПОРТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКУЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРУ

Аннотация. Рассматриваются характеристики англоязычных заимствований в современном русском языке. Определены основные типы ментальных образований, импортируемых из англоязычной культуры в русское языковое сознание: оценочно-нейтральные, общеоценочные и частнооценочные концепты. Первые характеризуют явления, предметы и качества, которые возникли в англоязычном мире и освоены в России, эти заимствования образуют абсолютное большинство импортируемых концептов. Вторые представляют собой паразитарные смысловые образования, не меняющие ценностных ориентиров в коллективном сознании, их лексические обозначения часто используются с игровой целью либо для построения имиджа людей, которые не отстают от моды. Третьи вносят существенные изменения в ценностную картину мира нашего общества, являясь проводниками культурной глобализации – ключевых норм поведения, принятых в современной американской лингвокультуре и транслируемых в планетарном масштабе. Частнооценочные заимствования в количественном отношении невелики, но их значимость состоит в их акцентированном влиянии на мировоззрение наших современников.

Ключевые слова: заимствование; концепт; лингвокультура; ценность; русский язык.

© **Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, vkarasik@yandex.ru

IMPORT OF ENGLISH CONCEPTS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE

Abstract. The paper deals with English borrowings into the modern Russian language and culture. Three main types of such imported ideas have been distinguished: neutral concepts, concepts with a general evaluation index and concepts with a particular evaluation index. The first group makes a majority of imported mental units, they characterize objects, events or qualities adopted by our culture and considered necessary and useful. The second group comprises the notions already verbalized in Russian but they find a new form taken from another language, they are empty in this respect and used either playfully or so as to demonstrate that someone follows the fashion. These words are often criticized by many Russian speaking people, but they come and go and have no real influence on the mentality of population. The third group has a substantial impact on the collective and individual world view despite the fact that the number of such concepts is rather small. These concepts implant the values and norms of the American culture worldwide due to globalization processes.

Keywords: borrowing; concept; language and culture; value; the Russian language.

Активное лавинообразное заимствование английских слов и выражений в современном русском языке стало знаком нашей сегодняшней жизни. Заимствования происходят всегда при контакте культур, это объясняется различными причинами: потребностью наименования новых реалий, стремлением к выразительности, языковой игрой, демонстрацией своей принадлежности к особой группе, например, экспертов. Л.П. Крысин отмечает, что «один из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, – процесс активизации употребления иноязычных слов» [Крысин, 2000, с. 142]. Проблема заимствований неоднократно привлекала к себе внимание исследователей [Брейтер, 1997; Котлярова, 2020; Крысин, 2004; Дьяконова, 2007; Алпатов, 2012; Маринова, 2013; Сиротинина, 2013; Бурыковская, 2016]. Отметим, что отношение к английским заимствованиям в современной российской культуре вызывает живой отклик широкой аудитории и варьирует от резкого осуждения до некритического восторженного принятия.

* **Vladimir I. Karasik**, Advanced Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics Pushkin State Russian Language Institute, e-mail: vkarasik@yandex.ru

Известно, что языки различаются по степени иммунитета к чужому слову (есть языки, активно впитывающие любое инородное включение, и языки, сопротивляющиеся этому процессу). Так, в болгарском языке отчетливо прослеживается тенденция использовать собственные ресурсы для наименования явлений (сравним болгарские и русские слова *говорител* и *диктор*, *вертележка* и *карусель*), в чешском языке чужие слова приобретают насмешливо-ироническую коннотацию (сравним два слова, характеризующих понятие «театральный»: *divadelni* и *teatralni*, первое – это нейтральная характеристика предметов и явлений, относящихся к театру – *divadlo*, например, театральная афиша, второе имеет значение «наигранный, неестественный, аффектированный»). Такая чувствительность к заимствованиям объясняется пограничным положением этноса, необходимостью подчеркивания своей идентичности. Это переживание угрозы своему языку имеет исторический характер: в Германии в свое время настойчиво внедрялись в обиход свои германские слова вместо интернационализмов для обозначения телевизора и телефона: *Fernseehapparat*, *Fernsprecher*, затем наступил период принятия чужого – преимущественно английского – слова, *Tonbandgerät* и *Recorder* стали обозначать разные типы магнитофонов – бобинный и кассетный, наконец, для обозначения мобильного телефона немцы стали использовать английское слово *handy*, у которого в Англии или США такого значения нет.

Английский язык активно впитывает различные заимствования, в текстах массмедиа чужие слова удивительно быстро проходят этап освоения. В силу сравнительной бедности аффиксальной базы английского языка и для экспрессивного уточнения смысла понятий в английском легко возникают своеобразные аффиксоиды, части заимствованных слов, выделяемые по фонетическому принципу и переосмысливаемые по требованию момента: вспомним *Watergate*, *Irangate*, *zippergate* (первое слово – это название места, где произошел известный скандал с подслушиванием политических оппонентов, в результате чего президент США Р. Никсон вынужден был уйти в отставку, второе слово было создано для обозначения политического скандала в связи с незаконной продажей оружия в Иран, третье слово возникло на базе окказионального аффиксоида – *gate* со значением «политический скандал» как родового признака и уточняющего компонента в качестве видового признака, в данном случае это *zipper* – молния на брюках, имеется в виду скандальное разоблачение президента Б. Клинтона).

Англицизмы и американизмы в русском языке существуют давно, наиболее освоенной территорией для таких слов стал спорт, слова *футбол, баскетбол, волейбол* активно внедрились в языковое сознание всего населения, спортивные комментаторы часто использовали более специфические термины (*форвард, голкипер, рефери*), но *нападающий* постепенно вытеснил *форварда*, и англицизм остался стилистическим резервным обозначением для соответствующего понятия. В современном русском англицизмы постоянно используются в компьютерном дискурсе, т.е. в речи специалистов по компьютерам и в общении тех, кто пользуется этим прибором (*монитор, драйвер, флоппи*). Политическая и экономическая сферы также стали ареной активного использования английских слов, при этом англицизмы используются вследствие однословности и экспрессивности (сравним неудобнопроизносимое по-русски, но однословное обозначение *инаугурация* и *торжественное вступление в должность высшего государственного должностного лица*). Имеющиеся слова *коронация, венчание* или близкое по смыслу *воцарение* не годятся по политическим соображениям, латинский окказионализм *импрезидентия* (по аналогии с термином *интронизация*) труден для тех, кто не знает латыни, кроме того, латинский префикс *in-* многозначен (сравним *имперфект*). Главное, однако, состоит в том, что инаугурация президента России по своей сути, как это подчеркивается самим словом, не отличается от соответствующей процедуры в США, молчаливо признаваемой в качестве образца. Речь идет о внедрении в иную культуру концепта – ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании.

В данной работе рассматриваются типы английских и американских концептов, внедряемых в русское языковое сознание, и реакция носителей русской культуры на эти процессы. В качестве критериев классификации этих концептов положены признаки формальности, наличия ценностного компонента, разновидности этого компонента и ценностной специфики. В лингвистическом аспекте определить чужие концепты можно лишь отталкиваясь от их вербальных проявлений. Таким образом, предполагается, что за английскими словами в русском языке либо скрываются специфические англоязычные концепты, либо нет; если такие концепты можно установить, т.е. можно отметить их ценностную значимость, то предлагается противопоставить общеоценочные и частнооценочные концепты. Общеоценочные чужие концепты паразитарны по своей сути – не важно, почему чужое лучше, чем свое,

оно чужое, и поэтому уже лучшее. Отметим, что оппозиция «свой – чужой» является архетипической и обычно подразумевает однозначную положительную оценку своих. Однако применительно к заимствованиям эта оценка может кардинально переворачиваться.

Паразитарные концепты не меняют ценностных содержательных ориентиров в сознании людей. В отличие от них частно-оценочные концепты дают возможность прийти к определенным объяснениям, которые в той или иной степени модифицируют всю сетку оценочных отношений в языковом сознании. Приведем аналогию: если я говорю, что NN – плохой человек (общеоценочная характеристика), я высказываю свое мнение и не раскрываю соотношение ценностей, на основании которых выносится оценка; но если я утверждаю, что NN – трус (частнооценочная характеристика), то помимо высказывания своего мнения я называю качества, подлежащие оценке и допускающие формулировку в кодексе ценностей (трус – это тот, кто не может контролировать свой страх, а страх следует контролировать).

Первый тип составляют концепты, обозначающие реалии, заимствуемые из английской и американской культуры. Они являются оценочно нейтральными. По своей сути такие концепты составляют ядро обычных заимствований. Зачем придумывать обозначения на русском языке для приборов типа *сканер* и *принтер* или для нового вида спорта *винд-серфинг*? Концептами в строгом смысле слова назвать ментальные образования, стоящие за данными словами, весьма трудно – здесь вряд ли можно найти ценностные или этнокультурные признаки. Некоторые концепты внедряются в специальные сферы общения благодаря тому обстоятельству, что они однословно выражаются в другом языке, например, *deadline* – 1) *a time limit for the completion of an activity etc.*; 2) *hist. a line beyond which prisoners were not allowed to go* (COD); это слово часто используется в нашей академической среде для обозначения крайнего срока подачи документов, статей, заявок на участие в конференции и т.д. Носители русской лингвокультуры воспринимают внутреннюю форму приведенного слова как метафору, вместе с тем история этого концепта, отраженная во втором значении данного слова (когда-то оно было первым), свидетельствует о неметафорическом исходном смысле этого концепта для заключенных.

Ко второму типу рассматриваемых единиц можно отнести нулевые, или пустые концепты. Они проявляются как английские варваризмы, используемые в речи на русском языке вместо русских

слов без смысловой дифференциации. Например, *фейсом об тейбл*, игровое замещение русских слов *лицо* и *стол*. Такие концепты проявляются в речи людей, часто говорящих по-английски – преподавателей английского языка, эмигрантов, переехавших в США и Канаду, студентов и школьников, изучающих английский. Весьма часто люди, использующие макаронический стиль смешения языков, оставляют английские корни слов и добавляют русские аффиксы, тонко дифференцирующие отношение к предметам: *чилдренята* – *children*, *виндовочка* – *window*, *заспикать* – *speak*.

В оценочном плане это паразитарные концепты, к ним относятся те мыслительные образования, которые обозначаются английскими словами с целью сделать вид, что рекламируемые явления, для которых в русском языке есть свои обозначения, имеют нечто особое, отличающееся от наших обычных предметов, явлений, событий. Типичным примером являются магазины «Сэконд хэнд» – *second hand* – товары, бывшие в употреблении. Впрочем, определенное сужение значения этого словосочетания имеет место – в этих магазинах продается только бывшая в употреблении одежда (точнее, одежда на вес) в отличие от наших комиссионных магазинов.

В аэропортах функционируют службы безопасности, осуществляющие досмотр багажа пассажиров. У меня остался в качестве курьезного сувенира посадочный талон, выданный в одном из российских аэропортов, на нем стоит штамп: ЗАО «Ист лайн авиэйшн секьюрити». Этот текст явно предназначен для российских авиапассажиров, иначе бы можно было дать английские слова в их латинском написании. Предполагается, по-видимому, также, что адресаты данного текста должны знать значения соответствующих слов. Почему закрытое акционерное общество «Служба безопасности восточных авиалиний» использует для самоназвания английские слова в их русской транслитерации? Дополнительный общеоценочный смысл, который вкладывается в название службы безопасности, состоит, на мой взгляд, в том, что эта служба во всех отношениях якобы похожа на соответствующие службы в англоязычном мире, т.е. отличается эффективностью, вежливостью и другими характеристиками, традиционно приписываемыми таким ведомствам. Паразитарные концепты сходны с нулевыми, но отличаются от последних претензией на дополнительный смысл.

Третий тип составляют чужие частнооценочные концепты, т.е. чужие концепты в полном смысле слова, фиксирующие ценности иной культуры. Эти концепты выделяют те смысловые объек-

ты, которых в нашей культуре нет, и в этом отношении имеется определенное сходство между квазиконцептами и чужими концептами. Например, в экономике и политике возникла необходимость выделить и обозначить такие явления, как *спонсор*, *менеджер*, *дилер*, *импичмент*. Так, спонсор – это физическое или юридическое лицо, оказывающее финансовую поддержку кому-либо в обмен на рекламу своей деятельности, продукции и т.п. (БТС). Оказание финансовой поддержки чужому человеку или группе людей подразумевает, что те, кому оказывается такая поддержка, зависят от спонсора. Такая зависимость отличается от отношений между работодателем и работником: спонсор оказывает благодеяние, а работодатель действует на основе экономических интересов. Вместе с тем благодеяние спонсора не является бескорыстным, и здесь возникает противоречие между концептами «бесплатное и бескорыстное – бесплатное и небескорыстное благодеяние». Эти концепты находят воплощение в целом ряде слов, например, *подарок* и *презент*, *меценат* и *спонсор*. В русской лингвокультуре скрываемые корыстные отношения осуждаются, не случайно слово *спонсор* часто эвфемистически используется для обозначения богатого содержателя женщины. Тем не менее активное использование слова *спонсор* на телевидении с положительной коннотацией внедряет в языковое сознание идею о том, что оказание финансовой поддержки в обмен на рекламу есть благо. Обратим внимание на то, что в отличие от мецената, оказывающего бескорыстную помощь искусству и науке, спонсор может направить свои финансовые средства не только в эти области.

У слов, выражающих эти концепты, нет прямых коррелятов в русском языке. С чисто языковой стороны дела, можно спорить о том, насколько эти слова соответствуют фонетическим нормам русского языка. На мой взгляд, английские заимствования на латинской основе легче вписываются в систему русского словаря, в то время как выражения типа *ноу-хау* – *know how* – совокупность технических знаний, навыков, коммерческих тайн и т.п., необходимых для производства и реализации какой-либо продукции (БТС) – отторгаются русской фонетической и морфологической системами. Аналогично в русском языке с трудом приживаются и заимствования из китайского языка.

Главное отличие чужих концептов – это установление ценностных отношений, свойственных иной, в нашем случае английской либо американской, культуре. Эти отношения, нормы поведения могут быть выражены в чистом виде, например, в английском сло-

be fair – free from injustice, dishonesty, or self-interest (LDELC), fair play – playing according to the rules of a game (LDELC). Идея честной игры как игры по правилам выдвигает на передний план важность договоренности и соблюдения этой договоренности. Этот концепт не имеет языкового выражения в русском языке, мы знаем, что в состязании возможны ситуации, когда победа достигается с помощью хитрости, а хитрость и честность в русском коллективном сознании несовместимы. И в немецкой лингвокультуре такой концепт отсутствует, по-немецки говорят в таком случае, используя немецкий отрицательный аффикс: *Das ist unfair*. Соответственно словосочетание *честный бизнес* в русской лингвокультуре воспринимается как оксюморон. Русский концепт честности связан со справедливостью, имеющей универсальную значимость. «Противопоставление справедливости и законности, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно» [Левонтина, Шмелев, 2000, с. 281]. В русском языковом сознании справедливость – это высшая справедливость, моральная, а не юридически закреплённая норма. В основе юридических норм, несомненно, лежат нормы нравственности, но, во-первых, лишь часть моральных норм закрепляется в юридических кодексах, во-вторых, юридические кодексы могут содержать нормы, противоречащие интуитивно понимаемым законам высшей справедливости, в-третьих, не все моральные нормы вербализуются, а юридические нормы вербализованы всегда, и их интерпретация может казуистически поменять добро и зло. Таким образом, концепт 'закон' в его юридической англоязычной формулировке (*law – a rule enacted or customary in a community and recognized as enjoining or prohibiting certain actions and enforced by the imposition of penalties* (COD)) содержит ассоциации, чуждые носителям русской культуры.

Понятие *fair play* является одним из ключевых в английской национальной ментальности, отмечает М.В. Цветкова [Цветкова, 2001, с. 87]. Культурогенный потенциал этого концепта в английской лингвокультуре выражается в том, что «игра по правилам» подчеркивает роль спорта в жизни джентльмена, важность соблюдения спортивной этики, неизбежность устного джентльменского соглашения, подведение идеи честной игры под требования здравого смысла, соблюдение равновесия и ответственность сильного за слабого, а также благотворительность (*charity*). Соглашаясь с принципом органической взаимосвязи ценностных характеристик перечисленных концептов, я хотел бы подчеркнуть, что нормы

джентльменского поведения очень красивы, они являются логическим развитием норм рыцарского поведения, но отличаются тем же самым ограничением, какое свойственно рыцарскому кодексу: эти нормы распространяются только на своих, только на тех, кто попадает априори под понятие «джентльмен». По отношению к простолюдинам, слугам и туземцам джентльмены могли себя вести (и вели) иначе.

Другим примером ценностного концепта, доминантного в поведении современной российской молодежи, является ментальное образование, выражаемое прежде всего словом *крутой*. Это слово не совсем точно определяется в словаре как «(жарг.) чрезвычайный, крайний в проявлениях своих свойств, качеств, взглядов и т.п. (БТС)». Данная дефиниция определяет расширительное значение этого слова, которое в его исходном жаргонном смысле соответствует спектру значений английского прилагательного *tough*:

- 1) hard to break, cut, tear, or chew; durable; strong.
- 2) (of a person) able to endure hardship; hardy.
- 3) unyielding, stubborn, difficult (it was a tough job; a tough customer).
- 4) *colloq.* a acting sternly; hard (get tough with). b (of circumstances, luck, etc.) severe, unpleasant, hard, unjust.
- 5) *colloq.* criminal or violent (tough guys) (COD).

В переводе этого слова на русский язык фигурируют признаки «крепкий; плотный; прочный; выносливый; жесткий; упрямый; несговорчивый». Человек, характеризующийся этим словом, соответствует образу супермена из фильма-боевика: он не сдается, презирует препятствия, проявляет максимальное упорство в достижении цели, сурово и надменно смотрит на противников, т.е. является образцом мужественного самоконтроля, как популярные киногерои Рэмбо или Джеймс Бонд, или Терминатор. При этом в его поведении нет героизма, решимости помочь другим, жертвенности, открытого проявления своих чувств, но есть спортивный азарт, состязание с противником – людьми или стихией. Не случайно его действия находятся по ту сторону добра и зла, логика поведения такого супермена неизбежно ведет его к преступлениям. Восхищение тем, кто является потенциальным преступником, внутреннее оправдание такого человека – классического пирата или вершителя судеб на «диком» Западе – совпало с общей криминализацией современной жизни в России. У рассматриваемого концепта есть выражение, еще не освоенное русской лингвокультурой и проявляемое в английском слове *cool* – *calmly audacious*

(*a cool customer*) (COD), сочетание дерзости, т.е. готовности нарушить запреты, и спокойствия, т.е. эмоционального самоконтроля. Другая точка зрения по поводу развития концепта, выражаемого словом *крутой*, приводится В.Н. Шапошниковым [Шапошников, 1998, с. 217–219]. Автор полагает, что о заимствовании концепта здесь говорить неправомерно, эти концепты в сравниваемых языках развивались параллельно.

В русском языке появилось слово *киллер* – наемный убийца. В английском языке в содержании понятия «убийство» – *murder* – наличествует ряд юридически значимых признаков (незаконное умышленное убийство человека), соответственно, принципиально различаются *killer* и *murderer*, в первом случае речь может идти о случайном убийстве, во втором – только о преступлении. В заимствованном слове *киллер* закодирован своеобразный иммунитет против моральной оценки: это работа, выполняемая за плату. В русском блатном жаргоне существует достаточно дробная дифференциация специальностей преступников: *медвежатники* вскрывают сейфы, *малинники* грабят учреждения или заведения, но не квартиры (на квартирах специализируются *домушники*), «*скрипачи*» совершают кражи из женских сумочек и т.д., но специальное обозначение для наемного убийцы взято из английского, хотя ресурсы русского языка бездонны. Можно понять причину английского заимствования *баблгаммиг* – нелегальный торговец жевательной резинкой, получаемой от иностранцев в 60–80-е годы, поскольку сам предмет (*bubble-gum*) отсутствовал в СССР. Что же касается слова *киллер*, то оно апеллирует к новому концепту в коллективном языковом сознании современной России.

Весьма интересен получивший широкое распространение новый чужой концепт – *пиар*, транслитерируемый как *наблик рилейнз*. *Public relations – the professional maintenance of a favourable public image, esp. by a company, famous person, etc.* (COD). Профессионально организуемое поддержание благоприятного общественного имиджа компании либо известного человека нарушает сложившиеся в нашем обществе стереотипы поведения. Имидж – это знаковый заменитель, отражающий основные черты сложного и углубленного портрета человека [Почепцов, 2000, с. 12]. Пиарщики через средства массовой информации подчеркивают определенные детали поведения освещаемых людей с целью выработки у населения устойчивых навыков восприятия соответствующих людей. Искренняя улыбка лидера, его рукопожатия с простыми людьми, его озабоченное лицо во время встречи с посетителями,

пришедшими к нему со своими проблемами, эти и другие регулярно повторяемые видеокadres формируют у зрителей доверие к соответствующему деятелю как политическому знаку. Такими способами работники средств массовой информации пользовались всегда, в любую эпоху. В наше время высокая степень формальности в демонстрации хорошего отношения нарушает традиционную меру искренности в общении. Степень эмоциональной вовлеченности в традиционном русском общении является более высокой, чем в англоязычных странах, где принято контролировать свои эмоции. Эмоциональный самоконтроль ассоциируется с недостаточной искренностью. Принесение искренности в жертву успешности общения и поддержания приятного коммуникативного климата меняет фундаментальные ценностные доминанты в общении. Критическое отношение к этому новому концепту допустимой фальши в чувствах мы видим в следующем анекдоте:

Отец приходит домой: «Вот тебе, сынок, мороженое». – «Папа, ты это на самом деле или это пиар?»

Не следует думать, однако, что новые концепты, импортируемые из английской и американской лингвокультуры, представляют собой только негативные ценности, антиценности. Заслуживает внимания новый концепт, активно внедряющийся в современное сознание жителей России, – приватность (privacy). В исследовании О.Г. Прохвачевой отмечается, что «приватность как осознание человеком своей личной сферы в противоположность общественной является культурным концептом, моделируемым в качестве обобщенной ситуации, участники которой стремятся сохранить от несанкционированного вторжения свое личное пространство» [Прохвачева, 2000, с. 3]. Приватность – это одна из сторон суверенитета личности. Экспериментальное изучение этого концепта, по данным социолингвистического анкетирования, позволило выявить список тем, табуированных в американской лингвокультуре (интимные и личные взаимоотношения, деньги, политика, вредные привычки, здоровье, религия, этническая принадлежность). Эти темы квалифицируются как невозможные при общении с незнакомыми людьми. Респонденты, как показало исследование, считают оскорбительным распространять личную информацию о других людях, а также не соблюдать нормы проксемного поведения – прикасаться к чужому человеку, использовать его посуду, дышать ему в лицо. В русской лингвокультуре вопросы типа «Сколько вы зарабатываете?», «За кого Вы голосовали?», «Верующий ли Вы человек?»

обычно не вызывают протеста со стороны адресата, но ситуация последнее время меняется.

Можно выделить такие концепты, которые на данном этапе межкультурного общения еще не внедрились в систему ценностей нашего общества. К числу таких концептов относится, на мой взгляд, диффамация – распространение сведений, порочащих кого-либо (БТС). Дефиниции в Большом толковом словаре русского языка и в Англо-русском юридическом словаре (*defamation* – *клевета*) не совсем полно раскрывают значение этого слова и, соответственно, стоящий за этим словом концепт. Обратимся к английской энциклопедии: *Defamation, the act of damaging the reputation of another by means of false and calumnious communications that expose that person to contempt, ridicule, hatred, or social ostracism. In the common law, defamation in writing is classified as libel, and oral defamation as slander* (Encarta). Диффамация – это нанесение ущерба репутации кого-либо путем ложных или клеветнических высказываний, характеризующих этого человека как заслуживающего презрения, насмешки, ненависти или остракизма (изгнания из общества). В британском и американском праве разграничивается письменная и устная клевета (распространение заведомо ложных обвинений, позорящих кого-либо). В юридической практике клевета – это приписывание кому-либо противозаконного действия, и в этом состоит отличие клеветы от оскорбления, т.е. нанесения обиды, унижения, несправедливого, незаслуженного причинения огорчения. Клевета – это приписывание кому-либо определенного факта (*Он украл у меня часы*), оскорбление – оценочная нефактуальная квалификация (*Он – вор*). К судебной ответственности человек может быть привлечен только по факту совершения противоправного действия. В американском праве письменная клевета (*libel*) обычно касается известных лиц и организаций, ответчиками, как правило, выступают средства массовой информации, потерпевшая сторона определяет моральный и материальный ущерб и требует его компенсации. Устная клевета (*slander*) касается трех основных сфер: обвинения в совершении преступления, распространения ложной информации о том, что кто-либо страдает опасной для общества болезнью, либо распространения ложных сведений, наносящих вред индивидууму в его профессиональной деятельности – *Statements considered slanderous include those that impute the commission of a felony, that impute an individual to be suffering from an offensive disease, or that are injurious to an individual in his or her trade or profession* (Encarta).

Сравним эти нормы с нормами, зафиксированными в Уголовном кодексе Российской Федерации (1996):

Статья 129. Клевета

1. Клевета, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, –

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, –

наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

3. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, –

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Статья 130. Оскорбление

1. Оскорбление, т.е. унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, –

наказывается штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок до ста двадцати часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, –

наказывается штрафом в размере до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев, либо обяза-

тельными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Можно отметить значительное сходство в диспозиционной части статей, касающихся преступлений против свободы, чести и достоинства личности в современной России и США. Однако в приведенных выше текстах англоязычного права та часть закона, в которой сформулированы основные признаки преступления, является более детальной. Конкретные характеристики клеветы, зафиксированные в диспозициях соответствующих англоязычных правовых документов, дают индивидууму возможность более успешно отстаивать свои права. Следует отметить, что степень абстрактности или конкретности юридических норм – величина относительная, есть определенная традиция, есть комментарии к нормам закона, есть и здравый смысл, который позволяет юристам в конкретных ситуациях интерпретировать закон определенным образом. Лингвистически релевантной при сопоставлении рассматриваемых юридических норм является зависимость языка юриспруденции от языка повседневного общения. Специфика английской лексики, состоящая в значительном числе разнокорневых обозначений близких сущностей, приводит к необходимости смыслового уточнения этих обозначений и выделению тех отличительных признаков, которые в специальном дискурсе приобретают терминологический характер и ведут к определенным действиям посредством слова, к действиям в сфере культуры, оказывающим влияние на формирование национально-специфической ценностной картины мира.

Внедрение концепта диффамации в русскую лингвокультуру позволит изменить существующее положение вещей, при котором «важнейшие отличия обиходного представления концепта “закон” в английском языковом сознании заключаются в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании – как предела, ограничителя свободы» [Палашевская, 2001, с. 3].

В содержательном плане концепты можно разделить на ментальные оценочные репрезентации предметов, действий, событий и качеств. Имеется в виду не опора на соответствующие языковые единицы (существительные, глаголы и прилагательные), а когнитивно-оценочная характеристика определенных представлений, закрепленных в нашем сознании. Например, действия – это стереотипы речевого и неречевого поведения. Иллюстрацией может послужить восклицание: «*Я сделал это!*» – буквальный перевод с английского «*I did it!*». Правы те, кто считает, что в русском языке

такая фраза ассоциируется с определенным эвфемизмом, прикрывающим спектр вульгарных ассоциаций [Горбаневский и др., 1999, с. 200]. Концепты-качества в наибольшей степени выражают оценочные признаки, и поэтому их роль в перестройке всей концептуальной системы той или иной культуры является ведущей. Именно концепты-качества осмысливаются как понятия в различных областях знания, хотя качественные характеристики можно вывести и при анализе предметных и событийных концептов. Концепты-качества составляют смысловое ядро картины мира и ценностной системы определенного человеческого сообщества. В этом смысловом ядре можно установить культурные доминанты, т.е. концепты особого порядка, культурогенные концепты. С точки зрения лингвокультурологии эти концепты и определяют идентичность социальной группы или народа в целом.

Отношение носителей культуры к концептам в оценочном плане распадается на осознание и неосознание, а в случае осознания – на одобрение, безразличие и неприятие. С позиций сохранения своей идентичности, естественным следует признать то состояние, когда чужие концепты в большей степени вызывают неприятие и безразличие, чем одобрение. Неприятие чужих концептов может выражаться широким спектром отношений – активное противоборство, высмеивание, мягкий юмор, игнорирование.

Примером активного противоборства с чужим концептом может послужить история столкновения концептов «интернационализм – космополитизм», тождественных по своей сути, но принципиально отличающихся по признаку «свой – чужой», так же как противопоставляются понятия «разведчик» и «шпион». Детальная характеристика государственного директивного неприятия концепта «космополитизм» приводится Ю.С. Степановым [Степанов, 1997, с. 487–493]. На мой взгляд, отношение к английским и американским концептам в современной русской культуре не является враждебным (наверное, о враждебном отношении можно говорить только в условиях войны, в том числе и холодной войны; во время Великой отечественной войны в советской публицистике слово *Орднунг* использовалось как резко отрицательная характеристика понятия «немецкий порядок» в ассоциативном ряду с понятиями «оккупация», «насилие», «враг»). По отношению к английским и американским концептам мы сталкиваемся сегодня с мягкой критикой в форме анекдотов, шуток, пародий, причем часто высмеиваются не сами концепты, а неуместное заимствование, пустые и паразитарные концепты.

Примеры языковой игры: «*Леди с дилижанса – пони легче*» (на фоне поговорки «*Баба с возу – кобыле легче*»). Интересны случаи межъязыковых каламбуров: «*Наш последний и решительный бой*» – ироническая характеристика молодого человека, обыгрывание известного прецедентного текста. Иронически обыгрывается речеповеденческая формула: «*Это ваши проблемы*» – «*It's your problem*» – эвфемистическое выражение отрицательного ответа на прямую или косвенную просьбу о помощи.

В журналистике обыгрывание заимствований представлено наиболее ярко. Необычное слово экспрессивно, оно привлекает внимание читателя или слушателя, и поэтому поиск таких выражений становится одним из приоритетов у тех, кто формирует общественное мнение через средства массовой информации. Под заголовком «Саддамит» была опубликована информация о встрече вице-президента Ирака с руководителями России. Имя иракского президента Саддама Хусейна оказалось телескопически вмонтированным в слово *саммит* – встреча на высшем уровне. Английское *summit* – 1) *the highest point or part of a mountain or hill*; 2) *the highest possible degree or state; peak or climax*; 3) *a meeting of heads of governments or other high officials* (Collins) – уже не воспринимается как необычное и требует экспрессивного расцветивания. Заметим, что в приведенном примере возникает еще одна фонетическая ассоциация – содомит.

Статья, посвященная распространению религии через Интернет, названа «*Интернет акбар!*». Прецедентная фраза в мусульманском каноне «*Аллах акбар!*» – «*Велик Аллах!*» – вызывает в современной России не самые лучшие ассоциации в связи с тем, что войны в Афганистане и Чечне сформировали у многих жителей нашей страны настороженное отношение к этой религии. Известно, что арабские террористы с этим возгласом осуществляют взрывы. Столкновение приведенных заимствований в заголовке пародирует тональность мусульманского вероучения и тем самым противоречит не только нормам политкорректности и религиозной толерантности, но и здравому смыслу в стране, где мусульмане составляют вторую по численности конфессиональную группу.

Примером пародирования неуместных англоязычных заимствований является ироническое стихотворение Александра Левина «В зеркале прессы»:

*В огромном супермаркере Борису Нелокаичу
показывали вайзоры, кондомеры, гарпункели,
потрясные блин-глюкены, отличные фуфлоеры,
а также джинсы с тоником, хай-фай и почечуй.
Показывали блееры, вылазеры и плюеры,
сосисэджи, сарделинги, потаты и моркоуфели,
пластмассерные блюдинги, рисованные гномиксы,
хухоумы, мумаузы, пятьсот сортов яиц.
Борису Нелокаичу показывали мойкеры,
ухватистые шайкеры, захватистые дюдеры,
компотеры, плей-бодеры, люлякеры-кебаберы,
горячие собакеры, холодный банкен-бир.
Показывали разные девайсы и бутлегеры,
кинсайзы, голопоптеры, невспейпоры и прочее.
И Борис Нелокаевич поклялся, что на родине
такой же цукермаркетер народу возведет!*

(Даугава, 1990, № 10. С. 26)

Этот текст достаточно прост по содержанию: президенту России во время его визита на Запад демонстрируют изобилие различных товаров в универсальном магазине. В координативном ряду фигурируют 33 вида продуктов, многие из которых перечисляются без определений, при этом сами объекты обозначены как англоязычные заимствования либо варваризмы. Комический эффект возникает за счет следующих моментов: 1) наименования объектов соотносятся с разговорной и сниженной русской лексикой, хотя фонетически вроде бы вписываются в звучание английских слов (*блин-глюкен* – сочетание эвфемистически-вульгарного междометия и видоизмененного жаргонного слова, обозначающего наркотические галлюцинации либо – у компьютерщиков – необъяснимые явления; *фуфлоеры*, *мойкеры*, *шайкеры* и др. – русские корни жаргонных либо обыденных слов соединяются с агентивным продуктивным суффиксом; 2) в тексте дана транслитерация английских слов русскими буквами (*вайзоры*, *кинсайзы*, *девайсы* и *бутлегеры* – но в одном ряду идут слова, по-английски означающие товары, – прозрачные козырьки, сигареты определенного стандарта, всякие устройства – и самогонщики), при этом известное многим слово *газета* – *newspaper* – приводится с намеренным сильным искажением произношения; 3) возникает наложение искаженного английского и совершенно иного по значению русского слова – *helicopter* и *голопоптер*, *компотеры* – *компот* и

компьютер, *play board* и *плейбой*, отметим, что для многих, говорящих по-русски, последнее слово ассоциируется не с богатым молодым прожигателем жизни, а с фривольным журналом; 4) дается смешной обратный перевод бутерброда – *hot dog* – «горячие собачеры»; пива в банке – «*банкен-бир*», в последнем случае возникает ассоциация с немецким языком; 5) мы встречаемся в тексте с авторскими новообразованиями-псевдословами *гарпункели*, *хухоумы*, *мумаузы*, эти слова фоносемантически ассоциируются со смешными предметами; 6) в одном ряду идут слова *хай-фай* – *hi-fi* – *high fidelity* (обычно об аудиотехнике высокого качества) и *почечуй* – русское устаревшее народное название геморроя; 7) доводящая до абсурда гиперболизация «*пятьсот сортов яиц*», а также бессмысленное сочетание «*джинсы с тоником*». Слово *супермаркет* дважды дается искаженно: в первом случае заменяется суффикс, во втором – вместо компонента *супер* мы видим *цукер*, по-немецки *sachar*. Наконец, имя действующего лица приводится в предпоследней строке (в соответствии с ритмом) с ударением на первом слоге, именно так произносят это имя англичане и американцы. В этом стихотворении в игровой форме критикуется как неуместное и безграмотное заимствование слов и концептов в русский язык из английского, так и отсутствие вкуса у журналистов, которые искажают факты (название этого стихотворения «В зеркале прессы»), метафора кривого зеркала многократно подчеркивается искажениями слов.

Таким образом, вовсе не все случаи заимствований английских слов и выражений свидетельствуют о заимствовании связанных с этими словами концептов, существуют паразитарные по отношению к родному языку концепты, они имеют общеоценочный характер и объясняются сегодняшней языковой модой, и, наконец, выделяются чужие концепты, апеллирующие к иной системе ценностей, такие концепты имеют частнооценочный характер. Отношение в современном коллективном русском языковом сознании к чужим концептам, импортируемым из американской и английской лингвокультур, не является отрицательным, критически оценивается отсутствие меры в заимствованиях предметных концептов. Проанализированный материал свидетельствует о том, что правы те филологи, которые считают, что нет оснований для панических прогнозов относительно угрозы существованию русского языка [Литвин, 1998, с. 115]. Л.П. Крысин справедливо считает, что активизация заимствований избирательна: «На самом деле надо говорить об известной распределенности иноязычных слов – по

функциональным стилям и речевым жанрам» [Крысин, 2000, с. 158]. Вместе с тем языковые эксперты, в роли которых выступают писатели, публицисты, учителя и, разумеется, ученые-филологи, должны привлекать внимание общественности к фактам, свидетельствующим о недостатках вкуса, образования и воспитанности у тех, кто не осознает ценности слова.

Резюмирую

Можно выделить основные типы ментальных образований, импортируемых из англоязычной культуры в русское языковое сознание: оценочно-нейтральные, общеоценочные и частнооценочные концепты. Первые характеризуют явления, предметы и качества, которые возникли в англоязычном мире и освоены в России, эти заимствования образуют абсолютное большинство импортируемых концептов. Вторые представляют собой паразитарные смысловые образования, не меняющие ценностных ориентиров в коллективном сознании, их лексические обозначения часто используются с игровой целью либо для построения имиджа людей, которые не отстают от моды. Третьи вносят существенные изменения в ценностную картину мира нашего общества, являясь проводниками культурной глобализации – ключевых норм поведения, принятых в современной американской лингвокультуре и транслируемых в планетарном масштабе. Частнооценочные заимствования в количественном отношении невелики, но их значимость состоит в их акцентированном влиянии на мировоззрение наших современников.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке // *Жанры речи*. – Саратов: Наука, 2012. – Вып. 5: Жанр и культура. – С. 345–351.
- Брейтер М.А.* Англицизмы в русском языке : история и перспективы. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 156 с.
- Буряковская В.А.* Иноязычная лексика как стилистическая черта языка массмедиа // *Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф.* – М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. – С. 105–108.

- Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком : о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. – М. : Галерея, 1999. – 216 с.
- Дьяконова Г.Р. Англоязычное освоение лингвокультурных реалий русского языка: учеб. пособие. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2007. – 143 с.
- Казкенова А.К. Онтология заимствованного слова : монография. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 247 с.
- Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 136–143.
- Котлярова О.В. Динамичность семантики заимствованных слов в русском языке // Горизонты современной русистики : сборник статей Междунар. науч. конф., посв. 90-летию юбилею академика В.Г. Костомарова (30–31 января 2020 г.). – М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 386–395.
- Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Школа «Языки русской культуры», 2000. – С. 142–161.
- Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. За справедливостью пустой // Логический анализ языка: Языки этики. – М. : Школа «Языки русской культуры», 2000. – С. 281–292.
- Литвин Ф.А. Почему шум? (Действительно ли русский язык нуждается сегодня в срочных мерах по спасению) // Язык и коммуникация: изучение и обучение. – Орел : ОГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 114–120.
- Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка : учебное пособие. – 2-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 292 с.
- Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 24 с.
- Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М. : Рефл-бук : Ваклер, 2000. – 768 с.
- Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 24 с.
- Сиротинина О.Б. Система, узус и риски их изменения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 7–12.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Цветкова М.В. Концепт «fair play» в английской национальной ментальности // Филология и культура : Материалы 3-й междунар. конф. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Ч. 2. – С. 87–90.
- Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. – М. : МАЛПИ, 1998. – 243 с.

М.Б. Раренко¹

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В АНГЛИЙСКИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются русско-английские языковые контакты, начиная с XII в., в ходе которых происходили заимствования не только из английского языка в русский, но из русского языка в английский. Выделяют пять исторических периодов, в которые русские лексические единицы особенно активно заимствовались в английский язык. Отмечается, что русские слова могли проникать в английский язык не обязательно непосредственно через контакты с русскими, а через западноевропейские языки.

Ключевые слова: русский язык; английский язык; языковые контакты; заимствование; русский язык как иностранный; русский язык в Англии; русизмы; изучение русского языка в Соединенном Королевстве.

¹ **Раренко Мария Борисовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; e-mail: rarenco@rambler.ru

**RUSSIAN-ENGLISH LANGUAGE CONTACTS:
ON THE QUESTION OF BORROWINGS
FROM RUSSIAN INTO ENGLISH**

Abstract. Russian-English language contacts starting from the XII th century are considered in the article, during which there were borrowings not only from English into Russian, but from Russian into English. There are five historical periods in which Russian lexical units were especially actively borrowed into the English language. Russian words entered the English language not necessarily directly through contacts with Russians, but through Western European languages as well.

Keywords: the Russian language; the Russian culture; the Russian literature; the English language; language contacts; borrowings; Russian as a foreign language; the Russian language in England; the Russian borrowings; learning Russian in the United Kingdom.

Сегодня, в век глобализации, исследования многих ученых сосредоточены на роли английского языка как глобального в современном мире, его экспансии, влиянии (чаще всего негативном) на другие языки – как коммуникативно мощные, так и малые. Русскому языку, занимающему, тем не менее, важное место на языковой карте мира, не всегда уделяется должное внимание. Однако стоит иметь в виду, что русский язык оказывал и оказывает весьма существенное влияние, в том числе, и на английский язык. Русско-английские контакты имеют многовековую историю. Первые торговые контакты между Англией и Россией относятся к XII в., в это время они носили по преимуществу спорадический характер. Известно, что к XVI в. между Англией и Московским государством установились уже довольно регулярные как торгово-экономические, так и политические связи, которые в последующие столетия укреплялись.

Проблема русских заимствований в английском языке в разной степени была затронута в работах по преимуществу отечественных исследователей (см., например [Секирин, 1964; Каримова, 2013; Смирнова, 2014]). В истории русских заимствований в английский язык можно выделить пять периодов. К первому периоду

* **Maria B. Rarenko**, Candidate of Philology (PhD), Senior Research Fellow the Centre for Linguistics Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: rarenco@rambler.ru

относят заимствования из древнерусского языка эпохи Киевской Руси в древне- и отчасти среднеанглийский язык. Второй период влияния на английский язык со стороны русского наблюдается с середины XVI по середину XIX в., третий – с середины XIX в. до 1917 г. К четвертому периоду следует отнести русские заимствования с 1917 г. по конец XX в., т.е. советской эпохи. Наконец, к пятому периоду относятся новейшие заимствования конца XX – начала XXI в.

Первые торговые контакты между Россией и Англией в языковом отношении привели к заимствованию в английский язык отдельных слов, по преимуществу существительных, имеющих старославянское происхождение. Некоторые из этих заимствований функционируют в английском языке до сих пор. Например, англ. *surc*, *serc* «рубаха», «панцирь» происходит от общеславянского *sork* (русск. «сорочка»). Русские слова могли проникать в английский язык не обязательно непосредственно через контакты с русскими, а через западноевропейские языки. Так, в английский язык лексическая единица *torg* в значении «площадь» (чаще рыночная) попала из древнешведского, изначально заимствованная древнешведским из древнерусского «торгъ» (в общеславянском *trъgъ*).

Во второй половине XVI в. экономические и политические контакты между Россией и Англией носили в основном прямой (не опосредованный) характер, поэтому лексические единицы чаще заимствовались «напрямую», без языков-посредников. В это время и в последующий XVII в. между странами активно шла торговля лесом, необходимым Англии для кораблестроения. К заимствованиям XVI в. относятся такие единицы, как: *cossack* (русск. «казак»), *pud* (русск. «пуд»), *shuba* (русск. «шуба»), *telega* (русск. «телега»), *thetvert* (русск. «четверть»), *beluga* (русск. «белуга»), *sterlet* (русск. «стерлядь»). К самым известным заимствованиям XVII в. относятся *kremlin* (русск. «кремль», «крепость»), *steppe* (русск. «степь»), *knout* (русск. «кнут»), XVIII–XIX – *raskolnik* (русск. «раскольник»), *kibitka* (русск. «кибитка»), *barometz* (русск. «баранец»), *borzoi* (русск. «борзой»), *ukaze* (русск. «указы»), *samovar* (русск. «самовар»). Как видно из приведенных заимствований, для второго периода русских заимствований характерны единицы, характеризующие разные стороны жизни русскоязычного населения. Помимо непосредственных контактов, источниками заимствований могли служить переводы художественных произведений (в частности, русских романов) на английский язык, а также статьи о России, опубликованные в английских газетах и журналах XIX в.

Эти заимствования относились, как правило, к социально-политической сфере: так, слово *nihilist* (русск. «нигилист») было заимствовано в английский язык из романа И.А. Тургенева «Отцы и дети», а слова *decembrists* (русск. «декабристы») и *zemstvo* (русск. «земство») попали в английский язык из газетных и журнальных статей.

Третий период русских заимствований в английский язык характеризуется повышенным интересом к общественно-политическим, культурным и научным событиям в России, в связи с чем слова именно этой тематической группы осваиваются английским языком в это время. К ним относятся: *narodnik* (русск. «народник»), *intelligentsia* (русск. «интеллигенция»), *peredvijniki* (русск. «передвижники»), *peredvijnay exhibition* (русск. «передвижная выставка»), *Periodic law* (русск. «Периодический закон»), *chernozem* (русск. «чернозем») и др.

Таким образом, к началу четвертого периода русских заимствований в английский язык все вошедшие в оборот английского языка русизмы можно объединить в несколько тематических групп: 1) меры длины и веса: *arshin* (русск. «аршин»), *sagene* (русск. «сажень»), *verst* (русск. «верста»), *pood (pud)* (русск. «пуд»), 2) денежные единицы: *copesk* (русск. «копейка»), *ruble (rouble)* (русск. «рубль»); 3) средства передвижения: *tarantass* (русск. «тарантас»), *droshki* (русск. «дрожки»), *kibitka* (русск. «кибитка»), *troika* (русск. «тройка»), 4) природные зоны: *taiga* (русск. «тайга»), *tundra* (русск. «тундра»), *steppe* (русск. «степь»); 5) животный мир: *mamoth* (русск. «мамонт»), *beluga* (русск. «белуга»), *morse* (русск. «морж»), *suslik* (русск. «суслик»), 6) сословия: *czar (tsar)* (русск. «царь»), *tsarina* (русск. «царица»), *tsarevich* (русск. «царевич»), *boyar* (русск. «бояр»), *voivoda* (русск. «воевода»), *muzhik* (русск. «мужик»), 7) администрирование и управление: *uyezd* (русск. «уезд»), *volost* (русск. «волость»), *дума* (русск. «дума»), *ukas* (русск. «указ»), *zemstvo* (русск. «земство»), 8) предметы быта: *sarafan* (русск. «сарафан») (в русский язык это слово попало из тюркских языков), *kvass* (русск. «квас»), *vodka* (русск. «водка»), *balalaika* (русск. «балалайка»), *makhorka* (русск. «махорка») и пр.

Как можно видеть даже из этого небольшого списка, большинство русских заимствований не вошли в активный словарный состав английского языка, являясь терминологическими понятиями. Однако некоторые из них укоренились (например, *mammoth* (русск. «мамонт»)) и даже приобрели в современном английском языке новые значения. Так, существительное *sable* (русск. «со-

боль») сегодня обозначает не только зверька, мех которого очень ценится во всем мире, и является обозначением его меха («соболиный мех»), но и насыщенный черный цвет, вследствие чего в современном английском языке существительное *sable* используется также в значении «траурное платье» или «траурное одеяние».

Также можно заметить, что при заимствовании иногда происходит небольшое изменение формы. Так, русское существительное «боярин» вошло в английский язык, утратив формант «-ин», а существительное «баранец» было заимствовано как *barometz*.

В послереволюционный период почти все заимствованные в английский язык русизмы представляют собой лексические единицы, отражающие изменение в политическом устройстве страны. Нередко сами заимствованные слова в своем составе имеют неисконные словообразовательные морфемы: ленинизм, социалист, коммунизм и пр. Поскольку советизмы в своем подавляющем большинстве представляют собой новообразования, любопытным фактом, на наш взгляд, является то, что, едва появившись в русском языке, они сразу же входят в активную лексику английского и других европейских языков, становясь интернациональной лексикой и иногда подвергаясь переосмыслению. Так, русское существительное «комсомол» заимствуется в английский язык в двух формах – *komsomol* и *young communist league* (ср. комсомол = коммунистический союз молодежи); «колхоз» чаще всего транскрибируется как *kolkhoz*, однако иногда встречается в форме пояснительного словосочетания *soviet farm* (букв. «советская ферма»). Часть советизмов, активно использовавшихся в прессе, характеризующая политические события в послереволюционной России, такие как *NEP* (русск. «НЭП»), *rabfac* (русск. «рабфак»), *Council of People's Commissars* (русск. «Совет народных комиссаров»), современными носителями английского языка не опознаются, другие, например *Red Army* (русск. «Красная Армия»), по-прежнему ассоциируются с Россией.

Во второй половине XX в. русские заимствованные лексические единицы отражали веяния в культуре, науке, технике, сельском хозяйстве: *tzelina* (русск. «целина»), и, конечно, в освоении космоса: *cosmonaut* (русск. «космонавт»), *space ship* (русск. «космический корабль»), *sputnik* (русск. «спутник»), *lunokhod* (русск. «луноход»), *cosmodrome* (русск. «космодром»). Имена некоторых известных людей становились нарицательными и также заимствовались. Так, название автомата, изобретенного М.Т. Калашниковым, конструктором стрелкового оружия, известного как «калашников», было за-

имствовано в английский язык методом транслитерации – *kalashnikov* (русс. «Калашников»).

В связи с событиями горбачевской эпохи довольно большое количество русских неологизмов стали интернациональными – *perestroika*, или *economic reform*, *reconstructing* (русс. «перестройка»), *glasnost'*, или *glasnost*, (русс. «гласность»), *new thinking*, или *novoye muishleniye* (русс. «новое мышление»), *hozraschot*, или *khozraschyot* (русс. «хозрасчет»), *uskoreniye* (русс. «ускорение»), *gospreyomka* (русс. «госприемка»), *democratizatsia* (русс. «демократизация») и пр.

В настоящее время русские заимствования в английский язык представляют собой довольно любопытное явление. Безусловно, в мире интерес к России как весьма своеобразной стране по-прежнему сохраняется. При этом в фокусе мирового интереса оказывается как высокая духовность русского народа, так и ее криминальный уклад жизни, чему способствуют многочисленные фильмы о русской мафии, криминальные романы и пр., в том числе созданные и нашими соотечественниками. Поэтому в английский язык заимствуются, с одной стороны, такие понятия как *poshlost* (русс. «пошлость»), *nadryv* (русс. «надрыв»), *toska* (русс. «тоска»), *hamstvo* (русс. «хамство»), *stushevatsya* (русс. «стусеваться»), *kylturny* (русс. «культурный»), *nekylturny* (русс. «некультурный»), призванные объяснить «загадки» русской души, а с другой стороны, – такие просторечия и жаргонизмы, как: *otkat* (русс. «откат»), *razborka* (русс. «разборка»), *zek* (русс. «зэк») и пр.

Настоящий период заимствования русский слов в русский язык характеризуется еще, по крайней мере, двумя особенностями. Во-первых, некоторые ранее заимствованные слова переосмысливаются и впоследствии приобретают новые значения, отсутствующие у слов в исконном языке. Так произошло с существительным *babushka* (русс. «бабушка»), первоначально заимствованным в английский язык в значении «пожилая русская женщина». У слова *babushka* (ударение при этом ставится на второй слог) в английском языке появилось новое значение, не зафиксированное ни в одном словаре русского языка – «шарф / головной платок, завязываемый под подбородком так, как его традиционно носили русские женщины» («a headscarf tied under the chin, typical of those traditionally worn by Russian women» [Babushka. Электронный источник]). Во-вторых, у заимствованных русских слов отделяется словообразовательный суффикс, который может присоединяться к другим словам английского языка, придавая им определенное зна-

чение. Так произошло с русским суффиксом -ник, заимствованным в английский язык в составе слова *sputnik* (русс. «спутник»). Присоединяясь к английским лексемам, этот суффикс, став практически абсолютно продуктивным, образует в современном английском языке такие слова, как: *returnik*, *protestnik*, *folknik*, *beatnik* и пр., значения которых легко предсказуемы.

Таким образом, заимствования в английский язык из русского языка фиксируются начиная с XII в., при этом отмечаются периоды, когда заимствуются единицы определенного лексического пласта. В настоящее время лексические единицы продолжают заимствоваться, более того, заимствуются словообразовательные морфемы, которые в дальнейшем участвуют в образовании новых слов, в том числе от английских корневых морфем.

Список литературы

- Каримова Г.Ф. Структурно-семантические особенности русских заимствований в английском языке : сравнительно-сопоставительный аспект: дисс. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2013. – 202 с.
- Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Киев : Киевский университет, 1964. – 152 с.
- Смирнова М.С. Основные тенденции фонетической ассимиляции русских заимствований в английском языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) : дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2014. – 232 с.
- Babushka // English Oxford Living Dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/babushka> (дата обращения: 12.09.2020).

З.Г. Прошина[©]

**ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В работе рассматривается необходимость создания русско-английского словаря китайских, японских и корейских заимствований, собранных из печатных и электронных русскоязычных источников. Анализируется вариативность заимствованных ориентализмов, причины такой вариативности. Описывается процесс адаптации ориентализмов на разных уровнях языковой структуры (фонографической, морфологической и синтаксической, лексико-семантической).

Ключевые слова: ориентализмы; китайские; японские; корейские заимствования; вариативность; адаптация; англоязычное влияние.

Z.G. Proshina^{*}

EAST-ASIAN LOAN WORDS IN RUSSIAN

Abstract. The paper discusses the necessity to compile a Russian-English dictionary of Chinese, Japanese, and Korean loanwords picked up in the Russian language printed and digital sources. Variation of the borrowed words and reasons for this variation are analyzed. Adaptation of East-Asian loanwords to different levels of the Russian language structure (phonographic, morphological and syntactic, and lexico-semantic) is described.

© Прошина Зоя Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: proshinazoya@yandex.ru

*** Zoya G. Proshina**, Doctor in Philology (Habil.), Professor, Theory of Teaching Foreign Languages Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University, e-mail: proshinazoya@yandex.ru

Keywords: Chinese; Japanese; and Korean loanwords; borrowing; variation; adaptation; English-language influence.

Введение: история вопроса

Займствованиа из одного языка в другой – одна из самых привлекательных тем, по которой написана масса статей и книг, защищено немало диссертаций. В основном, исследованию подвергают займствования из европейских языков (см., например, [Габд-реева и др., 2013]), и огромное количество работ посвящено займствованию из английского языка в русский в связи с глобальным напором английского языка (см., например, словарь и статьи А. Дьякова на его персональном сайте [Дьяков, 2014]), есть также очень интересные работы об обратном воздействии русского языка на английский (см. работы школы В.В. Кабакчи [Кабакчи, Белоглазова, 2020]). Однако несмотря на экстралингвистические посылки (например, усиление контактов с Китаем), работ о китайских, а также японских и корейских словах в русском языке, немного. В 1990-х годах был защищен ряд диссертаций о функционировании восточноазиатских займствований в русском языке, где объектом исследования стала лексическая безэквивалентность русского языка по отношению к китайскому языку, исследованная Чжань Дэхуа [1994], Цзян Сипин [1995], по отношению к корейскому языку – работа Хан Ман Чуна [1997]; трудности перевода корейских реалий на русский язык рассмотрены в диссертации Е.Н. Филимоновой [1999]; место восточных займствований в лексической системе русского языка показано в диссертации Ким Хвана [1999], лингвокультурологические сопоставления сделаны в работах Ган Говея [1994], У Гохуа [1995], Т.Н. Снитко [1999]; фонетическая трансференция, проявляемая в произносительном акценте, проанализирована в диссертациях Цзян Ямин [1996] и Ким Ён Чуна [1998].

В 2000-х годах в фокусе внимания исследователей оказались когнитивные исследования восточных займствований и сопоставительный анализ соотносимых концептов как результата встречи картин мира Запада и Востока [Габдуллина, 2012; Го, 2018; Лю, 2010; Палкин, 2015; Пэй, 2019, Чжу, 2017; Ян, 2018], проблемы опосредованного перевода ориентализмов [Прошина, 2001, 2005], вопросы культурно-языковых контактов и взаимодействия русского и дальневосточных языков [Гун, 2018; Оглезнева 2007; Перехвальская, 2006], а также исследования функционирования, вос-

точных заимствований в различных дискурсах, в том числе неформальных [Габдуллина, 2012; Ян, 2018].

Несмотря на, казалось бы, рост интереса к контактам русского языка и языков Восточной Азии, лексикографическая работа в этом направлении пока находится в зачаточном состоянии. В словаре по теории заимствований Е.В. Мариновой [2013] упомянут лишь один вид восточных ориентализмов – японизмы, китаизмов и кореизмов как вида там нет. Очень спорным моментом оказываются даже количественные данные: по данным Ким Хвана [1999], русский язык принял 306 восточных слов; в диссертации Н.Н. Мухиной [2019] утверждается, что больше всего восточных заимствований в русском языке из японского языка – 179; исследование А.Х. Габдуллиной [2012] отмечает 652 японизма; Гун Лэй [2018], чье исследование опиралось на отражение китаизмов в этимологических, толковых, словарях новых слов и словарях иностранных слов, а также на материалы Национального корпуса русского языка, отмечает 45 общеупотребительных слов китайского происхождения; Ян Си [2018], также обследовавший словари разного типа, переводы художественных произведений, материалы СМИ и неформальный дискурс интернет-источников, выявил всего 151 словарную единицу китайского происхождения. В нашем же корпусе собранного материала, включающего как словари, так и тексты разных жанров и стилей в печатной и / или электронной форме, представлено более 5 тысяч ориентализмов. Поскольку в создаваемый нами словарь включаются только те заимствования, которые встретились не менее чем у двух разных авторов, словарь составил около 4000 вокабул.

Проект словаря представлен в Российской государственной библиотеке [Прошина, 2014], но полного тиража еще не было.

Краткое описание словаря

Словарь представляет собой китайские, японские и корейские реалии, заимствованные русским языком, и образованные от них дериваты, свидетельствующие о достаточной степени освоения данных реалий в нашем языке. Словарь двуязычный; все вокабулы имеют переводные эквиваленты на английский язык как язык международного общения, служащий посредником в коммуникации носителей разных языков. Прообразом словаря послужил англо-русский контактологический словарь восточноазиатской куль-

туры «Перекресток» [Прошина, 2004], но новый словарь не является зеркальным переводом «Перекрестка», который собирался на основе англоязычных источников – новый словарь отражает контакты русского языка с восточноазиатскими языками и культурами, т.е. базируется на русских источниках.

Большая часть представленных в новом словаре слов еще не нашла отражения в переводных русско-английских словарях, как и в отечественных словарях иностранных слов, потому новая работа может оказаться полезной не только лингвистам и людям, интересующимся культурно-языковыми контактами России, Китая, Японии и Кореи, но также переводчикам (как известно, на факультетах и отделениях перевода с западноевропейских языков опосредованному переводу слов восточного происхождения почти не уделяется внимания и, таким образом, переводчики оказываются безоружными). Перевод с английского как языка-посредника и на английский язык сопряжен с рядом проблем, связанных с различием графических систем между языками, существованием нескольких стандартов латинизации восточных слов в истории языковых контактов, отсутствием единого стандарта перехода от кириллицы к латинице, различием традиций устного и письменного перевода восточных слов, а также «гипнотическим» влиянием самого английского языка на переводчика.

Виды заимствований, включенных в словарь

Корпус материала, включенного в словарь, представлен следующими видами заимствований:

1) прямые фонетические заимствования в русский язык слов китайского, корейского и японского происхождения, переданные методом переводческой транскрипции (трансфонации) или транслитерации (кит. *инь* и *ян* ‘два противоположных философских начала’, *цигун* ‘система дыхательной гимнастики’, *юань* ‘денежная единица КНР’; кор. *каягым* ‘корейские гусли’, *макколи* ‘алкогольный напиток’, *ондоль* ‘подогреваемый пол’; яп. *тануки* ‘оборотень-енот’, *адзуки* ‘вид фасоли’, *бэнто* ‘однопорционная еда в корбочке с крышкой’);

2) заимствования из других языков, отражающие реалии Китая, Японии и Кореи (*нагода* ‘буддийский храм’ < португ., *акупрессура* ‘точечный массаж’ < лат., *ама* ‘няня’ < португ.);

3) гибридные слова с восточным элементом (яп. *сарариман* ‘офисный служащий’, *сушимейкер* ‘повар, готовящий суси’; *ка-раоке*, букв. ‘пустой оркестр’);

4) слова, образованные в русском языке на основе восточных заимствований (*хэйлунцзяновский*, *хэйхэсы*, *каолинизация*);

5) структурные и семантические кальки (кит. *Три друга холодной зимы* ‘бамбук, цветущая слива и сосна – символы долголетия, конца зимы, силы и прочности’; кит. *бегущее письмо* ‘стиль каллиграфии’; кит. *бумажный тигр* ‘враг, не представляющий опасности’; яп. *бабочка* ‘проститутка’);

6) слова, подвергшиеся влиянию английского языка при заимствовании в русский язык (*суши*, *аджиномото*), в том числе так называемые опосредованные и «обратные» заимствования (*апато* < apartment) (Маринова, 2013, с. 91);

7) русские слова, отражающие историко-культурные контакты с восточными народами и восточную символику, часть из которых представляют давние заимствования в русский язык, другие являются неологизмами (*бамбук*, *дракон*, *помогайка*).

В словарь вошли как экзотические реалии (кит. *жумин* ‘детское имя’, яп. *набэмоно* ‘тушеное блюдо в горшочке’, *напхаль* ‘корейский рожок’), так и уже устоявшиеся (кит. *чай*, яп. *дзюдо*, кор. *кимчи*) и даже ставшие интернациональными слова (яп. *бонсай*, *караоке*, *суши*).

Причины вариантности заимствований

Что касается первого класса слов из вышеупомянутых в списке, здесь обнаруживается несколько проблем, связанных с вариантностью фонографических форм и с переводом этих слов на английский язык.

Одна из проблем возникает, когда фонографическая вариативность восточноазиатских заимствований обусловлена орфографическим чередованием гласных букв *э* / *е*: *каратэ* / *карате*, *дзэн* / *дзен*, *чучхэ* / *чучхе*, *хунвэйбин* / *хунвейбин*. Использование *э* свидетельствует о нарушении правил русского языка, требующих написания *е* после твердых согласных в иностранных словах (за исключением слов *мэр*, *пэр*, *сэр*). Вместе с тем в востоковедении [Мейеров, 1988] закрепляется использование буквы *э*, поскольку написание слога с *е* вызывает палатализацию согласной и меняет

звучание слова, как это, например, произошло в японских заимствованиях *икебана*, *гейша*.

Другой случай орфографической вариативности связан с двойными согласными. Единства между лингвистами нет по этому поводу: С.В. Гринев [Гринев, 1982, с. 133], М.Я. Гловинская [Гловинская, 1964, с. 108] выступают за упрощение двойных согласных в заимствованных словах (кор. *ддоль* > *доль* ‘первый день рождения’); Р.С. Гиляревский и Б.А. Старостин [Гиляревский, Старостин, 1985, с. 40] утверждают необходимость сохранения удвоения в форме заимствования (например, как в яп. *какке* ‘авитаминоз из-за несбалансированного питания’). А.В. Рыбакова [Рыбакова, 1990], исследуя более современные тенденции, отмечает стремление к упрощению, за исключением случаев действительно пролонгированного произнесения согласного (*макколи* / *маколли* / *макколли*) и случаев интернационализмов (яп. *годзиллион* ‘несметное количество’; кит. *хакка* ‘название этнической группы’). Возможно, более резонным звучит довод Л.П. Калакуцкой [Калакуцкая, 1991, с. 112], впоследствии поддержанный А.В. Суперанской [Суперанская, 1999, с. 544], о необходимости максимальной близости к языку-источнику для того, чтобы не создавать дополнительные трудности для людей, знающих этот язык.

Орфографическая вариативность ориентализмов нередко связана с отражением йотированного произношения: яп. *айкути* / *аикути* ‘кинжал’, *аю*, *айю* ‘маленькая восточная форель’. Как правило буква *й* сохраняется в конце слога после гласной (*Яёй*, *тойота* / *Тоёта*). В последнем случае восприятие слова произошло с другим вариантом слогоделения: *То-ета*.

Неустойчивыми написаниями характеризуются в русском языке заимствования, исконная форма которых представляет сложное или производное слово: яп. *ава-одори* / *аваодори* ‘танцевальный фестиваль’, *айкидо* / *аики-до* ‘вид боевых единоборств’, *адзиномото* / *адзи-но-мото* ‘улучшитель вкуса’; кит. *тай-цзи* / *тайцзи* ‘китайская гимнастика’. Доминирует тенденция к слитному написанию в результате процесса лексикализации, т.е. восприятию словосочетаний как единого слова в результате выражения им единого понятия [Гринев, 1982, с. 121; Суперанская, 1964, с. 94]. Цельнооформленность характерна обычно для производных от ориентализмов: *Сунь Ятсен* > *суньятсеновка*, *суньятсенизм*.

Еще один источник орфографической вариантности – написание прописных и строчных букв: *Ава-Одори* / *ава-одори* ‘танцевальный фестиваль’, *Арита* / *арита* ‘вид японского фарфора’.

В этом случае нередко обнаруживается влияние английской формы на написание слова, переведенного с английского – в русском языке оно становится нарицательным и, соответственно, должно писаться со строчной буквы, в отличие от наименования города (*Арита*), где производится данный вид фарфора.

По всей видимости, при размещении в словаре данные варианты должны идти по мере убывания их распространенности – первый вариант представляет доминирующую тенденцию.

Фонетические варианты заимствований нередко обусловлены различиями в транслитерации латиницы. Например, в русский дискурс корейское слово ‘тетушка’ попало в двух фонетических формах: *аджумма* / *ачжумма* – в латинице слово выглядит как *ajumma*. В англоязычной традиции *j* транслитерируется как *дж*, а в корейских словах она произносится скорее как *чж*. Таким образом происходит конфликт между транслитерацией и транскрипцией латинизированного корейского слова. Аналогичная конкуренция между вариантами наблюдается в слове *taekwondo*, которое в кириллице имеет несколько вариантов: *тхэквондо* (стандартный вариант, переданный транскрипцией), *тэквондо* (без аспирации), *тэжвондо* (с регрессивной ассимиляцией), *таэквондо* (передача транслитерацией).

В японских и китайских заимствованиях нередко конкуренция вариантов вызвана тем, что один из вариантов заимствован явно через латиницу, когда ориентализм представлен в английском тексте, и при его переводе и прямом фонетическом заимствовании отмечается влияние англоязычного прочтения: *аджиномото* вместо *адзиномото* ‘усилитель вкуса’. Первый вариант, носящий разговорный характер, заимствован письменным путем; второй, принятый востоковедами как нормативный, базируется на устной форме заимствования. Аналогично *тамаготи* (нормативный вариант) / *тамагочи* (разговорный вариант) и даже *тамагоч* (просторечный) ‘электронный домашний зверек в брелке, который запрограммирован так, что требует пищи, развлечений и т.д.’ Из-за противоречия транскрипции и транслитерации, связанной с влиянием английского языка, возникла проблема форм *суси* / *суши* (см. [Смоленский, 1998]).

Различие форм заимствований, полученных путем транскрипции и транслитерации, демонстрируют варианты японского слова *амай* и *амаэ* ‘зависимость от благожелательности и любви близких’.

В китайских заимствованиях нередко происходит противоборство форм, заимствованных от слов в разных системах латини-

зации, что опять свидетельствует о косвенной роли английского языка на русское заимствование. Так, в современной системе латинизации китайских слов пиньинь система гимнастики имеет название *tai-jī*, что в русском соответствует нормативной форме *тайцзи* и нестандартной (просторечной) форме *тайджи*. Но это же слово в более ранних текстах встречается в старой системе латинизации Уэйда-Джайлза в форме *tai-chi* и соответственно под влиянием англоязычного произношения и орфографии транслитерируется как *тайчи*, что также не соответствует современной норме. Ср. *Во всем мире тай-чи* (таково более распространенное название) считается именно оздоровительной гимнастикой. В США, например, она находится на втором месте по популярности после йоги. (Будь здорова, 2011. URL: medportal.ru/budzdorova/fitness/354/). Аналогичной причиной объясняется сосуществование дублетов *кунфу* (соответствует старой форме латинизации Уэйда-Джайлза) и *гунфу* (соответствие пиньиню) ‘китайские боевые искусства’.

Фонетические варианты китайских слов могут объясняться прагматическими причинами. Например, в китайском языке есть слог, латинизируемый как *hui*, транслитерация которого привела бы к неблагозвучному для русских варианту. Данный слог передается в русском двумя способами, с субституцией гласной и вставкой эпентетической гласной: *хой* и *хуэй*. Этим и объясняются две формы заимствования *Тунмэнхой*, *Тун мэнхуэй* (< *Tongmenghui*) ‘китайская революционная организация, созданная Сунь Ятсеном в Токио в 1905 г.’

Встречаемые в русском тексте варианты могут вести свое происхождение от разных языков. Так всем известное заимствованное слово *тофу* ‘соевый сыр’, имеющее фонетический дифтонгизированный вариант *тоуфу* (сеем предположить, что здесь также имеет место влияние английского языка, где в открытом слоге *tofu* буква *o* читается как дифтонг) встречается в текстах в форме *доуфу* (заимствование из китайского, где отсутствует фонематическая релевантность признака глухость-звонкость согласного) и *тубу* (из корейского).

И наконец, еще одна причина вариантности связана со словообразовательной адаптацией заимствований. Уже в языке-рецепторе новый корень обрастает рядом вариантных синонимов, объяснение которых имеет фонетические и орфографические причины. Так, например, сосуществование синонимов *таоизм* и *даосизм* связано общим корнем – в старой системе латинизации Уэйда-Джайлза *Tao* и в новой системе пиньинь *Dao*. Поэтому сло-

во *таоизм* должно иметь помету ‘устаревшее’. На словообразовательном уровне имеются различия: первое слово происходит непосредственно от корня *тао*- ‘путь’, в то время как второе – от производного имени, обозначающего адепта данной религии *даос*-. Варьируются далее и производные в форме прилагательных: *даосский* и *даосистский*, в первом из них добавлен лишь один суффикс *-ск*-, во втором – два суффикса *-ист-* + *-ск-*. По значению прилагательные практически одинаковы и часто взаимозаменяемы: *даосский / даосистский культ*, *даосский / даосистский храм*; в других случаях они употребляются в довольно близких коллокациях: *даосский мудрец*, *даосский адепт*, *даосский монах*, *даосский мыслитель* – *даосистский религиозный деятель*, *даосское мышление* – *даосистское учение*, *даосистский взгляд*, *даосистская критика*, *даосистский метод*, *даосистская объективность*, *даосский отшельник*, *даосский пантеон*, *даосские имена* – *даосистский круг*; *даосская секта*, *даосские практики* – *даосистский тип культуры*.

Освоение заимствований

Освоение заимствований, как известно, происходит на разных уровнях языковой структуры [Маринова, 2008]: фонографическом, что проявляется в некотором приближении звуков слова языка-донора звукам принимающего языка и в написании заимствованного слова в системе письма, принятой в языке-рецепторе; грамматическом уровне – через приобретение заимствованным словом грамматических категорий языка-рецептора и синтаксическое согласование по законам принимающего языка; словообразовательном – образование новых слов по моделям языка-рецептора с использованием его деривационных средств; лексико-семантическом – семантические сдвиги в значениях слов, развитие полисемии, фразеологизация заимствуемых единиц.

Восточноазиатские заимствования, как и все другие, проходя процесс адаптации, демонстрируют разные ступени освоения, от полного сохранения своей инаковости и экзотичности до ассимиляции на всех или почти всех уровнях языковой структуры.

Что касается грамматического уровня адаптации, большая часть заимствований, представляющих собой имена существительные, остаются неизменяемыми в русском языке, особенно слова, оканчивающиеся на *-и* (*оригами*, *синоби*), *-о* (*микадо*, *дагао*), *-у* (*чау-чау*, *хайку*), *-ю* (*гидаю*), *-е / э* (*каратэ*, *камикадзе*), *-ё*

(никадзе, дайме). Процесс словоизменения легче протекает у существительных на -а / я (по первому склонению): *аджумма, вона, гейша*; на согласный и -й (по второму склонению): *андон, пекинес, сифань, самурай*. Однако жесткого приписывания существительных к тому или иному классу склонения нет; одно и то же слово может в одном тексте склоняться, а в другом – оставаться неизменяемым: *Рассказчик выступает в кимоно, сидя в официальной позе, скрестив ноги, на подушечке-дзабутон*. (И. Леванидов. 209 дней из жизни Японии, 2001, с. 91). *Во время исполнения ракугока сидит на возвышении (кодза), на подушечке для сидения (дзабутоне)*. (Культура классической Японии, 2002, с. 176). Обычно при такой возможности морфологической вариативности неизменяемым остается существительное, при котором есть родовое имя, выполняющее функцию пояснения: ср. *Исполнялись песни под аккомпанемент струнного инструмента саньсянь*. (В. Малявин. Китайская цивилизация, 2000, с. 425). *Существует 2 вида саньсяня – большой и малый саньсянь*. (China.org, 2006, URL: http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2006-11/23/content_2275975.htm).

Лексико-грамматическая категория рода выявляется у существительных через их согласование с прилагательным, глаголом или местоимением: *Японский бонза далеко не всегда был священнослужителем, он был (и остается) кем угодно: учителем, дельцом, политиком, солдатом*. (В. Пронников, И. Ладанов. Японцы, 1996, с. 9). *Дарума – игрушка, изображающая божество буддийского пантеона, к-рое символизирует удачу. Сделана из дерева или папье-маше*. (Япония, 1992, с. 352). *О святости Дарумы свидетельствует отсутствие у него ног*. (А. Мещеряков. Книга японских символов, 2003, с. 247). О родовой характеристике имени может сообщить другое имя, стоящее в расширении: *Каждый из действующих лиц этой интриги имеет посвящение в монахи (по-аумовски это называется «самана») ... В секте сестры стали монахинями-самана и получили новые имена. Милена стала – Косин Додзь, Нелли – Конго Хоэцу Додзь. ...Российская организация насчитывала порядка 5 тысяч последователей «учения» и несколько десятков монахов-самана*. (Комсомольская правда, 1 сент. 2001, URL: <https://www.kp.ru/daily/22624/11881/>).

Приобретение существительным категории числа проявляется через флексии формы и синтаксическое согласование: *Аджуммы (замужние женщины) варят и жарят все, что лежит на прилавках: желудок вола, печень фазана, почки свиньи, грибы и каштаны* (Владивосток Авиа, 2005, № 3, с. 59).

На словообразовательном уровне освоение заимствований проявляется в образовании новых слов от заимствованных основ. Преобладающими здесь оказываются два способа: аффиксальная деривация и словосложение. Наиболее продуктивными деривационными моделями стали прилагательные, образованные из существительных посредством суффикса *ск-* (*аджуммский, айнский, саньхэский*), *-ов-* (*гаоляновый, гоминьдановский*), *-ев / ев-* (*соевый, женшеневый, ивасевый*), а также производные существительные, обозначающие лицо определенной профессии, школы, воззрений, посредством суффикса *-ист-* (*сегист* ‘игрок в сёги’, *сушист, амидаист / амидист, айкидоист*) или *-ник*, слова, образованные с ним, имеют разговорный оттенок (*анимешник, сумошник*). Обозначения жителей определенной местности осуществляются при помощи суффиксов *-ец / -ц-, -к-* (*тайванец – тайванька – тайваньцы; харбинец – харбинка – харбинцы*). Иногда к этим суффиксам могут добавляться другие: *гонконгец – гонконгоженка – гонконгцы; гуанчжоусцы* (в данном случае, похоже, *-с-* осталось от суффикса *-ск-* прилагательного *гуанчжоуский*, что свидетельствует о пути деривации *Гуанчжоу – гуанчжоуский – гуанчжоусцы*). По модели – (*е*) *ц* образуются также имена лиц, называющие занятия: *самсунговец* ‘служащий компании «Самсунг»’, *аумовец* ‘последователь секты Аум Синрикё’.

В просторечии, особенно в приграничной контактной зоне, деривационные аффиксы нередко используют для образования новых частей речи – например, от китайского существительного *чоуфань* ‘жареный рис’ образован глагол *чефанить* ‘есть, принимать пищу’; от междометия *ганьбэй* ‘за ваше здоровье!’ создано существительное *ганьбэйчик* ‘вечеринка’ и глагол *ганьбэить* ‘осушать до дна’.

Словосложение зачастую строится через посредство английского языка: *сушимейкер, суши-шеф*, либо сложное слово имеет интернациональный корень: *тамагочимания*. При этом, если словосложение характерно для исходного слова, в новом языке такое слово воспринимается как простое, а не состоящее из нескольких корней – например, кит. *гоминьдан* образовано от трех корней: *го* ‘нация’ + *минь* ‘народ’ + *дан* ‘партия’. Вместе с тем в русский дискурс попало уже несколько японских слов с корнем *-я*, обозначающим торгово-закусочную точку (*сусия, собая, удонъя, рамэн-я*), который воспринимается как аффиксоид.

Особым видом словосложения является акронимия, нередко обнаруживаемая в общественно-политических и исторических текстах: *Был момент, когда отдельные лица в партии колебались*

и говорили, что, опираясь на ГМД, можно разбить противника. (П. Владимиров. Особый район Китая 1942–1945, 1974, с. 512), где ГМД – аббревиатура от *Гоминьдан*. Существуют аббревиации на основе русского калькированного словосочетания, как, например, *ВСНП* – *Всекитайское собрание народных представителей*.

Семантическая адаптация ориентализмов сопряжена со сдвигом значения или его наращением. Генерализация, т.е. сдвиг в сторону расширения объема понятия, характерна, например, для слова *самурай*, вошедшего в русский язык как историзм в значении ‘член воинской касты в феодальной Японии’, а в современном ироническом дискурсе расширившего свое значение до обозначения японцев вообще: *Самураи устроили на Фонтанке сеанс массового караоке*. (Комсомольская правда, 5 дек. 2003, с. 18). Генерализация значения также произошла в японском заимствовании *бонза*, которое в русском языке утратило свое первичное значение ‘буддийский монах’ и стало употребляться для обозначения надменного, чванливого должностного лица: *Партийные бонзы собрались в лесном домике, что-то долго решали, а потом потребовали везти их в баню*. (Словоборг, 2012, URL: www.slovoborg.ru/uf/1396)

Обратное явление – сужение понятия – конкретизация тоже может иметь место в процессе адаптации заимствования. Например, среди русских, имеющих достаточно далекое отношение к культуре Японии, бытует мнение, что *гейша* – синоним ‘женщины легкого поведения’, что обычно оспаривается востоковедами. Например, в одном из блогов, посвященном разбору романа А. Голдена «Мемуары гейши», автор статьи начинает свой анализ со следующих слов: *Мне неоднократно приходилось слышать следующее: “Гейши? Но это же неприлично, ведь гейши – проститутки! Ну хорошо, куртизанки. Ну или профессиональные содержанки...”* (Гейши и проституция: черная легенда. 8 марта 2013, URL: <https://aoimevelho.blogspot.com/2013/03/blog-post.html>). Исначальное культурологическое значение этого заимствования – ‘девушка искусства, развлекающая своих клиентов (гостей) танцами, пением, беседой, ведением чайной церемонии’.

Можно также отметить прагматические сдвиги в значении ориентализмов. В частности, под влиянием романтизации некоторых исторических фактов заимствованные слова могут подвергаться процессу амелиорации: например, слово *ниндзя*, означающее наемного убийцу, лазутчика в средневековой Японии, приобрело новое современное значение ‘человек, увлекающийся искусством ниндзюцу’, и далее, под влиянием американского

мультфильма о черепашках-ниндзя – значение ‘благородный герой’ и, более того, послужило основой для нового слова – *ниндзя-мания*, которое знаменует коммерциализацию исторического явления в виде электронных игр, игрушек, мультсериалов и т.д. Другое сложное слово, возникшее в области кредитной политики, *ниндзя-займы*, сохраняет отрицательный заряд в своем значении, поскольку соотносится с сомнительным кредитом: *На рынке появилось много субстандартных кредитов (subprime loans), т.е. ссуд ненадежным заемщикам. Ситуация дошла до абсурда: человек был не в состоянии платить арендную плату за дом, но при этом с легкостью мог купить его в кредит. На банкирском жаргоне такие ипотечные кредиты назывались "ниндзя-займы"* (Коммерсантъ-деньги, 25 нояб. 2013, № 46). Обратный процесс, пейорация, сопровождает развитие значения, примером служит слово *гейша*, о котором речь шла выше. Другой пример – слово *камикадзе*, которое у японцев ассоциируется с благородством и мужеством воинов, жертвующих жизнью для победы над врагом, в русский язык сразу пришло как слово, характеризующее противника, т.е. с отрицательной коннотацией, которая усилилась по мере адаптации слова в русском языке – ср. *Но впервые поймала себя на мысли, что мертвые, похожие на манекены, тела женщин-камикадзе и боевиков в камуфляже вызывают не жалость, а чувство удовлетворенной мести.* (Владивосток, 29 окт. 2002, с. 4) – значение ‘террорист’. *Комета-«камикадзе»* была обнаружена 2 января австралийским астрономом-любителем Аланом Уотсоном на снимках, полученных космической солнечной обсерваторией STEREO-A. (РИА Новости, 3 янв. 2010, <https://ria.ru/20100105/202967816.html>) – значение «что-то очень разрушительное».

Метонимический сдвиг значения характерен для слова *рикша*, обозначающего не столько повозку, сколько человека, который ее тянет: *Японские рикши в прежние времена строго блюли неписанный закон о том, что молодой возчик мог обгонять старого, лишь изменив маршрут, чтобы его превосходство в силе и выносливости не бросалось людям в глаза.* (В. Овчинников. Ветка сакуры, 1971, с. 74). Столкновение старого и нового значения обнаруживается, например, в переводе японского рассказа: *Когда они подошли к стоянке рикши, покупатель остановился и попросил Сэнкити подождать. Вскоре рикша перенес весы на свою коляску.* (И была любовь, и была ненависть, 1975, с. 194).

Все эти сдвиги значения, как правило, приводят к развитию полисемии слова. Но когда многозначные слова языка-донора вне-

дряются в русский язык в своих разных значениях, они обычно превращаются в омонимы. Примером может служить японское слово *сатори*, которое в одном своем значении выступает как 'момент откровения, мгновенное внутреннее просветление' и используется в дзен-буддизме: *В процессе переживания сатори человек чувствует, что его «я» («самость») куда-то исчезает, растворяется и вместо него появляется ощущение слияния с миром.* (В. Пронников, И. Ладанов. Японцы, 1996, с. 188). В мифологии же слово *сатори* соотносится со сверхъестественным существом, обитающим в горах и умеющим читать мысли: *Сатори изображаются как люди среднего роста, с очень волосатой кожей и пронзительными глазами. Живут сатори в отдаленных горах как звери, охотясь на мелких животных и не встречаясь с людьми.* (Aikidoka, 2010. http://www.aikidoka.ru/498-kami_2.html).

Таким образом, мы видим, что заимствованные в русский язык ориентализмы в процессе своей постепенной адаптации приобретают системные свойства, и чем больше этих свойств оказывается налицо, тем больше ассимилируется данное слово в языке-рецепторе [Елизова, 1978].

Заключение

Интенсификация культурно-языковых контактов России и стран Дальнего Востока вызвала поток новых заимствованных слов китайского, японского и корейского происхождения в русский язык. По целому ряду причин, из которых главные – несовпадение систем письма, сосуществование нескольких систем латинизации, через которые происходит письменное проникновение восточноазиатских слов, конкуренция между устным и письменным способами заимствования, влияние глобального английского языка – возникает вариативность ориентализмов, заимствованных в русский язык, которая требует определенного упорядочивания и как можно более полной дескрипции. Роль такого средства упорядочивания может сыграть словарь, призванный показать доминирующие тенденции употребления заимствованных слов, их толкование и вместе с тем оказать помощь переводчикам в нахождении соответствия на языке международного общения, каким является английский.

Список литературы

- Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалиева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода : монография. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 328 с.
- Габдуллина А.Х. Когнитивные основания и лингвокультурологические факторы заимствований из японского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2012. – 23 с.
- Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте : справочник. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1985. – 303 с.
- Гловинская М.Я. Написание двойных согласных в заимствованных словах // Проблемы современного русского правописания. – М. : Наука, 1964. – С. 101–115.
- Го Пинтин. Репрезентация семейных традиций в русской и китайской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2018. – 27 с.
- Гринев С.В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Приложение I к кн.: Лотте С.Д. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М. : Наука, 1982. – С. 108–135.
- Гун Лэй. Процесс и результаты лексического взаимодействия русского и китайского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2018. – 27 с.
- Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. – 2014. – URL: <http://anglicismdictionary.ru/> (дата обращения 17 июня 2020).
- Елизова Т.К. Заимствование английской лексики в русском языке в 60–70-е годы XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д., 1978. – 19 с.
- Кабаки В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. – М. : Юрайт, 2020. – 250 с.
- Калауцкая Л.П. Размышления о русской лексикографии (в связи с выходом русско-японского словаря) // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 91–115.
- Ким Хван. Слова с восточным компонентом значения в современном русском языке (заимствования из языков Восточной и Юго-Восточной Азии) : дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 323 с.
- Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира: на фоне китайской : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2010. – 27 с.
- Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 495 с.
- Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: Словарь-справочник. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 240 с.
- Мейеров В.Ф. Типология буквенных орфограмм. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. – 280 с.
- Мухина Н.Н. Восточные заимствования в русском языке : системно-описательный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2019. – 28 с.
- Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин : опыт социолингвистического описания. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2007. – 262 с.
- Палкин А.Д. Этические номинации в русской и японской лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2015. – 42 с.
- Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант): Формирование. История. Структура : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2006. – 51 с.

- Прошина З.Г.* Английский язык и культура Восточной Азии. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 441 с.; 2-е изд, испр. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – 399 с.
- Прошина З.Г.* Передача китайских, корейских и японских слов при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский: Теория и практика опосредованного перевода. – М. : Восток-Запад, 2005. – 160 с.
- Прошина З.Г.* Перекресток : Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 580 с.
- Прошина З.Г.* Русско-английский словарь восточных реалий. – М. : Гнозис, 2014. – 999 с. – ISBN 978-5-94244-052-7. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007845868> (дата обращения 19 июня 2020).
- Пэй Цайся.* Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019. – 26 с.
- Рыбакова А.В.* Правописание двойных согласных в заимствованных словах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 13 с.
- Смоленский В.* СУСИ или СУШИ? Отповедь шепелявящим. – 1998. – URL: <http://www.susi.ru/SusiOrSushi.html> (дата обращения 19 июня 2020).
- Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1999. – 158 с.
- Суперанская А.В.* Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного русского правописания. – М. : Наука, 1964. – С. 69–100.
- Суперанская А.В.* Принципы передачи безэквивалентной лексики // Рум А. Великобритания : Лингвострановедческий словарь. – М. : Русский язык, 1999. – С. 538–559.
- Филимонова Е.Н.* Иноязычные лексические элементы в переводном тексте (на материале русских переводов с корейского) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 293 с.
- Хан Ман Чун.* Безэквивалентная лексика в научно-публицистическом тексте: лингвострановедческий аспект (на материале «Описания Кореи», в 3 т. – СПб., 1900) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1997. – 19 с.
- Цзу Сюецин.* Национально-культурные концепты времен года в русской языковой картине мира: на фоне китайской : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2009. – 26 с.
- Цзян Сипин.* Безэквивалентная лексика и фразеология в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 16 с.
- Цзян Ямин.* Словесное ударение как фрагмент этнотипа носителей русского и китайского языков : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 136 с.
- Чжань Дэхуа.* Лексическая безэквивалентность русского языка по отношению к китайскому языку (на материале переводов в русско-китайском словаре) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 29 с.
- Чжу Жуйшунан.* Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 24 с.
- Ян Си.* Китаизмы как источник пополнения заимствованной лексики в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д., 2018. – 28 с.

О.С. Крюкова[©]

НОВАЯ ЛЕКСИКА МЕДИЦИНСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ИЛИ НЕОЛОГИЗМЫ КАРАНТИННОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье анализируются новые слова, возникшие в русском языке в связи с распространением коронавирусной инфекции: заимствования из английского языка и окказионализмы. Активные лексические процессы обусловили увеличение частотности некоторых слов, образование новых слов по продуктивным моделям, появление новых значений у слов и фразеологических единиц. Далеко не все словоупотребления зафиксированы Национальным корпусом русского языка. В данной статье были рассмотрены слова, которые реально встречались автору в СМИ, социальных сетях и в личном общении. Судьбу слов из неофициального «Словаря самоизоляции» станет возможно проследить как при обновлении Национального корпуса русского языка, так и в словарях новых слов и значений, словарях слэнга, но это требует определенного времени. Предсказуемо, что часть новой лексики станет неактуальной и уйдет в пассивный запас, а впоследствии устареет.

Ключевые слова: лексика; неологизмы; окказионализмы; новые значения слов; словообразование; лексикография.

NEW VOCABULARY OF MEDICAL
AND SOCIAL DISCOURSE IN RUSSIAN,
OR NEOLOGISMS OF QUARANTINE TIME

Abstract. The article analyzes the new words that have appeared in the Russian language in connection with the spread of coronavirus infection: borrowings from English and occasional words. Active lexical processes caused an increase in the frequency of some words, the formation of new words based on productive models, and the appearance of new meanings in words and phraseological units. Not all word usage is recorded by the National Corpus of the Russian language. This article examines the words that the author actually encountered in the media, social networks, and in personal communication. The fate of words from the unofficial «Dictionary of self-isolation» will be possible to trace both when updating the National corpus of the Russian language, and in the dictionaries of new words and meanings, slang dictionaries, but this requires some time. It is predictable that some of the new vocabulary will become irrelevant and go into the passive reserve, and then become outdated.

Keywords: vocabulary; neologisms; occasionalisms; new meanings of words; word formation; lexicography.

Лексика, как самая подвижная подсистема языка, незамедлительно реагирует на разнообразные социальные изменения. В 2020 г. эти изменения были вызваны глобальными процессами, связанными с распространением коронавирусной инфекции, которая началась в ноябре 2019 г. в китайском городе Ухань и быстро охватила практически все страны. Это была не первая пандемия, которую переживало человечество, имевшее опыт борьбы с чумой, черной оспой, сибирской язвой, сыпным тифом, холерой, испанкой и другими опаснейшими инфекциями.

Само слово «эпидемия» появилось в русском языке в начале XIX в. и было отмечено словарем Яновского (1806). Оно происходит из позднелатинского слова, при этом языком-посредником стал французский, в котором слово фиксировалось с XII в. В свою очередь позднелатинское *epidemia* восходит к греческому источнику *ἐπίδημος*, дословно «распространенный в народе». Слово пандемия, согласно словарю Яновского, в русском языке появилось также в начале XIX в., восходит к греческому *πάνδημος* («все-

* **Olga S. Kryukova**, Doctor of Philological Sciences Head of Verbal Arts Department Faculty of Arts Moscow State University named after M.V. Lomonosov, e-mail: florin2002@yandex.ru

общий, всенародный»). В Словаре современного русского литературного языка (Т. 9, 1959) это слово имело помету «специальное», в Словаре русского языка (Т. III, 1987) – помету «медицинское», но в 2020 г. стало общеупотребительным и высокочастотным. В газетном корпусе Национального корпуса русского языка найдено 102 документа с этим словом, без учета словоупотреблений 2020 г. Следует также заметить, что у слова «пандемия» в русском языке изменилось ударение, сместившись со второго слога на третий. По аналогии со словами «эпидемия» и «пандемия» появилось слово «инфодемия», обозначающее информационную эпидемию, обилие негативной и не всегда достоверной информации о новой пандемии.

Этот пример показывает, что эпидемия коронавируса, быстро превратившаяся в пандемию, способствовала активным лексическим процессам во многих языках. «Начало 2020 г. ознаменовалось эпидемией коронавируса, перешедшей в пандемию. Повсеместное распространение заболевания отразилось не только на функционировании медицины и других социальных институтов, но и на лексическом составе многих языков, в частности английского», – подчеркивают В.В. Катерлина и С.Х. Липириди [Катерлина, Липириди, 2020, с. 170]. В русском языке сходные лексические процессы характеризуются появлением заимствований из английского языка, окказионализмов, увеличением частотности некоторых слов, образованием новых слов по продуктивным моделям, появлением новых значений у слов. Далеко не все словоупотребления зафиксированы Национальным Корпусом русского языка.

Прежде всего следует отметить возросшую частотность когда-то узкоспециального медицинского термина «коронавирус». Национальный корпус русского языка фиксирует всего пять случаев употребления в специальных и научно-популярных изданиях в период с 2002 по 2006 гг., причем один из самых ранних относится к ветеринарной сфере: «В последнее время парвовирусный энтерит регистрируется крайне редко, чаще всего выделяют коронавирус, а он гораздо менее вирулентен, только не надо применять при лечении гипериммунные сыворотки и другие иммуностимуляторы (Елена Дубровина. Вакцинация собак // «Homes & Gardens», 2002.08.10)» [Национальный корпус ..., 2020]. Согласно Национальному корпусу русского языка, в научно-популярном журнале «Наука и жизнь» было зафиксировано употребление этого термина в 2006 г.

После резкого увеличения частотности слова «коронавирус» появилось прилагательное «коронавирусный», а также разнообразные каламбуры, основанные на многозначности: короновать, поймать корону, носить корону и т.п. Слово «корона» в разговорно-просторечном употреблении (а также «коронарка» в этом же значении) стало синонимом к термину «коронавирус». Юмористический эффект при подобных словоупотреблениях возникает в связи с тем, что коронация в русском языке ассоциируется не только с королевскими особами, но и с главарями преступного мира, для которых коронация – это возведение в высший воровской ранг. Слово «короновать», таким образом, имеет, помимо литературного и книжного, еще и арготическое значение.

В церковном дискурсе, как наиболее консервативном, в качестве наименования новой инфекции было использовано словосочетание «моровое поветрие» при обращении к верующим и в новой молитве, призывающей к избавлению от этой инфекции.

Совмещение пандемии и последовавшего за ней экономического кризиса породило неологизм «коронакризис». В связи с нагнетанием негативной информации о пандемии в СМИ и социальных сетях появился также экспрессивно окрашенный окказионализм «коронабесие», означающий преувеличенную боязнь новой пандемии, излишние меры предосторожности, ложные слухи, панику, официальную ложь. Например, в интернет-издании появился такой заголовок: «Делягин объяснил, зачем в мире и в России разжигают “коронабесие”»¹.

Параллельно с термином «коронавирус» в СМИ стал употребляться медицинский термин COVID-19, который в русском языке подвергся транслитерации: ковид. Новое слово стало общеупотребительным и породило производные: ковидный (относящийся к коронавирусу), профессионализм «ковидарий», который обозначает специализированную больницу или отделение для лечения больных коронавирусом в больнице иного профиля. Ковидарий не является официальным медицинским термином, в его семантике присутствует негативная окраска по аналогии со словами «абортарий» и «виварий». Паникеры и легкомысленные по отношению к новой инфекции люди стали именоваться «ковидиотами». Это слово, соединяющее в себе транслитерированное название коронавируса и слово «идиот», было заимствовано из английского

¹ <https://lentachel.ru/news/2020/05/02/delyagin-obyasnil-zachem-v-mire-i-v-rossii-razzhigayut-koronabesie.html#hcq=Q1TJq1s>

языка, в котором слово «Covidiot» было зафиксировано 16 марта онлайн-словарем молодежного слэнга [Василец, Перегон, 2020, с. 136]. Возможно, что заимствования как такового не было, а был параллельный процесс образования нового слова с одним тем же значением на основе интернациональных основ.

По аналогии с выражением «ВИЧ-диссидент» появилось также слова «корона-диссидент» и «ковид-диссидент», называющие людей, отрицающие опасность новой инфекции COVID-19. Врачи-психиатры диагностировали и новое психическое расстройство, обусловленное распространением коронавируса, – ковидофобия. «На фоне распространения коронавируса в России, у жителей возникают новые психологические проблемы. Врачи заговорили о “ковидофобии” (по названию коронавирусной инфекции COVID-19), когда возникает страх заразиться новой опасной болезнью и как следствие, страх выйти на улицу», – отмечает такое популярное издание, как «Комсомольская правда»¹.

В СМИ отмечено также слово «ковид-вечеринка», образованное путем сложения слов. Оно обозначает увеселительное мероприятие, проводившееся во время пандемии, когда были запрещены скопления людей как в помещении, так и на улицах.

Следствием пандемии стали ограничительные меры, принятые федеральными и региональными властями. Одной из таких мер стала самоизоляция, т.е. запрет покидать квартиру, за исключением крайней необходимости (походы в близлежащие магазины, аптеки, выгул собак в радиусе 100 метров от дома, обращение за неотложной медицинской помощью). Слово «самоизоляция» употреблялось и ранее, в значении «оторванность от общества, от каких-либо новых тенденций». В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 12 словоупотреблений, в том числе: «Однако по прошествии двадцати лет стало ясно, что для полноценного развития исторической науки необходима и другая тенденция: в научной работе непродуктивна самоизоляция, необходимо учитывать те лучшие и позитивные научные достижения, которые сделаны в сопредельных странах (Память во имя будущего // «Родина», 2010)» [Национальный корпус ..., 2020].

Первая нерабочая неделя, вызванная мерами профилактики коронавирусной инфекции, в слэнге получила название «короникулы», это слово образовано сложением основы слова «корона» (в значении «коронавирус») и части основы слова «каникулы».

¹ Спецвыпуск КП, <https://www.kp.ru/online/news/3828217/> 8 апреля.

В дальнейшем это название распространили на весь период самоизоляции. Зафиксировано также слово «карантикулы» с тем же значением, образованное сложением частей основ слов «карантин» и «каникулы».

В качестве профилактики распространения коронавирусной инфекции Роспотребнадзором было рекомендовано ношение масок в общественных местах. В конце марта-начале апреля 2020 г. наблюдался дефицит этих средств защиты, что привело к появлению слова «маскобесие / маскобесье», по аналогии со словом «коронабесие». «Маскобесие» означает боязнь остаться без этих средств профилактики, в другой трактовке – нежелание носить маску. Официальными терминами в данном случае являются только словосочетания «масочный режим» и «перчаточный режим», так как они были использованы в официальных рекомендациях населению.

В режиме самоизоляции многие учреждения перешли на дистанционный режим работы, в том числе образовательные и научные организации, пользователи которых работали на платформе Zoom, в связи с чем появились неологизмы: зумить (использовать платформу Zoom), зумбомбинг (вид виртуального хулиганства при использовании платформы Zoom).

Словарная практика в новых условиях предсказуемо отстает от узуса, некоторой попыткой фиксации новых слов, появившихся в русском языке во время пандемии коронавируса, стал список из 20 слов – «Словарь самоизоляции», распространяемый в сети «Интернет» на сайте Moskva.ru: думскроллинг (долговременное чтение негативных новостей), зумбомбинг, инфодемия, карантикулы, карантини (алкогольный напиток, который пьют на онлайн-вечеринках и посиделках), ковидавер (человек, умерший от коронавируса), ковидарий, ковидаст (человек, использующий Covid-19 в целях личного обогащения), ковидиот, ковидор (место, где лежат больные коронавирусом, которым не хватило палат), ковидиворс (разрыв отношений или развод в период самоизоляции из-за невозможности быть вместе в замкнутом пространстве), коронавирус, коронарка, корониалы (таким термином предлагается называть поколение детей, которые были зачаты во время пандемии, по аналогии с миллениалами), коронный номер (дополнительное негативное значение известного фразеологизма), маскобесье, маскопаника, масочный режим, самоизоляция, перчаточный режим. В данной статье были проанализированы только те слова из данного списка, которые реально встречались автору в СМИ, соци-

альных сетях и в личном общении. Судьбу слов из неофициального «Словаря самоизоляции» станет возможно проследить как при обновлении Национального корпуса русского языка, так и в словарях новых слов и значений, словарях слэнга, но это требует определенного времени. Предсказуемо, что часть новой лексики станет неактуальной и уйдет в пассивный запас, а впоследствии устареет.

Список литературы

- Василец И.П., Перегон Д.А.* Короникулы, сайнить и шейминг: анализ дискурсивных практик социальной реальности на примере неологизмов молодежной аудитории // Символ науки. – 2020. – № 5. – С. 134–138.
- Катерлина В.В., Литириди С.Х.* Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4 (147). – С. 170–175.
- Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 15.07.2020)
- Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 9. – IV с., 1482 стб.
- Словарь современного русского языка : в 4 т. – М. : Рус. яз., 1987. – Т. 3. – VIII, 1340 с.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1994. – Т. 1., – 624 с. ; Т. 2. – 560 с.

**РЕФЕРАТ НА КНИГУ:
ОСТМАНН И.
РУСИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ¹**

**Ostmann I.
Russizismen in der deutschen Sprache. –
Frankfurt a.M.: Lang, 2015. – 329 S.**

Ключевые слова: заимствование; русицизм; внутригерманская языковая ситуация; классификация заимствований; устаревание заимствований.

Исследование выполнено на материале письменных текстов различных жанров: газетных, документных, словарных статей, охватывающих период с IX–X вв. до наших дней. Этот временной диапазон делится автором на два этапа: до Октябрьской революции 1917 г. и после нее.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения (нумерация разделов сквозная) и списка русицизмов.

Во введении указывается, что анализ построен на хронологическом подходе к материалу и что это касается не только подачи самого корпуса языковых единиц (1500 ед.), но и обращения к результатам исследований немецко- и русскоязычных германистов. Критерием включения слова в корпус были «коммуникативная эффективность» (Aussagekraft) (с. 21) и его «семантическая и формальная многогранность» (semantische und formale Vielseitigkeit) (с. 21).

¹ Первоначально реферат был опубликован // РЖ «Языкознание» № 4 / 2016, реф. № 2016.04.30, с. 155–160.

В главе второй «Современное состояние исследований по влиянию русского языка на немецкий» дается обзор специальной литературы. Отмечается, что до 1989 г.¹ этот вопрос рассматривался в контексте «внутригерманской языковой ситуации» (*deutsch-deutsche Sprachsituation*) (с. 23). Основные классификации русицизмов были разработаны именно в этот период. Предшествующие публикации игнорировались, однако поскольку без них картина и степень исследованности проблемы не может быть ясна, И. Остманн кратко характеризует специальную литературу, начиная с XIX в. (Аделунг, Вебер, Майер, Штида, Вик, Булич, Клемперер и др.), в которой анализируются процессы заимствования лексики из русского языка в немецкий. Отмечается, что эти процессы начались задолго до XIX в.

Различаются три фазы дискуссии о немецком языке:

1) 1949–1961 гг., т.е. от основания двух немецких государств до построения Берлинской стены. Западногерманские лингвисты опасались, что из-за влияния русского языка на немецкий будет разрушено немецкое языковое единство (*Spaltungssphobie*) (с. 27). Восточногерманские лингвисты и советские германисты отрицали такое направление развития немецкого языка, основываясь на тезисе Сталина (*Erkenntnisse Stalins*) (с. 27), что классовые противоречия в обществе не влияют на единство национального языка;

2) 1961–1972 гг., т.е. от сооружения Берлинской стены до подписания Основопологающего договора между ГДР и ФРГ (*Grundlagenvertrag*) (21.12.1972). В этот период ГДР стремилась к международному правовому признанию и отрицала единство немецкой нации, правительство же ФРГ занимало противоположную позицию. Однако общность немецкого языка не подвергалась сомнению ни одной из сторон;

3) 1972–1989 гг., т.е. с подписания вышеназванного договора до объединения Германии. В 1973 г. ГДР была принята в ООН, но со стороны ФРГ не была признана как государство. После изменения Конституции ГДР в 1974 г. из текста этого документа было изъято упоминание о существовании немецкой нации в рамках двух немецких государств. В 80-х годах экономические проблемы в ГДР привели к преимущественной ориентации политики ГДР на развитие внутригерманских отношений, хотя это и не находило поддержки в Москве. В 70-е годы западногерманские исследователи подчеркивали сохранение единства немецкого языка, восточногерманские

¹ 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена. – *Прим. ред.*

и советские германисты акцентировали внимание на различиях в речевой практике в двух немецких государствах. Лингвистика была сильно идеологизирована. В 80-х годах отношения между ГДР и ФРГ нормализовались, полемика прекратилась, был признан тезис о существовании двух «различных коммуникативных сообществ» (*Existenz verschiedener Kommunikationsgemeinschaften*) (с. 40). Влияние русского языка на немецкий исследовалось преимущественно на материале специальных коммуникативных сфер (сельского хозяйства, космонавтики, автомобилестроения и т.д.). В конце 80-х годов активно исследовался дискурс употребления слов *гласность* и *перестройка*.

После объединения Германии в 1989 г. исследования по влиянию русского языка на немецкий интенсифицировались в более широком контексте, причем обращалось внимание на появление и употребление таких новых слов и выражений, как *вор в законе*.

В главе третьей «Классификация заимствований из русского языка» анализируются классификации, разработанные немецкими специалистами (В. Бетц, Х. Билефельд, Э. Хауген, З. Коль и др.) и российскими авторами (М.Д. Степанова / И.И. Чернышева, Н.И. Топуридзе-Сумбатова, А.И. Домашнев, Е.В. Розен и др.), констатируется неупорядоченность терминологии.

И. Остманн определяет русицизм как понятие, охватывающее все типы заимствований, представленные в разработанной ею следующей классификации:

1) «заимствованный материал» (*Materialentlehnungen*), т.е. языковые единицы, полностью сохранившие свое значение и форму (*Trojka* «тройка») или незначительно ее изменившие в немецком языке (*Rubel* «рубль», *Jabloko* «ЯБЛОКО»);

2) кальки (*Lehnübersetzungen*) как результат: а) дословного перевода (*wortwörtliche Lehnübersetzungen*), например: *Gemeinschaft Unabhängiger Staaten* «Содружество Независимых Государств»; б) смыслового перевода (*sinngemäße Lehnübersetzungen*), например: *Gefahren lauern auf diejenigen, die nicht auf das Leben reagieren* «Трудности подстерегают тех, кто не реагирует на жизнь»; в) гибридного перевода (*hybride Lehnübersetzung*), при котором комбинируется заимствованный материал (чаще всего имена собственные, в том числе и морфологически адаптированные) и дословно переведенные морфемы, например: *Jelzin-Ära* «эра Ельцина», *Vischnevskische Salbe* «мазь Вишневского», *Trawopolnajasystem* (женский род заимствованного русского имени прилагательного *травопольная* не соответствует среднему роду немецкого

имени существительного *das System* «система»), *Bolshoi Theater* (русское имя прилагательное *большой* мужского рода, немецкое имя существительное *das Theater* – среднего); г) перевода устойчивых выражений, например: *Potemkinsche Dörfer* < «потемкинские деревни»;

3) образования по аналогии: а) гибридные уточняющие образования (*hybride verdeutlichende Bildungen*), у которых нет прямых соответствий в русском языке, например: *Schapka-Träger* «тот, кто носит шапку», *Apparatschik-Sprache* «язык чиновников»; б) ложные тавтологии (*Scheintautologien*), т.е. композиты, состоящие из двух синонимов, например: *Bojewiki-Kämpfer* «чеченские боевики», *Sputnik-Satellit* «советский спутник»; в) единицы, образованные в результате переформулирования (*Reformulierungen*), например, транспозиции (*kremlnah* «приближенные к Кремлю», народной этимологии (*Glasnost'* «гласность» ошибочно ассоциируется с немецким *Glas* «стакан», в то время как оно происходит от слова *глас / голос*), использования перифраз (например, в образных наименованиях человека, образованных с помощью суффиксов: *-ski* – *Besoffski* < *besoffen* «пьяный»+ *-ski* = «пьяница»; *-nik* – *Spätник* < *spät* «поздно» + *-nik* = «вечно опаздывающий»; г) устойчивые выражения (*Redewendungen*), образованные по модели уже известных руссизмов, но используемые в другом контексте, например: *Potemkinsche Leuchttürme* «потемкинские маяки» < *Potemkinsche Dörfer* «потемкинские деревни».

В главе четвертой «Факторы заимствования руссизмов и образования по аналогии под влиянием русского языка и пути заимствования» анализируются следующие две большие группы факторов – неязыковые (экстралингвистические) и языковые. Действие последних проявилось в различных типах заимствований.

К неязыковым факторам относятся:

1) опосредованные культурные контакты (например, в процессе торговых отношений между средневековой Ганзой и Новгородом или между ГДР И СССР) и ситуации прямого контактирования, например, в пересылочных лагерях, в которых немецких военнопленных распределяли по другим лагерям в СССР (*Peresilka* «пересылка»); в последнем случае сфера использования заимствований сужалась;

2) необходимость именования новых явлений и объектов, что происходило под влиянием названий объектов, существовавших в СССР, но отсутствовавших в Германии до образования двух

немецких государств, например: *Ministerium für Staatssicherheit* < «министерство государственной безопасности»;

3) необходимость улучшения имиджа СССР в Германии: заимствованные слова (например, *Pjatiletka* < «пятилетка») переводились на немецкий язык (*Fünffahrplan* / *Fünffjahresplan*), чтобы они не воспринимались населением как чужие;

4) психологические причины, например, необходимость подчеркнуть преимущества социализма перед капитализмом (*vorfristige Erfüllung des Planes* < «досрочное выполнение плана») или необходимость выжить в экстремальной ситуации (например, в лагере для военнопленных: *Stolowaja* < «столовая», *Golod* < «голод»).

К языковым факторам заимствования И. Остманн относит:

1) лексические – для заполнения лексических лакун (*Jarowisation* < «яровизация»); стилистические – для расширения стилистических ресурсов немецкого языка (*Zarenburg* «царский замок» вместо *Moskau* «Москва»); семантические – для затушевывания негативного значения слова (эвфемизм *Havarie* < «авария» вместо «катастрофа» для обозначения взрыва ядерного реактора в Чернобыле; пейоратив *Russkis* < «русские» для выражения пренебрежительного отношения к русским);

2) грамматические – аффикс, уже утвердившийся через заимствованное слово, способствовал образованию по аналогии: *Sputnik* «спутник» → *Kaputnik* «неудачно запущенный спутник», *Ivanovič* «Иванович» (распространенное в русском языке отчество) → *Minutowitsch* / *Sekundowitsch* «солдат, которому осталось недолго служить до демобилизации».

В главе пятой «Устаревание русицизмов» И. Остманн называет следующие факторы развития названного процесса:

1) языковые трудности для немцев: а) фонетические (например, неправильная постановка ударения: *Tschéka* < «чекá», *Glasnósti* «глáсность»); б) артикуляторные и орфографические, обусловленные различным фонемным составом языков (например: немецкая графическая передача русского звука [щ] *jschtsch* в слове *Towarischtsch* «товарищ» и правильное произнесение этого слова);

2) неязыковые причины: заимствования воспринимаются как излишние, так как: а) обозначают собственно советские / российские реалии (*Kulak* «кулак»); б) используются в очень ограниченном контексте (*Tepluschka* «теплушка»); в) вытесняются другими словами, в том числе и заимствованными из других языков (*Kosmonaut* < *космонавт* вытеснено англицизмом *Astronaut*) и т.д.

Рассматриваются различные типы устаревающих заимствований:

1) архаизмы (обозначают еще существующие реалии, но используются в стилистико-риторических целях, например: *Smuta* < «смута»); 2) историзмы (обозначают несуществующие более реалии, например: *Gulag* < ГУЛАГ, *Kaderabteilung* «отдел кадров»); 3) окказионализмы (*Rokirowotschka* < «рокировочка», *Rechtsschutzorgane* «правоохранительные органы»).

Материал главы шестой «Руссизмы в истории немецко-русских языковых контактов» отражает следующие этапы этих контактов: 1) IX в. – Октябрьская революция 1917 г. в России, когда превалировал заимствованный материал (*Zobel* < «соболь», *Bojar (e)* < «боярин», *Werst* < «верста»); 2) Октябрьская революция в России – захват власти национал-социалистами в Германии (*Rote Armee* «Красная армия», *NÖP / Neue Ökonomische Politik* «нэп / новая экономическая политика», *Bolschewismus* «большевизм», *Moskawitertum* – пренебрежительное обозначение Советского Союза); 3) 1945–1989 гг. (примеры см. выше); 4) 1989–1991 гг. (примеры см. выше).

Глава седьмая «Интеграция руссизмов в немецкий язык» посвящена освоению немецким языком, прежде всего, имен существительных как самого большого лексического пласта. Анализ проводится в графематическом, морфологическом и семантическом аспектах.

В заключение подчеркивается, что «хотя влияние русского языка на немецкий было в целом невелико, оно сыграло заметную роль в истории немецкого языка и сказывается еще и сегодня» (с. 279).

Н.Н. Трошина

3. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: 10.31249/ruslang/2021.00.09

Л.Д. Захарова[©]

ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ПАРНЫХ ЗУБНЫХ ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД [Е] В ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВАХ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы позиционных чередований твердых и мягких зубных переднеязычных согласных перед ударным и безударным [е], в частности, вопросы обратной замены мягкого согласного на твердый. Фонетической нормой русского языка является сочетание мягкого согласного с гласным переднего ряда [е], исключением считается сочетание твердого согласного с таким гласным, постепенная замена твердого согласного на мягкий в позиции перед гласными переднего ряда свидетельствует об постепенной ассимиляции слова. Однако в последние десятилетия в ряде морфонологических позиций наблюдается обратная замена мягкого согласного на твердый. В статье анализируются эти процессы и описывается проведенный эксперимент, который заключался в отборе группы слов и проведении опроса носителей русского языка разных возрастных групп. В результате интерпретации данных, полученных экспериментальным путем, в статье делается вывод о том, что в настоящее время в русском языке в заимствованных словах помимо ассимилятивного процесса, выражающегося в замене твердого согласного на мягкий в позиции перед [е], наблюдается и обратный процесс – замена мягкого согласного твердый. Это явление актуально для парных переднеязычных зубных согласных. Оно происходит чаще всего и в определенных фонетических (ударный слог) и морфонологических условиях (сходная финальная часть корня, формант, который выделяется за счет повторяемости, например, *-ен, -ель* и других). В ходе эксперимента было выделено 20 слов, в которых орфоэпическими словарями фиксируется в качестве нормы произношение мягкого согласного и в которых в настоящее время большинство интервьюируемых произнесли твердый согласный, что дает основание предположить определенную тенденцию по обратной замене мягкого согласного на твер-

© Захарова Лариса Диасовна, кандидат филологических наук, доцент,
Открытый гуманитарно-экономический университет, e-mail: lara271260@yandex.ru

дый. Возрастные различия не дают оснований предположить каких-либо поколенческих различий в степени проявления фонетического процесса.

Ключевые слова: позиционные чередования согласных; переднеязычные зубные согласные; парные по твердости-мягкости согласные; заимствованные слова; аффикс; формант; ударный гласный переднего ряда; процесс разрушения позиционных чередований.

L.D. Zakharova*

POSITIONAL ALTERNATIONS OF PAIRED DENTAL APICAL CONSONANTS BEFORE [e] IN BORROWED WORDS

Abstract. The article is focused on the issues of positional alternations of velarized and palatalized dental apical consonants before stressed and unstressed [e], in particular, cases of reverse replacement of a palatalized consonant with a velarized one. The phonetic norm of the Russian language is a combination of a palatalized consonant with a front vowel [e] except the cases when such vowel is combined with a velarized consonant. The gradual replacement of a velarized consonant with a palatalized one before the front vowels indicates progressive assimilation of the borrowed word. However, in the last decade, there has been a reverse replacement of the palatalized consonant with a velarized one in some morphonological structures. The article analyzes these processes and describes the experiment, which consisted of selecting a group of words and conducting a survey of Russian speakers of different age groups. Following the interpretation of obtained data, the article concludes that at present in the Russian language in borrowed words, in addition to the assimilative process, which is expressed in the replacement of a velarized consonant with a palatalized one in the position before [e], the opposite process emerges – the replacement of palatalized consonant with velarized one. This phenomenon is relevant for paired dental apical consonants. It occurs most often in certain phonetic conditions (stressed syllable) and morphonological provision (similarity to the final part of the root, formant, which stands out due to repetition, for example, -en, -el, and others). During the experiment, 20 words with the pronunciation of a soft consonant as a fixed norm by orthoepic dictionaries were selected. At present most of the interviewees pronounced the palatalized consonant as a velarized one, which gives reason to suggest a certain tendency to reverse the palatalized consonant with a velarized one. Age differences give no reasonable ground to assume any generational differences in the degree of display of the phonetic process.

Keywords: positional alternation of consonants; apical dental consonants; paired velarized-palatalized consonants; borrowed words; affix; formant; stressed front vowel; the process of destruction of positional alternations.

* **Larisa D. Zakharova**, Doctor of Philology, associate Professor Open University of Humanities and Economics, Moscow, e-mail: lara271260@yandex.ru

Для исконно русских слов по-прежнему актуален запрет следующего сочетания звуков – «парный твердый согласный + [e]». Однако он не распространяется на произношение иноязычных слов и аббревиатур: *тан*[дэ]м, [рэ]нер, [тэ]ндер, [тэц], [гэс], [фэт] [Русская грамматика-80]. Существование такого сочетания традиционно воспринимается как один из этапов фонетического освоения слова русским языком и впоследствии ожидается «смягчение» согласного, или позиционная замена на мягкий согласный перед гласным переднего ряда, как это произошло со словами *аква*[р']ель, *мок*[р']ель, *теф*[т']ели, *ши*[н']ель, *яхтс*[м']ен. Именно так ситуация исключения приводится к орфоэпической норме.

Живые процессы в современном устном русском языке показывают, что многие позиционные чередования согласных, актуальные в течение многих лет, исчезают. Прежде всего это касается позиционной ассимиляции согласных, которая возникает не только на стыке морфем, но в сочетании согласных звуков в начале слога. На этот процесс обратили внимание М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина в статье «О процессе разрушения позиционных чередований в современном русском языке» [Каленчук, 2007, с. 172–180]. Но взгляд на сочетание парных по твердости-мягкости согласных с гласными переднего ряда остается пока неизменным: сочетание твердого парного с [e] возможно лишь в заимствованных словах. Между тем в устной речи носителей русского языка молодого и среднего поколений все чаще встречается такое произношение в словах, давно ассимилированных: *ши*[нэ]ль, *бизнес*[мэ]н, *га*[зэ]ль, *к*[рэ]м и др. Этот процесс можно объяснить, выдвинув несколько гипотез:

1) таким образом говорящие выделяют иностранные слова или слова, которые воспринимают как таковые, в результате чего происходит определенный откат в ассимиляции слова. Это приводит к одновременному действию двух разнонаправленных правил, регулирующих сочетание парных по твердости-мягкости согласных с гласными переднего ряда;

2) так говорящие выделяют не только иностранные слова, но иностранные морфемы, суффиксы и приставки, для которых актуальными становятся те фонетические правила сочетаемости звуков, которые могут не действовать в корне;

3) в русском языке в определенных морфонологических и / или фонетических позициях перестает действовать правило, запрещающее сочетание твердых парных согласных (или, например, твердых парных переднеязычных зубных) с гласными переднего ряда.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эти гипотезы, был проведен экспериментальный опрос носителей русского языка – представителей разных возрастных групп. Перед опросом было составлено несколько списков слов, отобранных нами по следующим признакам: 1) слова с формантом *-ель*. Они в большинстве своем являются заимствованными, но совпадают с собственно русскими существительными женского рода с непродуктивных суффиксом *-ель / -ль*, морф *-ель* выступает преимущественно после парных мягких согласных, соединяется с глагольными основами на согласный или на согласный + *-нуть* с отсечением *-ну-*: *гибнуть - гибель, погибать - погибель, капать - капель, мети - метель*. Эту группа слов была объединена с заимствованиями, в которых представлен интернациональный суффикс *-el*: *цитадэль, педэль, жидэль, модель, бордэль*. Единственным критерием отбора было ударение, в список включались слова только с ударной финальной частью, так как при редукции гласного исчезают позиционные условия сочетания твердого согласного и [e], перед редуцированным гласным переднего ряда твердые согласные возможны в исключительных случаях.

2) Слова на *-ен*, они не совпадают с собственно русским суффиксом, в основном это заимствования, среди них значительную группу составили слова на *-ген*, а на *-мен*. Аналогично первой группе отбирались все слова, заканчивающиеся именно так и имеющие ударный *-én*, например: *марокén, дигалén, гобелén, цикламén, обмén, домén, супермén*.

3) Позднее первый и второй список был дополнен дериватами от многих слов группы, так как многие слова произносились с твердым согласным, при этом говорящий совершенно не знал слова, не отождествлял его ни по значению, ни по грамматическим характеристикам, ни по словообразовательной структуре. Поэтому это же слово было предложено в составе производного с узнаваемым суффиксом: *артельщик, куделька, шатенка*.

Для сравнения использовались также несколько групп слов с формантом *-ер*, все эти слова являются заимствованными, но благодаря популярности этого форманта в языках донорах, они составили в русском языке значительную и постоянно растущую группу. Некоторые слова в ее составе имеют достаточное количество дериватов, на основании которых можно выделить и полноценный суффикс *-ер* с значением субъекта или объекта действия: *функцион-ер, аукцион-ер, станцион-ер, революцион-ер*.

Необходимо сразу заметить, что большинство этих слов воспринимаются всеми носителями как иностранные, среди них очень многие являются терминами, не знакомыми носителю языка, поэтому при произнесении слов участники экспериментального опроса действовали по интуиции, по определенным признакам определяя принадлежность слова и правила его произнесения.

Все списки были предложены для произношения представителям разных возрастных групп: с 16 до 21 года, с 21 до 30 лет, с 30 до 40 лет. Всего в опросе приняли участие около 50 человек. Приведем результаты исследования.

Слова на *-эль*. На первом этапе были исключены те слова, которые все опрошенные произносили в соответствии с нормой, т.е. произносили мягкий согласный перед [е], это слова с заднеязычными, губными и губно-зубными согласными и сонорным переднеязычным [л]: *жавэль, журавэль, щавэль, кervэль, раkэль, аллэль, параллэль, капэль, сапронэль, сонэль, скаpнэль, купэль, карамэль, бешамэль*. В результате в списке остались слова с парными переднеязычными зубными согласными [д], [д'], [т], [т'], [с], [с'], [з], [з'], [н], [н'], а также слова на [р], [р']. Необходимо заметить, что именно эти согласные активно участвуют в ассимилятивных процессах в сочетаниях согласных и именно в последние десятилетия наблюдается разрушение обязательности этих чередований. В эту же группу вошла часть собственно русских и достаточно давно ассимилированных заимствованных частотных слов, в них зубной переднеязычный мягкий произносится в соответствии с нормой: *электродрэль, свирэль, акварэль, апрэль, кисэль, постэль, карусэль* – и никто из опрошенных ни разу не произнес в них твердые согласные. С другой стороны, часть собственно русских слов, значение которых испытуемым было незнакомо: *кудэль, скудэль, досэль, отсэль, волостэль, коростэль* – в нескольких случаях, но не единичных, произносились с твердым согласных. В конце списка им было предложено еще раз произнести эти слова, но в составе производных: *кудэлька, скудэльница, досэле*, и в этом случае их произносили мягко, в соответствии с нормой. Это показывает, какое значение имеет морфемная структура слова: наличие собственно русских суффиксов в корне изменяло произношение слова. Представители младшей возрастной группы не знали слова *артэль* и произносили его с твердым согласным, но в *артельщик* согласный произносился твердо.

На следующем этапе были выделены слова, где согласные перед [е] произносятся только твердо, так как они осознаются как

заимствованные всеми испытуемыми: *фрикадэль, цитадэль, педэль, жидэль, модель, безэль, фланэль, панэль, тоннэль, бордэль, гантэль*. Анализ рекомендаций орфоэпических словарей [Орфоэпический словарь русского языка ..., 1988; Резниченко, 2003] показал, что из всей указанной группы слова *педэль, жидэль, безэль* в них не представлены и конкретных рекомендаций по произношению нет, а вот для слова *фланэль* фиксируется вариативное твердое и мягкое произношение и в словаре Р. Аванесова, и в словаре И. Резниченко.

В результате осталась довольно большая группа слов, в которых не было отмечено единства произношения с твердым или мягким согласным. Часть этих слов – редкие и неизвестные аудитории слова. Информантов попросили отметить слова, значения которых они не знают. В группу незнакомых слов вошли термины из разных областей знания: *синэль, ритуρνэль, прыонэль, марэль, турэль, пасторэль, багатэль, москатэль, мускатэль, галтэль, пудромантэль, иммортэль*. Для всех этих слов ожидаемо было бы сочетание твердого согласного с [е], что и происходило в большинстве случаев, однако незначительное количество опрошенных произносили перед гласным мягкий согласный. Эту ситуацию вряд ли можно объяснить ассимиляцией слов и подчинением правилам сочетания гласных и согласных звуков в русском языке, скорее всего здесь сработала растерянность, затруднения в произношении незнакомого слова и неудачные попытки поиска аналогии с другими словами, например, с суффиксом *-тель*.

Оставшаяся группа слов была поделена на две большие подгруппы: а) группа, в которой является нормативным произношение твердого согласного, б) группа, в которой нормативным является произношение мягкого согласного или в качестве нормы признаются и мягкий, и твердый согласный.

Группу а) образовали следующие слова: *мамзэль, картэль, отэль, метрдопель, мотэль, пастэль, фрикадэлька, сардэлька*.

Группу б) образовали слова: *газэль, макрэль, шинэль, полишинэль, марсэль, менестрэль, форэль, каротэль, артель, промартэль, шрапнэль*.

Для того чтобы случаи отклонения произношения от нормы выглядели наглядно в количественном и социальном выражении, мы приводим таблицу, на основании которой можно представить ситуацию.

Таблица 1

Особенности произношения согласного перед ударным [е]ль

Слово	16–21 год (18 человек)		22–30 лет (21 человек)		31–40 (11 человек)	
	твёрдый	мягкий	твёрдый	Мягкий	твёрдый	Мягкий
Группа а)						
мамзэ́ль,	17	1	18	2	8	3
мадемуа́зэль	18		20		10	1
карте́ль,	14	3	19	2	8	3
оте́ль,	17	1	20	1	11	
метрдо́те́ль,	15	2	18	1	10	1
моте́ль,	17	1	21		10	1
пасте́ль,	15	3	20	1	10	1
фрикадо́лька,	17	1	21		8	2
сардо́лька	17	1	20	1	10	1
Группа б)						
газе́ль,	17		15	5	9	2
макре́ль,	15	3	18	3	10	1
ишине́ль,	18		14	7	7	4
полишине́ль,	17	1	15	7	7	4
марсе́ль,	18		18	3	11	
менестре́ль,	17	1	19	2	10	1
форе́ль,	18		20	1	9	2
кароте́ль,	17	1	16	5	6	4
арте́ль,	15	3	9	11	2	9
промарте́ль,	16	2	14	7	5	6
шпанне́ль	17	1	17	4	11	

Примечание к таблице. К сожалению, не все участники эксперимента зачитали полный список слов, некоторые пропускали слова, другие произносили невнятно или в записи были посторонние шумы.

Как видно из данных таблицы, отклонения от нормы в группах а) и б) несопоставимы. В группе а) они чаще всего носят случайный характер. Так как небольшая часть опроса проходила очно, то в этом случае оказывалось возможным попросить объяснить информанта, почему, например, слова *оте́ль*, *метрдо́те́ль*, *моте́ль*, *пасте́ль* они произносят именно так. Говорящие объясняли это тем, что «оговорились», «не разобрали слова», «повлиял суффикс -тель». Иными словами, произнесение мягкого согласного на том месте, где согласно орфоэпической норме должен быть твердый, объяснялось случайной ошибкой или оговоркой, а не привычкой говорить именно так. Поэтому не следует утверждать, что приведенные примеры произношения мягкого согласного в позиции перед гласным переднего ряда свидетельствуют о постепенной ассимиляции слов в русском языке. По сути слова этой

группы ничем не отличаются слов типа: *фрикадэль, цитадэль, педэль, жидэль, модель, безэль, фланэль, панэль, тоннэль, бордэль, гантэль*, просто, произнося их, говорящие не допустили оговорок и ошибок.

Слова группы б) более примечательны. Изначально к ним надо добавить существительное *фланэль*, оно попало в другую группу, так как никто из испытуемых не произнес в нем мягкий [н'], хотя данные словарей свидетельствуют о том, что он там произносился. Также к этой группе приближаются исконно русские слова *кудэль, скудэль, досэль, отсэль, волостэль*, в которых произносился твердый согласный (от 1 до 5 раз), так как опрашиваемые не знали этих слов, никогда их ранее не слышали и интерпретировали на основании своих лингвистических представлений. Все слова группы б) убедительно показывают, что в них произошел процесс, «обратный» ассимилятивным, произошедшим ранее: *газэль, макрэль, шинэль, полишинэль, марсэль, менестрэль, форэль, каротэль, артэль, промартэль, шрапнэль*. Следует сделать несколько замечаний по поводу слова *артэль*, так как статистика произношения вступает в противоречие с другими словами этой группы. Те информанты, которым удалось задать вопрос об этом слове, сказали, что не знают значения данного слова и ни разу его не встречали. Это же относится и к сложносокращенному *промартэль*. На это указывают также различия по возрастным группам: в старшей группе это слово знакомо почти всем, поэтому и нарушений нормы практически нет.

Если сосредоточиться на анализе различий произношения этих слов представителями возрастных групп, то видно, что явных различий в произношении этих слов нет. Информанты «младшей» группы чаще произносят слова интуитивно, не опираясь лишь на свои уже сформированные компетенции, представители же двух старших групп произносят вполне уверенно и, отвечая на вопрос, утверждают, что «все так говорят».

Таким образом, выделенная группа из 12 слов позволяет предположить, что в современном русском языке могут происходить процессы, обратные ассимилятивным. Их трудно признать фонетическими в том смысле, что они не могут быть объяснены фонетической позицией. Наиболее вероятное объяснение этого процесса связано с морфонологическими условиями форманта *-эль*, который невозможно признать суффиксом лишь на основе многочисленного совпадения окончаний финальной части заимствованных слов.

Следующая часть эксперимента заключалась в исследовании слов с формантом *-ен*, она проходила точно так же, как уже было описано ранее. На первом этапе были исключены все слова с губными, губно-губными и заднеязычными согласными, так как указанные парные по твердости-мягкости звуки ведут себя в указанной позиции довольно последовательно, либо только мягкие (заднеязычные), либо только твердые: *грабѐн*, *эбѐн*, *терпѐн*, *коллагѐн*, *пургѐн*, *рентгѐн*, *манекѐн*, *ламбрекѐн*, *марокѐн*. Никаких отличий не было выявлено и в словах на [л']: *дигалѐн*, *гобелѐн*, *селѐн*, *амилѐн*, *карболѐн*, *пенеплѐн*.

Отдельное место среди слов этой группы занимают слова на *-мѐн*, формант этот давно освоен, перед гласным выступает мягкий согласный, и орфоэпические словари рекомендуют произносить твердый согласный только в словах *дольмѐн* и *супермѐн*, во всех остальных словах словари рекомендуют произносить либо только мягкий согласный, либо допускают и мягкий, и твердый. В ходе проведенного опроса мы получили данные, которые указывают на высокую частотность произношения твердого согласного. Приведем данные в виде таблицы.

Таблица 2

**Особенности произношения согласного [м/м']
перед ударным [е]н**

Слово	16–21 год (18 человек)		22–30 лет (21 чел)		31–40 (11 человек)	
	твердый	мягкий	твердый	мягкий	твердый	мягкий
<i>бушмѐн</i>	13	5	14	5	5	6
<i>бизнесмѐн</i>	18		19	1	9	2
<i>безмѐн</i>	15	3	19	2	8	3
<i>дольмѐн</i>	17	1	20	1	10	
<i>джентльмѐн</i>	3	15	4	17	2	9
<i>домѐн</i>	18		19	2	8	3
<i>ительмѐн</i>	15	3	20	1	10	1
<i>конгрессмѐн</i>	17	1	21		8	2
<i>ноумѐн</i>	17	1	20	1	10	1
<i>нацмѐн</i>	4	14	2	19		11
<i>полисмѐн</i>	15	3	19	2	10	1
<i>рекордсмѐн</i>	2	16	2	19		11
<i>спортсмѐн</i>		18		21		11
<i>туркмѐн</i>	1	17		21		11
<i>супермѐн</i>	18		20	1	11	
<i>цикламѐн</i>	11	7	3	18		11
<i>яхтсмѐн</i>	15	3	18	3	10	1

Материалы таблицы показывают, что есть три слова, которые участвовавшие в опросе носители русского языка считали полно-

стью освоенными: *рекордсmén, спортсmén, джентльмэн* – произносили мягкий согласный. Незначительные отклонения от этой нормы сами говорящие объясняли оговоркой, влиянием других аналогичных слов. Очевидным представляется тот факт, что на скорость фонетической ассимиляции слова влияет частотность его употребления, а названные три слова весьма частотные. К этой группе можно добавить и разговорное *нацмэн*, которое было образовано уже в русском языке, формант *-мэн* проявил себя как русский аффиксоид, аналогического происхождения слово *туркмэн*. Слово *ноумэн* редко употребляемое, не зафиксированно нормативными словарями, поэтому твердое произношение согласного в нем вполне объяснимо. В словах *безмэн* и *домэн, цикламэн* *-мэн* как формант отсутствует, орфоэпические словари рекомендуют в них произносить мягкий согласный, однако участники опроса произносили там твердый, и это объяснялось следующими причинами: они не знали значения слова «*безмэн*», а *домэн* воспринимают как очередной термин мира информатики и цифровых технологий, следовательно, произносят его, как и любое заимствованное английское слово. Название цветка *цикламэн* произнесли с твердым согласным именно те представители «младшей» группы, кто не знал слова. Таким образом, восемь слов: *бушмэн, бизнесмэн, безмэн, домэн, ительмэн, конгрессмэн, полисмэн, яхтсмэн* – свидетельствуют о том, что при наличии выбора – твердый или мягкий согласный – преимущественно выбирается твердый согласный. Это означает, что при рекомендации произносить мягкий согласный (*бушмэн, безмэн, ительмэн, яхтсмэн*) говорящий нарушает норму и произносит непалатализованный звук. Интересное мнение, связанное с нарушением фонетической нормы при следовании нормативным позиционным чередованиями сделала С.К. Пожарицкая. Высказывая мнение об исчезновении ассимиляции по твердости-мягкости на стыке согласных исследовательница отмечает, что «такие варианты, как правило, отражают динамику узуса, и нормативная помета в этом случае не должна иметь запретительного характера. Объективная оценка таких вариантов скорее всего может быть дана по шкале “старое – новое”, которая предоставляет говорящему возможность осознанного выбора варианта; роль орфоэпии сводится к тому, чтобы “объяснить ситуацию” говорящему. Следует сказать, что ситуация свободы выбора далеко не всегда удовлетворяет людей, осложняя их жизнь; тем не менее ситуация объективно такова» [Пожарицкая, 2017, с. 477]. В конкретной разбираемой ситуации возникает сразу несколько вопросов: тракто-

вать ли отмеченное явление как ошибку, хотя говорящие не осознают данную позицию как слабую, в которой вообще возможно сделать ошибку, так как их компетентность в конкретном случае не сформирована; какое конкретно произношение следует отнести «старому», а какое к «новому». По отношению к консервативной норме и общим тенденциям в освоении иноязычных слов «старым» является твердое произношение, а «новым» мягкое; по отношению к обнаруженным фактам, если оценивать их как новую, зарождающуюся тенденцию, все как раз наоборот, «новое» – это произношение твердого согласного перед [e] в словах, маркированных как заимствованные, а также в формантах, помечающих слово как иноязычное.

В словах на [p / p'] были выявлены определенные отличия от группы на -ель, которые коснулись сосуществования твердого и мягкого согласных, что в принципе не противоречит норме и должно отражать различные этапы ассимиляции заимствованного слова: *рефрén, соверén* и *суверén* – с мягким согласным, и *сюзерén, изопрén, катрén* – с твердым согласным. Произношение этих слов участниками опроса показало, что оно в целом не отличается от рекомендаций словарей, за исключением *соверén*, что объяснялось незнанием этого слова говорящими.

Среди слов с основой на парные зубные не отмечено ни одного случая произнесения мягкого согласного: *молибдén, кузén, ретинén, поликсén, пироксén, шатén, метрополитén, мартén, нафтén*, и это в целом соответствует норме, слова *ретинén, поликсén, пироксén* в орфоэпических словарях отсутствуют и сама норма здесь устанавливается на основании осознания этих слов как инородных, заимствованных.

Все это в целом соответствует обозначенным гипотезам, которые можно обобщить в следующем утверждении: в русском языке существует тенденция к фонетическому (орфоэпическому) обособлению заимствованных слов, последние выделяются на основании регулярных аффиксов, аффиксоидов, формантов; в них действие этой тенденции особенно последовательно, наряду, конечно, с односложными словами. Проявляется этот процесс в употреблении твердых зубных перед гласным переднего ряда [e].

В отдельных случаях действие этой тенденции настолько закономерно и регулярно, что продолжается и перед гласным в безударной позиции, который сразу же утрачивает такую фонетическую характеристику, как принадлежность к гласным переднего ряда: *аутсайдер, рейдер, грейдер, маркшейдер, африкандер, экс-*

пандер, эспандер, брандер, детандер, уитлендер, тендер, стендер. В этом случае приходится говорить о позиционном морфонологическом чередовании синонимичных формантов, которое дополняется реализацией твердого согласного перед [e] и в других частях слова: *тендер, стендер.* Безусловно, специфика освоения каждого отдельного форманта является уникальной, например, перед -*ёр* выступает обычно мягкий [н'], а твердый воспринимается как грубое нарушение нормы, *пионёр, пансионёр, пенсионёр, концессионёр, миссионёр, коммиссионёр, кондиционер, оппозиционер, коалиционер, милиционер, акционер, реакционер.* А парные зубные [д], [т], [з], [с] и [р] чаще всего реализуются в твердом варианте как перед ударным, так и перед безударным -*ер* в речи представителей разных поколений: *рекордер, газгольдер, польдер, лазер, мазер, фрезер, кайзер, дефибрер, когерер, фюрер, миксер, диспансер, несесер, кратер, катетер, свитер, пресвитер.*

Таким образом, в произношении данных слов мы сталкиваемся либо с отклонением от орфоэпической нормы, либо с ее вариативностью, которая распространяется на заимствованные слова. Причины появления фонетической вариантности могут объясняться как действием внутренних законов языка, например, прекращением действия внутрислогового сингармонизма, так и действием социальных факторов, например, поколенческих. Относительно «смягчения» твердых согласных перед [e] часто говорится, что этот процесс идет медленно и неравномерно, однако, как показывают полученные данные, в этом процессе возможны откаты назад или даже в определенных позициях прекращение действия позиционной замены. Очевидно, что незначительная повторяемость того или иного явления в узусе не может ставить вопрос о нормативности этого явления. Непосредственное наблюдение дает исследователю возможность наблюдать узус, фиксировать его и пытаться квалифицировать не столько с позиции «правильности» или «неправильности», сколько с позиции четкого описания условий проявления.

Экспертная оценка этого явления представляется весьма затруднительной, так как требуется более полное и разностороннее изучение позиций, наблюдение за большим количеством носителей на протяжении значительного промежутка времени. Помимо этого до настоящего времени отсутствуют общие критерии оценки вариативных явлений в языке, так как одни эксперты считают решающим признаком частотность, другие – следование аналогиям,

третьи – соответствие тенденциям, и если первый критерий поддается измерению, то остальные могут быть весьма субъективными.

Список литературы

- Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 789 с.
- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* О процессе разрушения позиционных чередований в современном русском языке // Проблемы фонетики V : сб. научных статей. – М. : Наука, 2007. – С. 172–180.
- Орфоэпический словарь русского языка : Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. – М. : Русский язык, 1988. – 704 с.
- Резниченко И.Л.* Орфоэпический словарь русского языка : Произношение. Ударением – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 1182 с.
- Пожарицкая С.К.* Орфоэпия в эпоху корпусной лингвистики : динамика вариантов и их оценка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2017. – Т. 13 : Культура русской речи / под ред. А.М. Молдавана. – С. 474–488.

Е.В. Коренева[©]

СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕБНИКИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ИСПАНОГОВОРЯЩИХ

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы преподавания РКИ в Испании, в частности, анализируются различные школы преподавания, созданные в разных испанских городах, а также тенденции, связанные с текущей политической и экономической ситуацией и запросами рынка труда. Указывается, что испанские преподаватели работают над созданием современных учебных пособий, отвечающих европейским стандартам, запросам сегодняшнего дня и модели (социальной, возрастной и т.п.) обучающихся, а также современным методическим требованиям и техническому оснащению занятий.

Ключевые слова: РКИ; методика преподавания; межкультурная коммуникация; русистика.

E.V. Koreneva^{*}

MODERN TEXTBOOKS ON THE RUSSIAN LANGUAGE FOR SPANISH SPEAKERS

Abstract. The article discusses the main issues of teaching RFL in Spain, in particular, it analyzes various teaching schools created in different Spanish cities, as well as trends related to the current political and economic situation and the demands of the labor market. It is indicated that Spanish teachers are working on the creation of mo-

© Коренева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: arco2001@yandex.ru

^{*} Elena V. Koreneva, Candidate of Philology, associate Professor of the Department of Spanish Faculty of foreign languages and regional studies Lomonosov Moscow State University, e-mail: arco2001@yandex.ru

modern teaching aids that meet European standards, the needs of today and the model (social, age, etc.) of students, as well as modern methodological and technical equipped.

Keywords: RFL; teaching methods; intercultural communication; Russian studies.

Преподавание русского языка в Испании возникло сравнительно недавно, в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. По мнению доктора филологических наук, профессора Гранадского университета Рафаэля Гусмана Тирадо, основная причина такого относительно позднего начала кроется в недостатке тесных и стабильных культурных, политических и торговых и связей между Россией и Испанией. Он пишет: «В отличие от стран-соседей – Франции, Германии, Италии, которые издавна имели культурные связи с Россией и традицию преподавания русского языка, в Испании культурно-исторические контакты стали развиваться только в 50-е гг. XX в.» [Гусман Тирадо, 2018, с. 4].

В настоящее время русскому языку обучают в университетах Мадрида, Барселоны, Гранады, Валенсии, Страны Басков, Аликанте, Саламанки, Сантьяго де Компостелы, Виго, Коруньи, Леона, Лас-Пальмас, Севильи, Малаги, Кадиса, а также во многих государственных (официальных) школах языков, в фонде «А.С. Пушкин» (Мадрид), Русском центре науки и культуры в Мадриде (Centro Ruso de Ciencia y Cultura), в Русском центре Университета Валенсии (Centro Ruso de la Universitat de València (UV), в частных школах языков и на курсах.

В Испании интерес к изучению русского языка заметно усилился в конце 80-х – начале 90-х годов, на фоне происходящих и в российском, и в испанском обществе изменений: появились перспективы развития экономических, торговых отношений, туризма и деловых связей, а также новые проекты сотрудничества в сфере культуры. По мере увеличения спроса возникают и многочисленные курсы русского языка в разных городах Испании. Также в 90-е годы открывается специальность «Славянская филология» на филологических факультетах Мадридского, Гранадского и Барселонского университетов, и в рамках этой специальности ведется обучение русскому языку, разрабатываются программы и учебные планы.

Следует сделать небольшое отступление и напомнить о том, что изучение языков и литератур в испанских университетах построено по-иному, не так, как в России. Как отмечает Ю.Л. Оболенская, в Испании традиционно существовали факуль-

теты философии и словесности, где и изучали языки, а факультеты искусств изучали художественную литературу как род искусства и часть культуры. За последние десятилетия испанские университеты претерпели ряд фундаментальных реформ, что и отразилось в создании новых программ и курсов. Курсы по литературе и даже общей лингвистике в учебных программах университетов и в структуре исследовательских подразделений относятся не к филологии, а к искусствоведению, соответствующим образом построенная и административная структура. Как правило, в университетах имеется большой факультет философии и словесности (*Filosofía y Letras*), на котором существуют кафедры (отделения) испанской, немецкой, арабской филологии и т.д., музыки, философии, иногда и переводческое отделение, либо оно выделяется в Школу перевода. Существующие на таких факультетах отделения общей лингвистики и литературы – обычно самые большие по количеству преподавателей – но в структуре факультета оказываются ближе не к филологии, а к искусствоведению. Это отражается как в учебных программах и предлагаемых курсах этого отделения – они, как правило, синтетические (включают, например, также курсы по музыковедению и различным аспектам визуальной культуры), а в том, что касается лингвистики, на них изучаются в основном коммуникативные аспекты, которые превалируют и в направлениях научных исследований. Публикуемые монографии, статьи, диссертации в большинстве своем также имеют синтетический характер, объединяя анализ произведений различных видов искусств. «Язык (как система) и речь, понимаемая как совокупность речевых явлений и речевых продуктов, как слово и высказывание – все то, что собственно и является предметом изучения филологии – в испанской общей лингвистике рассматривается сравнительно редко. Для испанской лингвистической школы язык сегодня – это все чаще лишь один из возможных способов коммуникации наравне с другими знаковыми системами» [Оболенская, Шевелева, 2018, с. 12].

После 2011 г., когда в Испании была проведена реформа высшего образования, изучать русский язык на университетском уровне стало возможно в рамках филологического направления, по специальности «Современные языки и литературы» (как второй язык, с первым европейским языком), или по специальности «Общая лингвистика», согласно плану обучения, определенному Болонским соглашением, чаще вместе с предметами «История русской литературы», «Русская история и культура» и др.

Итак, если говорить об университетах Испании, то преподавание русского языка обычно сосредоточено на отделениях филологического факультета, либо на отделении (факультете) перевода, либо в существующей обычно при университете официальной Школе языков, причем преподаватели обычно совмещают работу во всех этих административных образованиях. Основные векторы – изучение русской грамматики, русской литературы, перевод. Обучение русскому языку включено в учебный план, в котором русский язык представлен в качестве второго иностранного и предлагается по выбору. Так, в Университете Страны Басков изучение русского языка включает 54 обязательных кредита на переводческом отделении и 48 кредитов для студентов-филологов. Для студентов-переводчиков, которые выбирают русский язык, программа состоит из пяти обязательных уровней и одного дополнительного. Для филологов программа включает в себя два обязательных и два факультативных уровня. Кроме того, студенты-переводчики получают три обязательных уровня общего и специализированного перевода с русского языка на испанский или баскский.

Но изучение русского языка в Испании не ограничивается лишь университетскими аудиториями и Школами языков. Кроме филологов и переводчиков, которые профессионально занимаются языком, есть много людей, желающих познакомиться с русским языком и русской культурой. Это связано с тем, что с 90-х годов прошлого века, с «открытием границ» и расширением российско-испанских связей, многие представители бизнеса, журналисты, деятели культуры, сотрудники работающих на российском рынке компаний начали проявлять интерес к русскому языку. Огромный импульс дало развитие туристического рынка, культурно-просветительских проектов, развитие «горизонтальных» связей между организациями. Свою роль сыграла и покупка россиянами недвижимости в Испании. Стали появляться общественные центры и частные учебные заведения, в которых, в зависимости от спроса, открывались группы изучения русского языка.

Как уже отмечалось, кроме университетов, значительное количество слушателей обучается в Официальных школах языков (Escuelas Oficiales de Idiomas), организованных отделами образования муниципалитетов. Школы работают при Министерстве образования, культуры и спорта Испании и входят в систему среднего специального образования. Другие негосударственные организации, такие как Фонд «Александр Пушкин», Русский центр науки и культуры тоже приглашают изучать русский язык в группах разного

уровня и для разного возраста. Эти занятия стали центром притяжения для всех, кто симпатизировал России, интересовался ее культурой и хотел знать больше о стране.

Большое влияние на укрепление российско-испанских связей и внимание к России оказал тот факт, что с середины 90-х годов испанские семьи начали усыновлять русских детей-сирот. Это очень серьезная тема, которая, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения. Но нужно отметить, что испанские родители сделали все возможное не только для того, чтобы принять детишек из России, дать им дом, заботу, любовь и тепло, много сделали для того, чтобы вырастить их здоровыми. Многие усыновители считали необходимым обучать детей русскому языку, русской культуре, сами учились вместе с ними. Такие занятия были предложены, в частности, фондом «А.С. Пушкин». В фонде проводятся и дополнительные мероприятия для всех, кто интересуется русским языком и русской культурой – праздники, тематические вечера, вечера поэзии, показ кинофильмов с обсуждением, кулинарии, народного творчества, игры. Изучают русский язык и дети смешанных браков и русских семей, проживающих в Испании. Некоторые увлеклись русским языком под влиянием русскоязычных нянь. Летом, по окончании занятий, предоставляется возможностью поехать в детские лагеря, в которых фонд организует занятия по русской культуре и языку. Более старшие слушатели могут совершить поездки в Россию, где практикуют русский язык и знакомятся «на месте» с жизнью в русских городах. Подобные поездки организует и «Русский центр науки и культуры». Русские преподаватели приглашаются и для дополнительных занятий с детьми по живописи, музыке и пению, рукоделию, что привлекает и детей, и их родителей.

С 2015 г. в Испании, следуя общемировой тенденции более раннего начала изучения иностранного языка, стали организовывать занятия русским языком для детей четырех – шести лет. Уроки русского языка и культуры стала предлагать и воздвигнутая в испанской столице русская православная церковь. Занятия здесь были организованы православным священником, отцом Андреем, и лучшими русистами Университета Комплутенсе – большими энтузиастами своего дела. Правда, в последние три-четыре года международная обстановка несколько осложнилась, и, как следствие, в Испании сократилось количество желающих изучать русский язык (по данным фонда «Александр Пушкин», примерно на 20–25%).

Как видим, аудитория изучающих русский язык в Испании достаточно многоплановая, русский язык изучается людьми разно-

го возраста и для разных целей. Меняется и методология, и техническое оснащение самого процесса преподавания. Соответственно, меняются и учебно-методические материалы. В основном, до сегодняшнего дня как в университетах, так и на курсах русского языка используются учебные пособия по РКИ, изданные в России. Так, комплекс «Русский язык для всех» (под редакцией академика В.Г. Костомарова), включающий в себя учебник, приложение для занятий аудированием, книгу для чтения, методическое руководство для преподавателей и грамматический справочник на испанском языке, долгое время служил опорой для всех обучающихся русскому языку. До настоящего времени на начальном этапе обучения наибольшей популярностью пользуется учебный комплекс Л. Миллер, Л. Политовой и И. Рыбаковой «Жили-были. 28 уроков русского языка для начинающих». Широкое распространение получил в Испании и УМК «Поехали» (под редакцией В. Чернышева). Среди дополнительных материалов, активно используемых на занятиях, «Русский язык: 5 элементов» Т. Эсмантовой, сборник упражнений С. Хаврониной и А. Широченской, пособие «Повторяем падежи и предлоги» В. Ермаченковой, сборники адаптированных текстов для чтения И. Курловой, «Шкатулка» и «Шкатулочка» (оба – под редакцией О. Чубаровой). Все эти пособия ориентированы на самый широкий круг изучающих русский язык, без учета страны, возраста, цели изучения языка. Поэтому нередко преподаватели вынуждены адаптировать материалы этих учебников для своих занятий или создавать собственные материалы на их основе. Что же касается учебников РКИ, ориентированных именно на испаноязычных студентов, то первый учебник русского языка, изданный в Испании, «Lecciones de ruso» (автор – Мария Санчес Пуиг), вышел в 1975 г. в издательстве Мадридского автономного университета. Этот учебник и сейчас пользуется популярностью. Но до недавнего времени ощущалась нехватка пособий коммуникативной направленности, небольших книг для чтения с заданиями и упражнениями. В то же время нет и учебника, который мог бы стать базовым для занятий по русскому языку для двуязычных детей.

В 2003 г. в Мадриде была сформирована рабочая группа Russica-6, целью которой стало создание новых учебников и пособий по русскому языку, в соответствии с принятыми европейскими стандартами и программами. В результате плодотворной работы в соавторстве с российскими филологами в Испании появились новые учебные пособия по русскому языку, такие как, например, Gramática asociativa de la lengua rusa. Principios activos [Karaúlov,

Sánchez Puig, 2000] и учебное пособие для бизнесменов *Ruso para los negocios* [Ruso para los negocios, 2005]. Авторским коллективом Russica-6 были созданы дидактические комплексы Russica-6: *Curso completo de lengua rusa. Niveles básico, medio y avanzado. 2 vols.* [Russica-6. Curso completo de lengua rusa. Niveles básico, medio y avanzado, 2008].

Новые УМК базируются на коммуникативной методике, создаются в соответствии с международными стандартами, обще-европейской шкалой владения языками. Они, как правило, состоят из учебного пособия, рабочей тетради, компакт-диска. В качестве примера можно привести серию пособий барселонской школы языков Русский язык. *Ruso para hispanohablantes*, подготовленных в сотрудничестве с издательством Herder. Также получили распространение и стали востребованными учебники *Manual de lengua rusa* [Látysheva, Quero Gervilla, Guzmán Tirado, 2002], *Lengua Rusa, curso básico. Material didáctico* [Kaláshnikova-Shamshúrina, Kaláshnikov, 2005], *Método de lengua rusa. Nivel A1* [Maliávina, 2011]. Произносительным нормам русского языка посвящено пособие *Fonética rusa para hispanohablantes. Русская фонетика. Учебное пособие для говорящих на испанском языке*, вышедшее в Гранадском университете [Fonética rusa ..., 2017]. Коллективы авторов, работающих над созданием современных учебников по РКИ для Испании, появились не только в Мадриде, Барселоне и Гранаде, но и в Валенсии, в Саламанке и других городах.

С середины второго десятилетия XXI в. и в России, и в Испании осознается необходимость подготовки к межкультурному диалогу и эффективному общению в многоязычном пространстве. Преподавание русского языка с позиций межкультурного диалога находит научное осмысление в статьях [Fernández Bueno, 2017] и обсуждается на конференциях, а также находит практическое воплощение в новых учебно-методических комплексах. В рамках этого направления был разработан международный российско-испанский проект – Национально ориентированное учебно-методическое пособие по чтению и развитию речи для испаноязычных студентов «Россия и Испания: диалог культур», финансируемый фондом РФ «Русский мир» [Rusia y España: Diálogo Intercultural. Manual práctico de lectura y perfeccionamiento de la lengua rusa (+CD) para hispanohablantes (A1–A2 y B1–C1), 2013]. Отдельные части учебника отражают различные стороны взаимодействия русской и испанской культур: тексты рассказывают о культурно-историческом диалоге Испании и России, о русско-испанских

литературных связях и контактах в области искусства (испанские мотивы в творчестве А. Пушкина, И. Тургенева и Ф. Достоевского, испанские мотивы в русской музыке и др.). По мнению составителей учебника, это «инновационное учебно-методическое пособие для испаноязычных студентов ориентировано на поиск и выделение межкультурных соответствий и различий на концептуальном уровне и позволяет эффективно использовать РКИ в реальных условиях межкультурной коммуникации. Разработка и внедрение данной образовательной модели рассматривается как фактор модернизации методов преподавания РКИ и популяризации русской культуры в испаноязычной аудитории». К проекту проявили интерес не только вузы и государственные языковые школы Испании, но и многие коммерческие организации.

Современные учебные пособия по грамматике русского языка имеют четкую прагматическую направленность. Все задания, схемы, таблицы направлены на осуществление успешной коммуникации. Представление пособий в электронном виде, а также сопровождение их ключами отвечает современным требованиям к самостоятельной работе студентов.

Если еще в начале 2000-х годов многие преподаватели русского языка в Испании ощущали недостаток сборников литературных текстов и книг для чтения, то в последнее время появились учебные пособия такого типа, причем существенным является то, что они ориентированы на читателей не только разного уровня владения языком, но и разного возраста. Чтение художественной литературы, как известно, помогает не только более успешно овладеть языком, но и понять особенности менталитета и духовного строя людей, принадлежащих к другой культуре – культуре изучаемого языка.

Отрадно, что появились и книги для чтения, представляющие фольклорные тексты, прежде всего, для детей. Так, например, авторы учебного пособия «Баба Яга. Cuentos tradicionales para estudiantes de ruso» [Gorbatkina, Oganissian, 2007] видят задачу этой книги для чтения в том, чтобы через русские сказки учащиеся могли лучше понимать русских, ведь народные сказки часто цитируются в речи, современной литературе, кинематографе. Авторы начинают учебное пособие сказками «Репка» и «Колобок», указывая, что они лежат в основе русского культурного кода. За ними следуют сказки с известными европейскими сюжетами, при этом внимание сосредоточено на средствах русского языка и особенностях представления общих тем. Русские волшебные сказки и лите-

ратурные сказки А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого дополняют сборник, в котором каждый текст сопровождается вопросами, заданиями (с ключами), а также иллюстрациями для большей наглядности. Изучение данного учебного пособия создает эффект «погружения» в русскую культуру.

В заключение стоит коснуться вопроса тестирования, сертификации и экзаменов по РКИ различного уровня, их организации в Испании.

Каждый университет и учебный центр работает по собственным программам и стандартам обучения, что представляет широкий спектр разнообразных методик оценивания. Поэтому в Испании не существует и единой национальной системы официального тестирования владения РКИ. К наиболее общепризнанной системе оценивания можно отнести проведение экзаменов и выдачу сертификата Официальными школами языков, предлагающими возможность изучения русского языка на базовом, среднем и продвинутом уровнях и выдающими сертификат B1 и B2 [Государственный стандарт ..., 2001]. Через сеть Центров русского языка или по договоренности с одним из ведущих российских вузов в области тестирования (МГУ, СПбГУ, РУДН и СПбГУ) можно сдавать экзамены российским официальным тестерам и получать сертификат соответствующего образца. Уровни, выделяемые в системе тестирования ТРКИ (общее владение), соотносимы с уровневыми системами, принятыми в странах Европы [Балыхина, 2006]. Это позволяет «всем заинтересованным лицам (работодателям, организаторам процесса обучения, учащимся и др.) сопоставлять результаты обучения, достигнутые в рамках различных образовательных систем» [Зайнульдинов, 2009].

В последнее десятилетие рассматривается вопрос о создании национальной (испанской) системы тестирования уровня владения РКИ, которая позволила бы учащимся разных испанских учебных центров сдавать экзамен и получать сертификат (по крайней мере, на уровнях A1–B2), объективно оценивающий их уровень владения русским языком и соответствующий программам образования и учебным планам испанских учебных заведений. За основу может быть принята шкала CEFR или ALTE. Проблемы стандартизации и признания разных систем тестирования, а также результатов экзаменов, должны быть решены с учетом опыта в отношении других языков. Это позволит и авторам, и разработчикам учебных материалов иметь более четкие ориентиры для создания новых методических комплексов.

Список литературы

- Балыхина Т.Б. Основы теории тестов и практика тестирования. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 241 с.
- Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. – М.; СПб.: Златоуст, 2001. – С. 1–28.
- Гусман Тирадо Р. О русском языке в Испании и в Гранадском университете // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Испании. – М., 2018. – С. 4–9.
- Зайнудинов А.А. Настоящее и будущее русского языка в Испании и Каталонии // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 102–107.
- Оболенская Ю.Л., Шевелева А.Ю. Актуальные тенденции испанского языкознания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 2. – С. 9–34.
- Россия и Испания: диалог культур / Rusia y España: diálogo intercultural. Manual práctico de lectura y perfeccionamiento de la lengua rusa para hispanohablantes (A1-A2 y B1-C1) (En coautoría con L. Sokolova, S. Kibal'nik, I. Mokletsova, L. Safronova). – Granada : Jizo Ediciones, 2013. – 372 c.
- Fernández Bueno A. El aprendizaje de lenguas como factor de cohesión social en la sociedad plurilingüe: reflexión en torno al cambio funcional de la enseñanza y aprendizaje de lenguas extranjeras // Ибероамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos. – 2017. – № 2 (16). – С. 15–27.
- Фонетика руса для испаноязычных = Русская фонетика : Учебное пособие для говорящих на испанском языке / Esakova M., Litvinova G., Quero Gervilla E.F., Quero Gervilla A., Haratsidis E. – Granada : UGR, 2017. – 221 c.
- Gorbatkina M., Oganissian M. Baba Yaga. Cuentos tradicionales para estudiantes de ruso. – Herder, 2007. – 120 p.
- Karaúlov Yu. N., Sánchez Puig M. Gramática asociativa de la lengua rusa. Principios activos. – Madrid : GRAM Ediciones, 2000. – 253 p.
- Maliávilina S. Método de lengua rusa. Nivel A1. – Madrid, 2011. – 100 p.
- Latysheva E., Quero Gervilla E., Guzman Tirado R. Manual de lengua rusa. – Granada : Universidad de Granada, 2002. – 422 p.
- Kalashnikova-Shamshurina S., Kalashnikov A. Material didáctico de la gramática rusa para los extranjeros de las facultades no filológicas. – Madrid : Stockero. – 2005. – 320 p.
- Rusia y España : Diálogo Intercultural. Manual práctico de lectura y perfeccionamiento de la lengua rusa (+CD) para hispanohablantes (A1–A2 y B1–C1) / Guzmán Tirado R., Sokolova L., Kibalnik S., Mokletsova I., Safronova L. – Granada : Jizo Ediciones, 2013. – 371 p.
- Ruso para los negocios / Klobukova I., Michálkina I., Chavránina S., Quero E., Quero A., Guzmán R. – Madrid : Centro de Lingüística Aplicada Atenea, 2005. – 278 p.
- Russica-6. Curso completo de lengua rusa. Niveles básico, medio y avanzado / Sánchez Puig M. coord.; Drosdov Diez T., Pérez Molero P., Rojlenko A., Statsyuk V., Usiatinskaya I. – 2 vols. – Madrid, 2008. – 388 p.

М.Б. Раренко¹

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования русского языка на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии начиная с первых русско-английских контактов в XII в. С тех пор отношение к русскому языку и русской культуре претерпели значительные изменения. Были периоды повышенного интереса к России со стороны Великобритании, как и периоды «охлаждения». Среди основных причин интереса к России, русскому языку и русской культуре следует назвать коммерческие отношения, интерес к русской литературе, достижения отечественных ученых в разных областях науки и техники, а также туризм.

В последние годы, в силу ряда причин, приходится констатировать в Великобритании снижение интереса к изучению русского языка среди студентов и школьников и в то же время стабильный спрос на специалистов со знанием русского языка.

Ключевые слова: русский язык; английский язык; языковые контакты; заимствование; русский язык как иностранный; русский язык в Англии; русизмы; изучение русского языка в Соединенном Королевстве.

¹ **Раренко Мария Борисовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; e-mail: rarenco@rambler.ru

**ON STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN
AND NORTHERN IRELAND**

Abstract. The Russian language functioning in the territory of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland is considered in the article since the first Russian-English contacts in the XIIth century. Since then, the attitude to the Russian language and Russian culture in general has undergone significant changes. There were the periods of increased interest in Russia from the UK citizens, as well as the periods of «cooling». The Russian language and the Russian culture are the main reasons for the interest in Russia, as well as the commercial Russian-English relations, the English interest in the Russian literature, the achievements of the Russian scientists in various fields of science and technology, and tourism.

Learning the Russian language has been declining among the British students and schoolchildren in the recent years, for a number of reasons, and at the same time there is a stable demand for the specialists with knowledge of Russian in the UK.

Keywords: the Russian language; the Russian culture; the Russian literature; the English language; language contacts; borrowings; Russian as a foreign language; the Russian language in England; the Russian borrowings; learning Russian in the United Kingdom.

Работ, посвященных вопросу изучения русского языка в Великобритании, не так много, но интерес к данной проблеме внутри академического сообщества, безусловно, есть, о чем свидетельствуют ряд публикаций отечественных и зарубежных исследователей (см, например: [Алексеев, 1984 а; Алексеев, 1984 б; Брагина, 2010; Будагов, 1977; Виноградов, 1945; Герд, 1858; Грищенко, 2010 а; Грищенко, 2010 б; Грищенко, 2011; Миссионеры русского языка и русской культуры в англо-немецком мире (XVI – I пол. XX вв.); Грищенко, 2013 а; Грищенко, 2013 б; Костомаров, 1974; Костомаров, 1975; Cleminson, 1994; Firth, 1929; Forbes, 1910; Forbes, 1916; Macray, 1854; Morfill, 1890; Richards, 1965; Simmons, 1950; Simmons, 1980; Stone, 2005 и др.]). История изучения русского языка англичанами началась более восьми столетий назад. В XII в. в Лондоне была создана Русская торговая компания, и с этого момента, как полагают исследователи, можно говорить о начале

* **Maria B. Rarenko**, Candidate of Philology (PhD), Senior Research Fellow the Centre for Linguistics Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: rarenco@rambler.ru

изучения русского языка на территории Великобритании. Следует отметить, что интерес к русскому языку у англичан был вызван не только практической – коммерческой – необходимостью, но и искренним любопытством к далекой, неизвестной стране и ее жителям, уклад жизни которых никак не был похож на свой собственный.

Первоначально «изучение» русского языка ограничивалось запоминанием отдельных русских слов и словосочетаний, фраз, которыми обменивались русские и английские торговцы при заключении сделок. Так, в английский язык вошли некоторые русские слова (см. выше).

Однако собственно история изучения русского языка как иностранного в Англии начинается тогда, когда торговля с Россией становится регулярной и начинает вестись «напрямую», а это произошло только в XVI в., когда, наконец, устанавливаются прочные торговые связи между двумя странами, чему способствовало, с одной стороны, создание в 1554 г. в Лондоне королем Филиппом и королевой Елизаветой I Московской компании (Moscow Company), а с другой, полученная в конце XVI в. Елизаветой I от Бориса Годунова грамота, дававшая разрешение англичанам разрешение вести торговые дела на территории Российского государства. Следует напомнить, что в то время на службе в России находилось большое количество иностранных поданных – докторов, аптекарей, мастеров корабельных дел, военных и пр., в том числе и из Англии; многие из них жили в Москве, в Немецкой слободе. По возвращении спустя некоторое время домой в Англию они делились своими впечатлениями о России, часто их записывали. Описывая русский быт и уклад, часто использовали русские слова для обозначения реалий, отсутствующих в роной культуре. Приблизительно с XVI в. отмечается увеличение количества писем, дневников, дипломатических отчетов знаменитых и малоизвестных английских поданных, в которых они рассказывают о России и ее жителях, что можно считать доказательством заинтересованности англичан Россией. Постепенно заинтересованность перерастает в настоящий интерес. Потребность же в общении с русскими воплощается в создании учебных пособий по русскому языку и словарей.

В последующие века усилившаяся торговая активность способствовала быстрому распространению русского языка в Англии. В конце XVII в. русский язык часто изучался так называемым «методом погружения», т.е. английские торговцы, имевшие определенные торговые интересы в России, отправляли своих сыновей в

Россию, где те изучали русский язык в непосредственном контакте с его носителями и при этом нередко жили в русских семьях.

В то же самое время в Англии появляется академический интерес к русскому языку. Как отмечается в специальной литературе, отдельные изучающие русский язык достигали весьма высоких результатов и даже составляли пособия по русскому языку для своих соотечественников, тем более что интерес к русскому языку постоянно увеличивался. В качестве примера упоминается Кристофер Бороу, которому приписывают авторство двух манускриптов на русском языке, которые практически невозможно было отличить от работ, созданных носителями русского языка. Более того, он отличал московскую норму русского языка от восточно-русских наречий (более подробно см.: [Брагина, 2010]).

Появившиеся в большом количестве учебные пособия по русскому языку, написанные как русскими авторами для своих соотечественников, так и составленные самими англичанами, в значительной степени помогали преуспевающим торговцам с Россией освоить чужой язык. Сегодня в библиотеках Великобритании можно встретить манускрипты XVI в. и книги на русском языке, напечатанные в России в XVII в. и привезенные в страну английскими торговцами. Сохранившиеся в некоторых изданиях пометки свидетельствуют о неподдельном интересе англичан к русскому языку и стремлении его постичь.

Первая из известная на сегодняшний день грамматик русского языка в Англии была опубликована в Оксфорде в 1696 г. Ее автором, правда, был не англичанин, а немец – Х.У. Лудольф. Грамматика Лудольфа было написана на латыни, представляла собой академическую дескриптивную грамматику, однако поскольку в нее автор включил структурированные тематические списки слов русского языка, а также диалоги, употребляемые в каждодневных ситуациях, дополнительно переведенные на немецкий язык, служила прообразом современного двуязычного разговорника и, следовательно, пользовалась большим спросом у желающих освоить русский язык (более подробно см. [Ларин, 1937]).

В XVIII в. связи между двумя государствами, а соответственно и интерес к русскому языку и культуре, значительно возросли, что было также обусловлено экономическими интересами, поскольку на территории России начали открываться английские заводы и фабрики. Одним из первых английских заводов стал завод, открытый в 1723 г. в Санкт-Петербурге, и знание русского языка из преимущества превратилось в необходимость. В 1730 г.

учебник по французской и русской грамматике на 64 страницах под названием «Grammaire françoise et russe en Langue moderne accompagnée d'un petit dictionnaire pour la facilité du commerce» (Грамматика французская и русская на современном языке, снабженная маленьким словариком для упрощения торговли) был без имени автора издан в Санкт-Петербурге. Следует отметить, что языком-посредником стал французский язык: на нем излагались в учебнике основы грамматики русского языка. Авторство учебника приписывалось довольно известному в то время переводчику Ивану Семеновичу Горлицкому (1688–1777)¹. В последующие годы этого же столетия были опубликованы еще несколько грамматик русского языка на французском и немецком языках, однако на английском языке не было издано ни одной русской грамматики. Таким образом, постигать основы русского языка англоговорящим коммерсантам приходилось по учебникам, написанным на других языках вплоть до 1784 г., когда в Санкт-Петербурге Проктор Жданов издал словарь русского и английского языков «Словарь английский и российской» [Жданов, 1784].

В последующие десятилетия были изданы еще несколько грамматик русского языка. В 1822 г. в Санкт-Петербурге был издан справочник по изучению английской и русской грамматики, видимо, составленный специально для англоговорящих, в котором составитель, авторство которого не было установлено (известны лишь инициалы автора-составителя – WHMD и есть предположение, что справочник составлен женщиной), описал грамматику двух языков, основываясь на своем языковом опыте и опыте общения с носителями другого языка (более подробно см.: [Брагина, 2010]).

Среди популяризаторов русского языка и литературы в Англии следует назвать Д. Боуринга (Sir John Bowring: 1792–1872), переводчика-энтузиаста, который заинтересовался русской поэзией, а результатом его интереса стали два тома «Российской антологии» (Т. 1–1822 г., Т. 2–1823 г.). В «Российскую антологию» вошли переводы на английский язык поэтических произведений

¹ В настоящее время исследователи ставят авторство И.С. Горлицкого под сомнение (см., например: Власов С.В., Московкин Л.В. К вопросу об авторстве анонимной «Грамматики французской и русской» (1730): Версия В.П. Вомперского // Филология и наука. – 2016. – № 2 (44). – С. 31–37). – *Прим. М. Р.*

русских писателей, а также переводы произведений устного народного творчества [Bowring, 1822; Bowring, 1823].

Заслуживает упоминания и просветительская деятельность Я.И. Герда (James Arthur Heard: 1799–1875), известного, прежде всего, как основателя Школы взаимного обучения в России (так называемая Ланкастерская метода). Созданные Я.И. Гердом «Практическая грамматика русского языка» (1827) и «Фразеология русского языка» (1840) сыграли важную роль в популяризации русского языка, российской истории и культуры [Heard, 1827; Heard, 1840]. Вышедшая в Санкт-Петербурге «Практическая грамматика русского языка» стала первым учебным пособием по русскому языку для англичан. Данный учебник объединил в себе дескриптивные моменты и практические элементы, которые по преимуществу проявлялись в том, что автор составил тематические списки слов и поместил их в заключительную часть книги. Среди тематических списков – духовные объекты, титулы, формы принятых в обществе обращений, ранги, меры веса, длины и пр. Также в учебном пособии представлены тексты для чтения и диалоги, вероятно, для запоминания и последующего воспроизведения в схожих ситуациях. Также следует отметить, как важный вклад в развитие англо-русских языковых контактов и как их признание, вышедший в первую половину XIX в. англо-русский словарь в четырех книгах (или томах). Таким образом, можно говорить, что истоки академического интереса к русскому языку в Англии уходят в начало XIX в.

Значительный вклад в распространение русского языка в Великобритании внес известный российский и швейцарский лексикограф Карл Филипп Рейф, известный в России как Филипп Иванович Рейф (Carl (Charles) Philipp Reiff, 1792–1872), приехавший в молодом возрасте в качестве домашнего учителя из Швейцарии в Россию, выучивший русский язык и посвятивший его преподаванию свою жизнь. Его труды по лексике и грамматике русского языка (в общей сложности пять работ – три словаря и два учебных пособия) были отмечены российскими государственными наградами. Так, в 1853 г. была издана «Англо-русская грамматика», в 1858 г. – «Краткое руководство по русскому языку». В своих учебниках Ф.И. Рейф тщательно отбирает учебный материал, при этом приводит фрагменты из произведений русских авторов, знакомит своих соотечественников с русской культурой [Reiff, 1853; Reiff, 1872].

Английский филолог и переводчик В.Р. Рольстон (William Ralston: 1829–1889) знакомит соотечественников не только с трудами русских классиков, но и с русским народным поэтическим творчеством: В.Р. Рольстон изучал не только русскую классику (он написал ряд статей, посвященных русским классикам и их произведениям), он также издал несколько книг, куда вошли произведения русского фольклорного творчества: «Песни русского народа» (1872), «Русские сказки» (1873). Помимо этого, он разработал курс лекций по истории России, вышедший отдельной книгой – «История Древней Руси» (1874), а также перевел на английский язык некоторые произведения И.А. Крылова и И.С. Тургенева [Ralston, 1872; Ralston, 1873; Ralston, 1874].

Благодаря еще одному английскому языковеду – В.Р. Морфилу (Morfill: 1834–1909) курс русского языка вошел в систему высшего образования Великобритании наравне с курсами других современных языков. Ему принадлежат в общей сложности 11 книг по славистике. Одной из первых работ В.Р. Морфила стала книга «Славянская литература» (1883). В последующие годы им были написаны несколько славянских грамматик, одна из них – «Грамматика русского языка» (1889). Преподавательская деятельность В.Р. Морфила во многом была связана с Оксфордским университетом: в 1889 г. В.Р. Морфил был назначен куратором русского языка в Оксфорде, а с 1890 г. – профессором русского и других славянских языков [Morfill, 1883; Morfill, 1889].

Помимо довольно большого числа изданных учебников и пособий по русскому языку и культуре, во второй половине XIX в. произошло еще несколько важных событий на пути институализации русского языка в Англии. Преподавательскую деятельность Ф.Г. Тришина (1849) следует считать началом изучения славистики в Оксфорде, а в 1869 г. в университете была создана кафедра сравнительной филологии. Спустя еще десять лет, в 1879 г., благодаря поддержке Графа Илчестерского, завещавшего значительные средства на организацию исследований в области славянских языков, истории и литературы, был создан фонд его имени – Фонд Илчестера, основными задачами которого являлись организация лекционных курсов, финансирование публикаций и присуждение наград и стипендий в области славистики, что, безусловно, повысило статус русского языка в стране и способствовало усилению роста числа изучающих славянские языки, русского прежде всего.

Во второй половине XIX в. основной мотивацией к изучению русского языка по-прежнему остается участие английских

торговцев в торгово-экономических отношениях между Англией и Россией, что нашло отражение в учебной литературе того периода: пособия по изучению русского языка изобиловали лексикой торгового дела и содержали разделы, посвященные деловой корреспонденции, а несколько позже стали появляться учебники, в которых была представлена исключительно узкопрофессиональная торговая лексика.

Значительное укрепление военной мощи Российской империи в XIX в., территориальное ее расширение заставило обратить на себя внимание и начать серьезное изучение русского языка на базе вооруженных сил Великобритании, а необходимость общения нанятых российским командованием британских офицеров с русскими побуждала последних к изучению языка, что осуществлялось до XIX в. преимущественно прямым методом – непосредственно через общение с русскоязычным населением. В этот период в словарях и учебных пособиях появляется новый лексический раздел «Армия и Флот».

На рубеже XIX–XX вв. англичане «открыли» для себя мир русской литературы и у них появилась еще одна мотивация для изучения русского языка – желание читать русскую литературу в подлиннике, что подтверждается высказываниями ведущих британских филологов: В.Р. Морфила, М. Бэринга, Л.У. Фелпса, Л.А. Магнуса, К.Е. Турнера, Г.П. Биддле и т.д. В этот период во многих учебниках и пособиях по русскому языку встречаются фрагменты из произведений русских писателей, а также появляется новый жанр учебной литературы – хрестоматия. Более того, англоязычные критики оставляют положительные рецензии на работы русских писателей, чем стимулируют интерес как к русской литературе, так и к русскому языку и культуре в целом.

Желание узнать больше о культуре России, понять «русский характер», загадочную для европейцев «русскую душу» стало одним из важных причин изучения русского языка, а поскольку «самый лучший способ узнать народ – это выучить его язык» [Harrison, 1915, P. VIII], то британцы с большим энтузиазмом принялись постигать азы русской грамматики, надеясь через нее, понять образ мысли русского человека.

1903 год ознаменовался созданием в Оксфорде факультета иностранных языков, а в 1904 г. русский язык был добавлен в список языков, по которым разрешалось сдавать выпускные экзамены, а в дальнейшем была сформирована кафедра русского языка (1944) под руководством С.А. Коновалова (1899–1982), которой он руко-

водил до 1967 г. Обращает на себя внимание тот любопытный факт, что первым преподавателем русского языка в Оксфорде был не англичанин, а швейцарец Фредерик Трифен, при этом еще и проводивший все свое детство и юность в Одессе. Его научные интересы были весьма обширны и включали основные области лингвистики того времени – санскрит и сравнительную филологию, однако первым курсом лекций, который он прочитал в английском университете, был курс «Язык и литература России», вызвавший большой интерес.

Спустя некоторое время русский язык стал преподаваться и в других учебных заведениях Англии [Cleminson, 1994]. К концу Первой мировой войны количество университетов в Англии и Уэльсе возросло с двух до двенадцати, и в девяти из них были образованы кафедры русского языка или славистики, на которых преподавался русский язык. Следует, однако, отметить, что, поскольку изучение русского языка, как и становление новых университетов, и открытие отдельных кафедр, финансировалось представителями торгового и промышленного капитала и носило прагматический характер, что объяснялось потребностями бизнеса, то изучение языка ограничивалось узкоспециальными целями, а изучению культуры и истории России уделялось, если вообще уделялось, минимальное внимание.

В XX в. учебные пособия по русскому языку продолжают издаваться. Их ценность заключается прежде всего в том, что авторами выступают преподаватели-практики. Одним из них был Н. Форбс (Nevill Forbes: 1883–1929), чья долгая педагогическая деятельность в сфере высшего образования Великобритании была высоко оценена коллегами и студентами. С самого начала своей карьеры Н. Форбс сконцентрировал внимание на создании учебных пособий по русскому языку. Первая из его работ – «Русская грамматика» (1914) – продолжала издаваться на протяжении всего XX в. Последнее ее переиздание датируется 1990 (!) г. Также им были созданы еще четыре учебных пособия по русскому языку, объединенные автором в единый учебно-методический комплекс: «Первая книга: практическое пособие по русским склонениям» (1915); «Вторая книга: практическое пособие по русским глаголам» (1916); «Русский язык, книга третья» (1917); «Русский язык, книга четвертая» (1918). Во время работы над учебно-методическим комплексом Н. Форбсом были созданы еще две книги в помощь изучающим русский язык: «Книга для чтения» (1916); «Русская грамматика для начинающих» (1919). Стремление

познакомить британских студентов с произведениями русских писателей и поэтов вдохновило Н. Форбса на работу над серией хрестоматий «Оксфордские русские адаптированные тексты» («Oxford Russian plain texts») [Forbes, 1910; Forbes, 1914; Forbes, 1916].

Значительная роль в продвижении знаний о русском фольклоре и русском языке в Великобритании принадлежит переводчику с русского языка на английский Л.А. Магнусу (Leonard Arthur Magnus, 1880–1924), который перевел три книги: «Слово о полку Игореве» (1915)¹, «Русские сказки» (1915) и «Героические былины России» (1921). Еще одной заслугой Л.А. Магнуса считается разработанный им учебник «Краткая грамматика русского языка» (1916) [Magnus, 1916; Magnus, 1921].

Б. Пэрес (Bernard Pares, 1867–1949), известный ученый, профессор русской истории, литературы и русского языка, а также корреспондент лондонских газет «Вестминстерская газета» («Westminster Gazette») и «Ливерпульский курьер» («The Liverpool Courier»), внес большой вклад в укрепление русско-британских отношений и распространение знаний о России и русском языке в англоязычном мире. Продолжив профессиональную деятельность в Ливерпульском университете в качестве доцента по Новейшей истории России (Reader in Modern Russian History, 1906–1908 гг.), он на протяжении более чем восьми лет, в период с 1908 по 1917 гг., возглавлял в университете кафедру Русской истории и литературы (The Chair of Russian History and Literature). Б. Пэрес выступил инициатором создания Школы русских исследований (School of Russian Studies) (она была основана на базе Ливерпульского университета в 1907 г.), а также Школы изучения славянства Восточной Европы (School of Slavonic and East European Studies of the University of London), ставшей самым крупным центром в Великобритании по изучению истории, политики, литературы, социологии, экономики и языков Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы и России. Б. Пэрес принимал участие в организации Общества англо-русской дружбы (Anglo-Russian Friendship Committee), членами которого являлись представители британского парламента, английской церкви, бизнеса и прессы, а в 1911 г. выступил с инициативой создания журнала «Русское обозрение» («The Russian review»), редактором которого являлся в период с

¹ Текст был снабжен подробным комментарием для студентов, изучающих русский язык.

1912 по 1914 г. Б.Пэрес также участвовал в работе Англо-русского литературного общества (об Обществе более подробно см. ниже), деятельность которого с 1922 г. продолжилась под его руководством (1922–1930).

Следующим этапом в истории русского языка в Англии стало назначение в 1936 г. во главе славистики в Кембриджском университете дамы Елизаветы Хил, роль которой в преподавании русского языка в Англии сложно переоценить – она не только руководила кафедрой славистики в университете, но и стала организатором интенсивных курсов русского языка в период Второй мировой войны для английских солдат вооруженных сил, которые продолжались вплоть до 1950 гг. Благодаря знаниям, полученным на курсах, целое поколение англичан довольно хорошо говорило на русском языке, а многие из них даже стали преподавателями русского языка на вновь открытых кафедрах в университетах страны.

Таким образом, фактически всегда, начиная с момента возникновения интереса в Англии к русскому языку в XII в. и вплоть до настоящего времени, на изучение русского языка в Англии оказывали влияние экстралингвистические – в первую очередь, экономические и политические – факторы.

Эпохальным в изучении русского языка в Англии следует признать 1947 г., поскольку именно в этом году межведомственная Комиссия по восточным, славянским, восточноевропейским и африканским языкам (Commission of Enquire on Oriental, Slavonic, East European and African Languages) опубликовала отчет, в котором, среди прочего, говорилось о необходимости связать изолированные отделения по изучению славистики в университетах страны в единую сеть сотрудничающих между собой кафедр. Университеты Бирмингема, Кембриджа, Глазго, Лондона, Манчестера, Ноттингема и Оксфорда получили гранты для выполнения поставленной цели и, как результат, всего за пять лет, с 1947 по 1955 г., количество преподавателей, работающих на кафедрах славистики и восточноевропейских языков, увеличилось с 20 до 60 человек (многие из них закончили упомянутые выше интенсивные курсы русского языка). К 1960 г. русский язык преподавался уже в 13 университетах страны, а количество преподавателей составляло 80 человек.

В 1961 г. Комитет по университетским грантам (University Grants Committee), во главе которого был бывший посол Великобритании в СССР сэр Вильям Хэйтер, подготовил еще один отчет, способствовавший дальнейшему развитию преподавания слависти-

стики и восточноевропейских языков в стране, в результате чего также увеличилось количество как преподавателей русского языка как иностранного, так и студентов.

А.Л. Арефьев отмечает, что «интерес населения стран Западной Европы к изучению русского языка стал расти после окончания Второй мировой войны и особенно ряда выдающихся достижений СССР, в том числе запуска в космос первого спутника в октябре 1957 г. и полета в космос Ю.А. Гагарина в октябре 1961 г. В школах и вузах стали вводиться программы по русскому языку. Его изучали также факультативно, открывались языковые курсы» [Арефьев, 2012, с. 273]. В результате в начале 1970-х годов в системе образования, а также вне академического сектора русский язык осваивали 125 тыс. человек, и прежде всего в ФРГ, Франции и Великобритании в 2,2 тысячах школ, почти в 150 вузах, а также на языковых курсах и в различных кружках. Период с 1970 по 1973 г. в Великобритании считается рекордным по количеству студентов, специализирующихся в изучении русского языка. По данным, приводимым А.Л. Арефьевым, в 1972–1973 учебном году в Англии общее число изучавших русский язык человек составило 28 000, русский язык преподавался в 802 школах и 40 вузах и курсах страны [Арефьев, 2012, с. 273]. Одной из причин повышенного интереса к русскому языку в XX в. в Великобритании следует признать интерес британских ученых к исследованиям, проводимым в СССР.

Как отмечает А.Л. Арефьев, «пиком интереса к русскому языку и культуре в странах Западной Европы стал конец 1980-х годов, что было связано с так называемой перестройкой и определенными ожиданиями от нее. В связи с большей открытостью СССР увеличился приток в Россию иностранных туристов и различных специалистов, в самих западных странах заметно возросло число изучающих русский язык в учебных заведениях и на языковых курсах» [Арефьев, 2012, с. 264]. В последующие годы, однако, ситуация с изучением русского языка стала стремительно меняться – в худшую сторону. С одной стороны, видимо, в стране произошло перепроизводство специалистов в области славистики и русского языка, в частности, в результате чего кафедры стали закрываться, а преподаватели начали терять работу, а с другой, – изменилась социально-политическая обстановка в мире: «В начале 1990-х годов, в связи с крахом перестройки и распадом самого СССР, интерес к России, превратившейся из мировой державы фактически в одну из развивающихся стран по многим социально-экономическим показателям, резко упал» [Арефьев, 2012, с. 264]. Наблюда-

ния А.Л. Арефьева подтверждаются данными по Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии. Снижение интереса к изучению русского языка в конце XX в. в Великобритании и Северной Ирландии сопровождается сокращением и закрытием кафедр славистики и русского языка по всей стране. В ряде регионов, например, Уэльсе они практически исчезли, а в Северной Ирландии, где количество изучающих русский язык в 1969 г. достигло пиковой отметки, когда русский язык изучали в девяти школах, на рубеже веков количество желающих изучать русский язык резко сократилось, и пять школ отказались от преподавания русского языка.

Начиная с 2000 г. вновь намечается интерес к изучению русского языка на территории Соединенного королевства. С 2000 по 2007 г. количество абитуриентов, подающих заявки на поступление на факультеты славистики в Англии, выросло на 40% и на 15% увеличилось количество учащихся. В Северной Ирландии также отмечается интерес к изучению русского языка, литературы, истории и страноведения. В Шотландии русский язык и культуру страны изучаемого языка сегодня можно изучать в трех университетах страны – в Глазго, в Эдинбурге и в университете Сент-Эндрюс. В Англии у интересующихся русским языком и культурой выбор несколько больше – русский язык преподается в четырнадцати университетах этого региона.

Что касается среднего образования, то русский язык преподается приблизительно в 6% государственных и 19% частных английских школ. Однако наибольшим спросом среди жителей Соединенного королевства пользуются курсы изучения русского языка [Брагина, 2010], и их число постоянно увеличивается, хотя и незначительно. Курсы, как правило, носят кратковременный характер – в среднем от 10 до 15 недель при одном занятии длительностью 1,5 часа в неделю, при этом основной мотивацией учащихся (это обычно люди от 26 до 50 лет) является интерес к России и русской культуре. Часть посещающих курсы русского языка в качестве цели изучения указывают возможность совершения туристической поездки. Любопытны статистические данные по изучающим русский язык как иностранный¹. Из 48 респондентов 56% составили мужчины, 44% – женщины. В настоящее время основ-

¹ Анкетирование было проведено среди изучающих русский язык «с нуля» на курсах PI® в институте высшего и дополнительного образования Belfast Metropolitan College (более подробно см.: [Брагина, 2010]).

ными причинами для изучения русского языка на территории Великобритании респонденты называют личный интерес (64%), туризм (25%) и профессиональную деятельность (11%). Большинство проявляющих интерес к русскому языку входят в возрастную группу от 36 до 50 лет (31%), люди старше 50 лет составляют 15% от общего числа изучающих русский язык, молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет проявляют умеренный интерес к изучению русского языка как иностранного – всего 11%, а молодежь в возрасте до 18 лет, как следует из опроса, русский язык не рассматривает как представляющий для них личный или профессиональный интерес – число изучающих русский язык в этой возрастной категории не превышает 3% [Брагина, 2010].

На развитие изучения русского языка в начале XX в., несомненно, повлиял тот факт, что во время Первой мировой войны, когда Россия выступала в качестве союзника Великобритании, правительство надеялось заменить все торговые отношения с Германией на торговлю с Россией.

Ситуация еще больше обострилась в связи с распадом СССР. Искусственно поддерживаемая советским правительством мотивация к изучению РКИ неожиданно перестала существовать, не успев смениться естественной мотивацией. Еще одной причиной спада популярности РКИ в Великобритании в данный исторический период можно назвать обостренное политической ситуацией восприятие России, как опасной восточной страны, полной угроз для здоровья.

Говоря о распространении русского языка на территории Соединенного Королевства, следует, на наш взгляд, рассмотреть еще один вопрос. В странах Западной Европы, в том числе и Соединенном Королевстве, проживают выходцы из России – российские эмигранты и их потомки от нескольких периодов эмиграции. Согласно А.Л. Арефьеву, общее количество эмигрантов в страны Западной Европы в 1990 г. было около 700 тысяч человек, однако их численность стремительно за последующие 10–15 лет после распада СССР и достигла в начале 2000-х годов своего максимума в 7,5–8 миллионов человек исключительно благодаря миграционному фактору. В том числе, как отмечает исследователь, «значительно увеличилось число российских и русскоязычных эмигрантов и мигрантов, переехавших на жительство в Великобританию (более 350 тыс. человек)...» [Арефьев, 2012, с. 265].

Число владеющих русским языком в Соединенном Королевстве в период с 2004 по 2020 г. увеличилось с 250 тыс. до 300 тыс.

А.Л. Арефьев отмечает, что «функционирование русского языка в указанной стране (Соединенном Королевстве. – *М. Р.*), как и в целом в Западной Европе, поддерживается исключительно благодаря продолжающейся эмиграции и трудовой миграции из России, СНГ и Балтии. Доля же коренных жителей региона, хорошо выучивших русский язык и свободно им владеющих и использующих его в своей профессиональной деятельности, ничтожна» [Арефьев, 2012, с. 269].

Одной из новых тенденций по поддержке следует считать работу приблизительно 50 воскресных школ на территории Великобритании, в основном в Англии, по частной инициативе выходцев из России. Также в Лондоне работает Лондонская школа математики и программирования, основанная Анастасией Стоун, которую сегодня посещают около пятисот детей от 4 до 17 лет. В 2015 г. в Лондоне Владой Лемешевской из Риги был основан первый в Великобритании русский профессиональный театр «Хамелеон» основан в 2015 г. в Лондоне. И театр «Хамелеон», и школа Анастасии Стоун получают поддержку Россотрудничества и посольства РФ.

В Соединенном Королевстве выходят местные периодические издания на русском языке, среди которых газеты «Лондонский курьер» (15 тыс. экз.), «Лондон-ИНФО» (8 тыс. экз.), «Достижения», «Русский Лондон», «Pulse UK», «Скоморох», «Русский час». В период с 2004 по 2020 г. количество периодических изданий, выходящих на русском языке в странах Западной Европы выросло (одновременно с ростом числа русскоговорящих жителей в регионе), и насчитывает десятки наименований. Ряд российских периодических изданий имеют региональные версии, как, например «Комсомольская правда в Великобритании и Ирландии» или «Московский комсомолец». Многие местные русскоязычные газеты и журналы и практически все российские, распространяемые в Западной Европе, имеют on-line версии. В то же время радиостанций и телепрограмм на русском языке в странах Западной Европы сравнительно немного. В качестве примера можно привести радиостанцию «Первое русское радио» в Великобритании.

Немаловажную роль в распространении русского языка на территории современного Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии сыграли разного рода общественные организации.

Важную роль в укреплении англо-русских дружественных отношений и распространении знаний о России и русском языке в

Великобритании сыграла деятельность «Англо-русского литературного общества» (1893–1930), согласно уставу которого его основная задача заключалась в продвижении русского языка в Великобритании и содействии в обучении ему. Деятельность организации определялась как просветительская, а в ее состав входили подданные Британской короны, многие из которых своей профессиональной деятельностью (преподаванием русского языка в университетах и созданием учебных пособий по русскому языку) способствовали изучению России и русского языка в Великобритании. Можно сказать, что роль «Англо-русского литературного общества» в определенной степени уподоблялась роли, которую сегодня выполняет МАПРЯЛ (Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы, 1967 –) [МАПРЯЛ – Электронный ресурс], а некоторые исследователи полагают, что «Англо-русское литературное общество» можно рассматривать как предтечу МАПРЯЛ [Гриценко, 2014].

Важность Оксфорда и Кембриджа в популяризации «русской темы» и русского языка среди британцев сложно переоценить, поскольку именно в этих старейших университетах Королевства разрабатывались первые курсы русского языка. Помимо Ф.Г. Тришина (1849), положившему начало изучению славистики в Оксфорде, его последователей В.Р. Морфила, и В.Р. Рольстона и других университетов Великобритании, популяризации русской культуры и русского языка способствовали известные отечественные ученые и других славянских государств: М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, К.И. Тернет, Ф. Зигель, К. Вальмонт и др.

Несмотря на то что «официальное» изучение славянских языков и культур в Кембридже, втором по значимости университете Великобритании, начитается только в 1899 г. (т.е. на 30 лет позже, чем в Оксфорде), многие ученые университета проявляли интерес к изучению славянских языков в «частном» порядке намного раньше, как например произошло с русским языком, что было связано с работой Совета Индийской Гражданской Службы и Комитета по подготовке студентов к гражданской службе за пределами Великобритании, курирующего обучение студентов-переводчиков из Министерства иностранных дел и с именем сэра Давида Лионела Саломонса (Sir David Lionel Salomons). Д.Л. Саломонс предложил учредить постоянную ставку лектора по русскому языку (так называемый «the Salomons Lecturer») в 1899 г., и лектором в итоге был назначен А.П. Гауди (A.P. Goudy). Учреждение постоянной ставки лектора по русскому языку послужило институализации

русского языка в университете (более подробно см.: [Грищенко, 2014]).

В начале XX в. на базе нескольких университетов Великобритании были открыты центры славянских исследований, одним из которых была упомянутая выше Школа русских исследований при Ливерпульском университете (1907), некоторое время спустя ставшая, благодаря Б. Пэресу и Р.У. Сетон-Уотсону, известной во всем мире Школой изучения славянства Восточной Европы при Лондонском университете. Среди достижений Школы следует отметить учреждение в 1922 г. первого в Великобритании периодического издания, посвященного проблемам славистики, «Славянское обозрение» («The Slavonic Review»), в котором освещались различные аспекты России и славянского мира¹. В настоящее время Школа славянства Восточной Европы остается одним из наиболее значимых центров по изучению славянства на территории Европы.

Интерес британского правительства «русской темой» проявляется в том, что на протяжении всего XX в. по его инициативе неоднократно создавались комиссии, целью которых было изучение языковой ситуации в стране, а русскому языку всегда уделялось большое внимание. Еще в самом начале XX в., в 1919 г., сэр Стенли Лизес (Sir Stanley Leathes) представил доклад, в котором задачей первостепенной важности, учитывая политическую обстановку в мире, признавалось изучение русского языка.

В период Второй мировой войны была создана Комиссия по изучению России (Committee on Russian Studies), в состав которой входили представители ведущих университетов страны – Оксфорда, Кардифа, Сванси, Манчестера, Глазго, а также представители Федерации британской промышленности (Federation of British Industries), Британского Совета (British Council), Министерства иностранных дел, Лондонского королевского общества (Royal Society), Королевского института международных дел (Chatham House), Британской академии (British Academy) и пр. Целью комиссии было обеспечение необходимых средств (программ, преподавателей и пр.) для всестороннего изучения русского языка и других дисциплин, связанных с Россией, а также исследование работы сети библиотек и исследовательских центров в Великобрита-

¹ В дальнейшем журнал был переименован в «Славянское и восточноевропейское обозрение» («Slavonic and East European Review»).

нии для установления связей с Россией по обмену студентами (более подробно см.: [Грищенко, 2014]).

Приводя статистику по показателям распространенности русского языка в странах Западной Европы в 2004 и в 2010 гг., А.Л. Арефьев указывает, что в Великобритании число владевших русским языком в 2004 г. составило 250 тыс. человек, в 2010 г. оно составило 300 тыс. человек, т.е. возросло на 50 тыс. человек, что от общего числа населения страны в 2010 г. (62 300 000 человек) составило 0,5%.

Несмотря на то что многие из числа изучающих русский язык в Великобритании сегодня указывают в качестве мотивации для его изучения культурно-историческую привлекательность России, она невелика, что отражается в динамике численности граждан Великобритании, посетивших Россию в 2005–2010 гг. Так, в 2005 г. Россию посетили 217 тыс. человек из Великобритании, в 2006 г. – 233 тыс. человек, в 2007 г. – 338 тыс. человек, в 2008 г. – 274 тыс. человек, в 2009 г. – 240 тыс. человек, в 2010 г. – 213 тыс. человек, т.е., достигнув своего пика в 2007 г., интерес к России как туристическому направлению стабильно снижается, что не может не отразиться и на количестве желающих изучать русский язык как иностранный.

В национальной системе образования Великобритании в 2004–2005 и 2010–2011 учебных годах показатели изучения русского языка распределяются следующим образом: в 2004–2005 учебный год количество школ и средних профессиональных учебных заведений, где изучался русский язык, составляло 57 единиц по всей стране, в 2010 / 2011 учебном году – 39, а число учащихся школ и СПО, изучавших русский язык, было соответственно, зафиксировано как 2424 и 1700 человек, количество вузов, в которых изучался русский язык, в 2004 / 2005 учебном году составило 24 единицы, а в 2010 / 2011 учебном году – 20, при этом число студентов, изучавших русский язык в вузах Великобритании, в 2004 / 2005 учебном году было 1 тыс. человек, а в 2010 / 2011 учебном году – 900 учащихся. При этом, численность граждан Великобритании, приезжавших для обучения по очной форме в вузы в Российской Федерации в 2004 / 2005 и в 2009 / 2010 академических годах, составило 252 и 473 человек, соответственно. Число выходцев из Великобритании, изучавших русский язык в российских вузах в 2009 / 2010 академическом году в рамках академических программ и стажировок (включенное обучение) на курсах повышения квалификации преподавателей-русистов составило 80 человек, а языковые курсы посе-

щали 176 человек. Но даже принимая во внимание интерес преподавателей-русистов к преподаваемому ими предмету, приходится констатировать, что в настоящее время в Великобритании отмечается сильное снижение интереса к изучению языка и в академической сфере [Арефьев, 2012].

А.Л. Арефьев подчеркивает, что «в ряде стран Западной Европы (Великобритании, Ирландии, Норвегии, Франции и т.д.) интерес к русскому языку понизился до критического уровня: число изучающих его сегодня во всех типах образовательных учреждений соотносится с числом изучающих так называемые “мертвые” или классические (древние) языки (латынь, греческий, древнееврейский)» [Арефьев, 2012, с. 291], полагая, что «поддержанию интереса к русскому языку и культуре в странах Западной Европы в определенной мере может способствовать русскоязычные общины, сформировавшиеся из нескольких волн эмиграции (наиболее крупные из них – в Германии, Греции, Великобритании, Франции, Испании)» а «весомый вклад в развитие русской культуры в дальнем зарубежье в рамках деятельности обществ дружбы и ассоциаций соотечественников вносят, как правило, лишь “старые” эмигранты – потомки тех, кто приехал в Европу много десятилетий тому назад» [Арефьев, 2012, с. 293].

По данным, приведенным Арефьевым, общее количество жителей, в разной степени владеющих русским языком в странах Западной Европы, составляет сегодня около 7,3 миллиона человек. Несмотря на снижение интереса к России и к русскому языку у граждан западноевропейских стран, сокращения численности изучающих русский в системе среднего образования, общее количество знающих русский язык по сравнению с концом 1980-х годов не только не уменьшилось, но даже несколько увеличилось благодаря миграционному фактору. Среди лидирующих стран по количеству эмигрантов из бывшего СССР – Германия, Великобритания, Франция, Швейцария, Греция, Испания, Италия и пр.

Однако, как следует из опубликованный на сайте Академии высшего образования Великобритании (Higher Education Academy) и посвященный вопросам изучения славянских и восточноевропейских языков в системе высшего образования Великобритании доклада, потребность в Великобритании в выпускниках-русистах все же существует. По данным на 2012 г., количество изучавших русский язык в британских вузах составило 1431 человек, при этом Британский МИД подтверждает необходимость в специалистах в области славянских и восточноевропейских языков. Более того,

при Министерстве иностранных дел Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии для персонала в Лондоне открыты классы русского языка, где преподают сотрудники отдела по преподаванию иностранных языков (Language-teaching Unit) МИД, использующие инновационные практики в обучении иностранным языкам [Review into the present state of Slavonic Studies – Электронный ресурс].

В то же время в Центре правительственной связи (Government Communication Headquarters) есть вакансии для специалистов со знанием русского языка. Востребованными являются, в первую очередь, лингвисты, хорошо подготовленные в области русского языка с глубокими знаниями политики, общества, культуры и истории [Review into the present state of Slavonic Studies – Электронный ресурс].

Помимо указанных вакансий в государственном секторе, у выпускников британских вузов есть все возможности применить полученные знания в частном секторе, например, в Российско-британской торговой палате, в сфере финансов, инвестиций, юриспруденции, нефтегазовой отрасли (Шелл, Газпром), а также в сфере журналистики (BBC, Bloomberg, Mostra Communication Agency, Russia Today, Moscow News) и пр.

Говоря о прогнозах относительно распространению русского языка в странах Западной Европы, в целом, и в Великобритании, в частности, Арефьев полагает, что «по мере интеграции недавних выходцев из России, стран СНГ и Балтии в западное общество, их роль в поддержании интереса населения этих стран к русскому языку и культуре будет снижаться», поскольку «в отличие от первой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами (угрозой собственной жизни) волны русской эмиграции (1917–1920-х годов), представители которой прилагали большие усилия для сохранения национальных традиций, религии, духовных ценностей, культуры (в семьях старались говорить только на русском языке), участники последней (постсоветской), прагматичной по целям эмиграции, именуемой некоторыми западными экспертами “колбасной”, склонны как можно быстрее ассимилироваться в странах-реципиентах, добровольно утрачивая национальную идентичность, и без собственной практической выгоды не афишировать свое российское происхождение», поэтому «об эффективности пропаганды ими российской культуры и русского языка, как правило, говорить не приходится» [Арефьев, 2012, с. 294].

Безусловно, в настоящее время в Соединенном Королевстве интерес к русскому языку, русской культуре, в целом, переживает кризис, но, он (интерес), несмотря ни на что, сохраняется.

Список литературы

- Алексеев М.П.* Русский язык в мировом культурном обиходе (Окончание) // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1984 а. – № 3. – С. 3–17.
- Алексеев М.П.* Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1984 б. – № 2. – С. 3–14.
- Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 483 с.
- Брагина Н.В.* Этапы изучения русского языка как иностранного в Великобритании // Преподаватель XXI век. – 2010. – № 4. – С. 153–157.
- Будагов Р.А.* Заметки о русском языке в современном мире // Вопросы языкознания. – М., 1977. – № 1. – С. 3–16.
- Виноградов В.В.* Великий русский язык. – М. : Гослитиздат, 1945. – 171 с.
- Власов С.В., Московкин Л.В.* К вопросу об авторстве анонимной «Грамматики французской и русской» (1730 г.): Версия В.П. Вомперского // Филология и наука. – 2016. – № 2 (44). – С. 31–37.
- Герд Я.И.* Записки об открытии первого училища взаимного обучения в России // Журнал для воспитания. – СПб. : Изд-ль А.А. Чумиков, 1858. – № 12. – С. 327–342.
- Гриценко Н.А.* Из истории распространения русского языка и русской культуры в Великобритании (конец XIX – начало XX вв.) // Русский язык за рубежом. – 2013 а. – № 6. – С. 27–33.
- Гриценко Н.А.* Россия и Англия XIX века в языковом сосуществовании // Наука и современность. – 2010 а. – С. 90–95.
- Гриценко Н.А.* Россия и Англия XVIII века в языковом сосуществовании // Материалы дней русской словесности в г. Красноярске. Диалог культур в аспекте языка и текста «Бессмертие народа в языке». – Красноярск, 2010 б. – С. 179–181.
- Гриценко Н.А.* Русский язык – путь к достижениям российской науки // В мире научных открытий. – Красноярск, 2013 б. – № 11, 6 (47). – С. 154–161.
- Гриценко Н.А.Ф.* И. Рейф как миссионер русского языка и русской культуры // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 2 (14). – С. 26–31.
- Гриценко Н.А.* Русский язык в Великобритании XIX – I пол. XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2014. – 22 с.
- Жданов П.* Словарь английской и российской. – СПб. : Типография Морского шляхетского кадетского корпуса, 1784. – 776 с.
- Каримова Г.Ф.* Структурно-семантические особенности русских заимствований в английском языке : Сравнительно-сопоставительный аспект: дис. ... кандидата филологических наук. – Душанбе, 2013. – 202 с.
- Костомаров В.Г.* Русский язык в современном мире. – М. : Наука, 1974. – 150 с.
- Костомаров В.Г.* Русский язык среди других языков мира. – М.: Просвещение, 1975. – 175 с.

- Ларин Б.А.* (перевод, вступительная статья) // Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (Оксфорд, 1696). – Л., 1937. – С. 2–8.
- МАПРЯЛ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.mapryal.org/mapryal/about> (дата обращения 08.07.2020)
- Миссионеры русского языка и русской культуры в англо-немецком мире (XVI – I пол. XX вв.) : коллективная монография / Т.М. Григорьева, Н.А. Грищенко, Е.О. Ершова. – Заарбрюкен, 2011. – 211 с.
- Секирин В.П.* Заимствования в английском языке. – Киев : Киевский университет, 1964. – 152 с.
- Смирнова М.С.* Основные тенденции фонетической ассимиляции русских заимствований в английском языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) : дис. ... кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2014. – 232 с.
- Bowring J.* Specimens of the Russian poets, part I. – L.: printed for the author: sold by R. Hunter, St. Paul's churchyard; and A. Constable and Co. – Edinburgh, 1822. – 240 p.
- Bowring J.* Specimens of the Russian poets, part II. – L.: printed for G. and W.B. Whittaker, 1823. – 270 p.
- Cleminson R.M.* The History of Russian Language Learning in England. Russian Language Learning: Past, Present and Future. – University of Portsmouth, 1994.
- Firth Ch.* Modern Languages at Oxford, 1724–1929. – Oxford : Oxford University Press, 1929. – 151 p.
- Forbes N.* A preface // The Russians and their language. – Oxford : B.H. Blackwell, 1916. – 230 p.
- Forbes N.* Russian Grammar: manual. – Oxford : The Clarendon Press, 1914. – 275 p.
- Forbes N.* The position of the Slavonic languages at the present day. – Oxford : The Clarendon Press, 1910. – 32 p.
- Harrison M.C.* The byliny book. – Cambridge : W. Heffer and Sons LTD, 1915. – VIII p.
- Heard J.A.* Phraseology of the Russian language: manual. – St. Petersburg : A. Pluchart, 1840. – 12 p.
- Heard J.A.* Practical grammar of the Russian language. Key to the themes contained in Heard's Russian grammar: manual. – St. Petersburg : Sleusine, Boosey and sons London, 1827. – 323 p.
- Macray J.* The Russian language at Oxford // Notes and Queries. – London : Oxford University Press, 1854. – Vol. 553 p.
- Magnus L.A.* A concise grammar of the Russian language: manual. – L. : J. Murray, 1916. – 270 p.
- Magnus L.A.* The heroic ballads of Russia. – L.; N.Y.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. : E.P. Dutton and Co., 1921. – 210 p.
- Morfill W.R.* A Grammar of the Russian language: manual. – Oxford : Clarendon Press, 1889. – 168 p.
- Morfill W.R.* An essay on the importance of the study of the Slavonic languages: lecture. – L.: H. Frowde : Oxford University Press, 1890. – 33 p.
- Morfill W.R.* Slavonic literature. – L.: N.Y.: Society for promoting of Christian knowledge, E. and J.B. Young and Co., 1883. – 264 p.

- Ralston W.R.* Early Russian history. – L.: Sampson Low, Marston, Low and Searle, 1874. – 236 p.
- Ralston W.S.* Songs of the Russian People. – L. : Ellis and Green, 1872. – 372 p.
- Ralston W.S.* Krilof and his fables. – L.: Strahan and Co. Publishers, 1869. – 180 p.
- Ralston W.S.* Russian Folk-tales. – L.: Smith, Elder, and Co., 1873. – 328 p.
- Reiff Ch. Ph.* English-Russian Grammar or the principles of the Russian language: manual. – Carlsruhe : Leipzig : printed for the author : W. Hasper, 1853. – 191 p.
- Reiff Ch.Ph.* New parallel dictionaries of the Russian, French, German and English languages: Part 4. – Carlsruhe : Leipzig : printed for the author : W. Hasper, 1872. – 848 p.
- Review into the present state of Slavonic Studies [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.heacademy.ac.uk/search/site?keys=Review+into+the+present+state+of+Slavonic+Studies&op=>
- Richards D.J.* Russian in the Universities Today // Forum for Modern Languages Studies. – 1965. – Vol. 1, N 1. – P. 23–34.
- Simmons J.S. G.H. W.* Ludolf and the Printing of his Grammatica Russica at Oxford in 1696 // Oxford Slavonic Papers. – 1950. – N 1. – P. 45–78.
- Simmons S.G.* Slavonic Studies at Oxford, 1844–1909 // Oxford Slavonic Papers. – 1980. – N 13. – P. 56–78.
- Stone G.* Slavonic studies at Oxford: a brief history. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 33 p.

И.Е. Коптелова[©]

КЕНТАВРЫ, ХИМЕРЫ, МОНСТРЫ: ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА С ИНОЯЗЫЧНЫМИ ГРАФИЧЕСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ

Аннотация. В последнее время русский язык не только принимает много заимствованных слов из других языков, и, в первую очередь, английского. Частично на основе заимствованных слов, частично на традиционной лексике, в русском языке происходят активные процессы словообразования. Не все слова закрепляются в языке, многие из них так и остаются окказиональными. Но реклама и СМИ придумывают все новые и новые слова. Об одной из разновидностей таких слов и идет речь в статье. В ней рассматриваются окказиональные слова, созданные способом блендинга с использованием иноязычного графического элемента. Согласно анализу, такие слова наиболее часто появляются в сфере нейминга, рекламы и дискурса СМИ. В статье подобные слова называются «химерами», так как в отличие от блендов или слов-кентавров, которые могут закрепиться в языке, химеры всегда остаются окказиональными образованиями, выступающими визуальными аттракторами главным образом в нейминге и рекламе.

Ключевые слова: окказионализмы; химеры; нейминг; реклама; визуальные неологизмы; графический элемент; аттрактор.

© Коптелова Ирина Евгеньевна, кандидат философских наук, кафедра английского языка, факультет международных отношений и международного права, заведующая, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: ms.koptelova@list.ru

**CENTAURI, CHIMERAS, MONSTERS:
NONSENSE FORMATIONS
WITH FOREIGN GRAPHIC ELEMENTS**

Abstract. Recently, the Russian language has not been only accepting many borrowed words from other languages, and mostly from English. Partly on the basis of borrowed words, partly on traditional vocabulary, active word formation processes are taking place in the Russian language. Not all words will take roots in the language, many of them will remain nonsense formations. But advertising and the media are coming up with more and more new words. The article examines one of the varieties of such words. It looks into nonsense formations created on the basis of blending patterns when using a foreign language graphic element. According to the analysis, such words most often appear in naming, advertising and media discourse. The article defines such words as «chimeras», as unlike blends or centaur words, which can gain a foothold in the language, chimeras always remain nonsense formations that act as visual attractors mainly in naming and advertising.

Keywords: nonsense formations; chimeras; naming; advertisements; visual neologisms; graphic element; attractor.

Лексический состав языка, являясь отражением национальной культуры, формирует языковую картину мира, которая, в свою очередь, определяет восприятие носителем языка этого окружающего его мира.

Современную русскую речь отличают раскованность, смысловая неоднозначность, раскованность, повышенная экспрессивно-эмоциональная оценка. В некоторых областях эмотивная составляющая речи очень часто оказывается значительно важнее в освоении информации, чем предметно-содержательная составляющая. На протяжении ряда лет отмечается настоящий «взрыв» в образовании новообразований («новословий» по М. Н. Эпштейну). Немаловажную роль в этом играют графические и лексико-графические элементы. Причем графические элементы могут быть представлены различными шрифтами и их цветом, включением букв дореформенного алфавита (Ъ, і, Ъ, реже – Ө: газета «Коммерсантъ», магазин «Провиантъ», рестораны «Маниловъ» «Грандь Имперіаль», кафе «ХЉЪб Насущный»).

* **Irina Ye. Koptelova**, Candidate of Philosophy English Department Faculty of International Relations and International Law Head of the Department Diplomatic academy of the Foreign Ministry of Russia, e-mail: ms.koptelova@list.ru

Объектом нашего исследования являются слова, содержащие в себе элемент, представляющий собой часть иностранного (английского) слова, графически выраженного буквами латинского алфавита. Предметом исследования является функционирование таких слов в отдельных типах текстов.

Материал исследования представлен выборкой в количестве 91 слова, выделенных из рекламных текстов, примеров нейминга и текстов СМИ (как рекламного, так и информационного характера).

По формулировке И.Р. Гальперина, текстом является статически завершенная, письменно зафиксированная структура, элементы которой находятся в определенной взаимосвязи и выполняют прагматическую функцию [3]. Текст, в широком смысле, это любая запечатленная в письменном виде или в памяти речь, объединенная общим смыслом и характеризующаяся единством содержания, а также очевидной связностью, которая может быть воспроизведена повторно.

В настоящее время значение термина «текст» существенно отличается от того, которым лингвисты руководствовались ранее. И определение термина «текст» и функции текста претерпели значительные изменения: если еще в начале XX в. текст был «однонаправленным», последовательным, линейным, нормальное прочтение текста могло осуществляться только по порядку, с самого начала, поступательно, то с развитием науки и технологий и в соответствии с требованиями времени текст постепенно приобретает новые характеристики. В современных условиях текст не ограничен только вербальной составляющей, иные тексты можно читать в любом порядке, пропуская некоторые части и возвращаясь к более ранним. Теперь текст это не просто единый комплекс предложений, объединенный определенным смыслом, а «усложненная» структура.

Среди исследователей нет единого определения понятия «текст», поэтому определение типов текста у разных авторов отличается. Принимая во внимание сложность терминологического определения, рассмотрим подробнее тип текста, представляющий для нас в данном случае наибольший интерес: тексты с семиотически неоднородными средствами передачи информации. В исследовательской литературе присутствует достаточно большое количество обозначений подобных типов текстов: изовербальные, лингвовизуальные, видеовербальные, креолизованные, семиотически осложненные, полимодальные, поликодовые.

В данной статье не рассматривается прием использования в русской графике отдельных букв латиницы или символов для привлечения внимания читателя (в первую очередь, в рекламных текстах и названиях). В словах *АЛЛ@КАРД карты экспресс-оплаты проездные билеты* (реклама билетного киоска), *Зажигалка* (название гастробара в Санкт-Петербурге), *KEKS* (кафе в Екатеринбурге), *ПОДЗЕМКА, MARKET, Дочки&Сыночки* (названия магазинов) [Гузикова, 2013, с. 205].

Можно было бы сказать, что мы рассмотрим слова-кентавры, но существует различие в определении таких слов исследователями. Как мифологическое существо, кентавр соединяло в себе человека и животное (лошадь). Так Л.П. Крысин определяет слова-кентавры как сложные слова, у которых первая часть – иноязычная и пишется латинским шрифтом, а вторая – русская или иноязычная, но при этом пишется кириллицей [Крысин, 2004, с. 575]. С.В. Друговейко-Должанская определяет такие сложные слова значительно шире, включая в них сочетания имени собственного и нарицательного, соединение корней слов, принадлежащих разным языкам или морфемную аппликацию [Друговейко-Должанская]. В первом случае к «кентаврам» относятся, например, слова, первая часть которых выражена аббревиатурой латинскими буквами: *TV-программа, PR-директор, IT-отдел, e-mail адрес, VIP-обслуживание*. В таких словах иноязычная часть закрепляется в русском языке, создавая множество других словосочетаний (*IT-проект, IT-специалист, IT-промышленность, IT-разработки, IT-ресурсы, IT-инфраструктура, VIP-зал, VIP-персона, VIP-вклад*):

VIP-клиент, как правило, дает только один шанс произвести на себя хорошее впечатление. (Вязигин А., 14.05.2003)

Российский IT-рынок по итогам года упадет в долларовом выражении на 8,2%, подсчитали в аналитической компании IDC. (Коммерсантъ, № 196/П, 26.10.2020)

Стоит отметить, что язык перерабатывает иностранные компоненты на латинице, заменяя их кириллическими:

Это основные параметры налогового маневра для ИТ-отрасли, который планирует провести правительство. (РБК, 22.06.2020)

13 декабря правозащитники обнаружили в одном из корпусов тюрьмы «Матросская Тишина» в Москве ВИП-камеры, где на особых условиях содержатся некоторые заключенные. (РБК, 12.01.2018)

Наталья Дыбина, руководитель пиар-отдела компании Kickvard, рассказывает о том, стоит ли стартап-компаниям выстраивать стратегию пиар-продвижения и о том, какими инструментами можно достичь наиболее плодотворных результатов. (Pressfeed.журнал, 14.12.2018)

Нас интересуют новообразования в виде блендов. Блендинг (стяжение, контаминация) можно определить как процесс создания слов путем соединения произвольных фрагментов двух исходных единиц, называемых осколочными элементами [Никанорова, 2017, с. 45]. На наш взгляд наиболее точное определение этого явления в результате анализа различных типов словообразования дала О.А. Хрущёва: «"блендинг" является самостоятельным способом словообразования, пограничным с аббревиацией и словосложением, ввиду своих структурных особенностей, но обладающим специфическими чертами (намеренный характер словопроизводства, особая стилистическая окраска производных, окказиональный статус большинства производных единиц)» [Хрущёва, 2009, с. 101]. Бленды получили широкое распространение во многих языках, поскольку они чрезвычайно экспрессивны и используются в текстах в разных целях. Многие из них, начав свое существование как окказионализмы, проходят постепенный процесс лексикализации, закрепляясь в языке. Но есть среди блендов группа, отличающаяся от других.

Некоторые исследователи называют их визуальными неологизмами [Маринова, 2005, с. 127] или «монстрами». Отличительной чертой этой группы является, во-первых, наличие иноязычного элемента, во-вторых, созвучность этого элемента с определенным русскоязычным элементом, и необходимость визуализации слова, для его восприятия. Характер семантического взаимодействия элементов двуязычных блендов отличен от семантических взаимосвязей одноязычных коррелирующих лексем. Связь между коррелятами устанавливается за счет созвучности иноязычного элемента определенному отрезку русскоязычного элемента, либо за счет вставки англоязычного элемента в русское слово [Коптелова, 2018, с. 152], например: *вечegreenка* < *green* + *вечеринка* (рекламная акция производителей пива «Tuborg»), где цвет (*green*) является частью товарного знака фирмы. Поскольку в данном случае не наблюдается эндо- и экзоцентрических отношений между коррелятами бленда, то мы отнесли их не к собственно блендам, которые, как можно было убедиться на протяжении многих лет, существуют самостоятельно, а к речевым химерам [Носенко, 2017, с. 64], т.е. к наимено-

ваниям (словам, словосочетаниям), образованным из соединенных искусственным образом, противоречащим языковым нормам, элементов, которые не составляют орфографической, морфологической, синтаксической, семантической целостности, не способные существовать без визуального образа, по аналогии с образом химеры в греческой мифологии, чудовищем с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом-змеей, в переносном смысле означающее необоснованное или несовместимое.

Отобранные нами примеры встречались в области нейминга, т.е. как результат разработки фирменного наименования, названия бренда или товарного знака. Например, названия магазинов и точек питания:

Фото из открытых источников:

<https://yandex.ru/search/?text=кафе закусити иркутск/>

Закусicity – сеть быстрого питания, работающая на территории России, Беларуси и Украины;

Свежая VIPечка < VIP + выпечка (магазин-булочная);

Beerлога, Веерложжа, Веержжа, Bierлога, Веерлин (различные рестораны-пивные, где элемент beer / bier – пиво, может быть в английском или немецком варианте);

Orangерея (название магазина);

СюрPRIZ (торговый дом).

Интересно название бренда Веерка. По словам разработчика (компания «Сибирский берег») они готовили новую линейку снеков для мужчин, в том числе из сухой рыбы. Поэтому им пришла идея заменить в слове «рыбка» корень «рыб-» на английское слово beer (пиво) – ведь мужчины будут употреблять снеки к пиву. Так появилось слово-химера, по звучанию совпадающее с русским словом «бирка», ни к пиву, ни к рыбе не имеющему отношения.

Достаточно часто слова-химеры встречаются в рекламных текстах. В них тоже обычно обыгрываются графические и звуковые образы.

Так уже упоминавшаяся нами *вечегreenка* использовалась в нескольких рекламных слоганах компании Tuborg (*Внимание пасажиров! Вечегreenка идет без остановок!; Двигай на вечеGREENку!*). Компания Reebok обыграла собственное название: *Рееформа твоих ягодиц* < Reebok + реформа (рекламный лозунг кроссовок, тренирующих мышцы ягодиц). Еще несколько примеров:

ОТТОхни от магазинов! < ОТТО + отдохни (реклама каталога товаров по выписке немецкой компании ОТТО);

SIF – ДОМ СНОВА КРАСИВ < красив + SIF (реклама чистящего средства);

«AUDI»енция с прекрасным < AUDI + аудиенция (реклама автомобиля AUDI);

Безопасное удоVOLVствие; эVOLVOлюция идей (рекламные лозунги компании VOLVO);

Nissanмневайтесь! < Nissan + не сомневайтесь! (рекламный лозунг дилерской компании «Дженсер» по продвижению автомобилей производства компании Nissan).

Можно найти слова-химеры и в различных статьях. Журнал «Итоги» в свое время для раздела «Автомобили» подготовил целый ряд статей, знакомящих читателей с различными автомобилями [Нефляшева, 2011, с. 97]. В них авторы часто обыгрывали марку автомобиля, о котором они писали:

Фортефикация / Но вот что удивительно: на автосалоне в Нью-Йорке Kia удивила посетителей новым Forte с кузовом... хетчбэк (об автомобиле Kia Forte) (Итоги, № 15, 2010);

Geely-были (об автомобиле марки Geely) (Итоги, № 4, 2010);
Упо-помрачительный (заголовок статьи об автомобиле Fiat Uno) (Итоги, № 20, 2010);

Под MICRAскопом (об автомобиле Nissan Micra) (Итоги, № 10, 2010)

Двухсотсильный турбомотор способен доставить настоящее удовольствие! (об автомобилях компании Volvo) (Авторевю, № 23, 2001)

Популярный бренд *Fanta* обыгрывается в следующих примера слов-химер:

Fантастический пирог: *Спешу поделиться чудесным рецептом* (*Fanta* является одним из ингредиентов пирога) (Готовим дома, 24.12.2009)

Fантастический лимонад: *В качестве новогоднего подарка для Вас «Coca – Cola Ichimligi Uzbekiston, LTD» наладила производство нового напитка **Fanta Lemonad***. (сайт компании Кока-Кола)

Название компании и название журнала стали элементами химер в следующих примерах:

TOTALный обмен. *Соглашение между «Газпромнефть-Аэро» и Air Total International. В рамках Международного авиационнокосмического салона – МАКС-2011 «Газпромнефть-Аэро» и авиатопливное подразделение Total подписали соглашение о сетевом обеспечении авиатопливом.* (Сибирская нефть. № 83, 2011)

Элегантность в Манеже! *15 ноября вся светская половина столицы собралась на церемонии Elle Style Awards в центре города.* (Love Radio, 20.11.2008)

Особого внимания заслуживает частотный в коммерческой номинации элемент *-off*. Слова с этим европеизированным графическим формантом, придающим оттенок иноязычности русским фамилиям, можно квалифицировать как морфогибриды, поскольку *-off* в данном случае не является осколочным фрагментом исходного слова, которые встречаются в блендах, например: *Грузовичкоff* (экспедиторская компания), *Тюльпаноff* (название магазина цветов), *Очкоff* (название магазина оптики). Однако, нашли 2 примера, где первый элемент слова передается русской корневой морфемой, а *off* представляет собой английской наречие, одно из значений которого – указывать на избавление, освобождение от чего-либо:

Изжогоff: *еда без запретов!* (реклама лекарственного препарата), т.е. «избавление от изжоги»;

Лето без КомарOff (реклама крема-репеллента OFF), т.е. лето, изабавленное от комаров [Амири, 2012, с. 179].

Подводя некоторые итоги, можно сделать выводы, что слова-химеры употребляются в нейминге, рекламных текстах и текстах СМИ. Причем в текстах СМИ они, как правило, используются в заголовках статей, выполняя роль графического аттрактора в тексте. Слова-химеры создаются на основе блендинга (контаминации) с обязательным участием иноязычного элемента, звуковая форма которого совпадает или близка к русскому элементу, который он замещает. Слова-химеры являются окказиональными образованиями, и их роль в словообразовании ограничена.

Список литературы

- Амири Л.П. Графическая окказиональность как стилиобразующее средство в текстах современного рекламного дискурса (на материале XX–XXI вв.) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2012. – № 27. – С. 176–182.
- Высоцкая И.В. «Свое» и «чужое», или взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2010. – № 4–2. – С. 471–474.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 4-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
- Гузикова В.В. Иноязычный текст на улицах Екатеринбурга // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 73. – Челябинск, 2013. – № 1 (292). – С. 203–207.
- Друговейко-Должанская С.В. Слова-кентавры // Культура письменной речи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.6> (дата обращения 20.09.2020).
- Коттелова И.Е. Лингвокультурные особенности блендинга в русском языке // Studia Russica. – Будапешт, 2018. – Т. 26. – С. 151–158.
- Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
- Маринова Е.В. Визуальные неологизмы : новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. – Н. Новгород, 2005. – № 1. – С. 127–132.
- Нефляшева И.А. Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2011. – № 5–1. – С. 91–99.
- Никанорова И.А. Блендинг в современном политическом и экономическом дискурсе // Язык. Культура. Общество. ДА МИД РФ-Дашков и Ко. – М., 2017. – С. 44–50.

- Носенко И.Г.* Речевые химеры в сфере официальных наименований // Вопросы лингвистики, методики обучения языков и литературоведения в свете современной науки. – Н. Новгород, 2017. – С. 62–66.
- Просвирина О.А.* Судьба сербской кириллицы после распада Югославии // Язык. Культура. Общество. ДА МИД РФ – Квант-Медиа. – М., 2018. – С. 64–69.
- Хрущёва О.А.* Блендинг в системе словообразования // Вестник ОГУ. – Оренбург, 2009. – № 11/105/ноябрь. – С. 95–101.

Источники

- Авторевю [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://autoreview.ru/articles/sravnitel-nye-testy/boytsy-nevidimogo-fronta> (дата обращения: 27.11.2020).
- Вязигин Александр. Технология переговоров с VIP. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/boss/articles/2755/> (дата обращения: 27.11.2020).
- Готовим дома [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gotovim-doma.ru/forum/viewtopic.php?t=12699> (дата обращения: 15.09.2020).
- Итоги [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.itogi.ru/i-avto> (дата обращения: 03.08.2020).
- Кока-Кола, сайт компании [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ccbu.uz/index.php/ru/o-kompanii/novosti-kompanii/item/fantasticheskij-limonad> (дата обращения 30.08.2020).
- Коммерсантъ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4539560> (дата доступа: 27.11.2020).
- РБК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/22/06/2020/5ef0476c9a794774ef894791> (дата обращения: 28.11.2020).
- Сибирская нефть. Журнал. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2011-september/1104070/> (дата доступа: 19.08.2020).
- Love Radio [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.loveradio.ru/new/4011.htm> (дата доступа: 22.09.2020).
- Pressfeed.журнал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.pressfeed.ru/startup-na-starte-kak-postroit-pr-prodvizhenie-novogo-produkta-s-nulya/> (дата доступа: 22.09.2020).

О.В. Чагина[®]

**РУССКИЕ ФИТОНИМЫ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ОПИСАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ**

Аннотация. В статье представлен взгляд на проблемы и возможности, открывающиеся при обращении к многообразному миру растений средней полосы России в процессе преподавания русскому языку в иностранной аудитории. Особый интерес у иностранных учащихся вызывает фитонимика и круг вопросов, связанных с ней: этимология, семантика, словообразование, особенности национального восприятия, сопоставительный анализ.

Ключевые слова: растения; фитонимы; этимология; лексика; семантика; словообразование; национальная культура; морфологический аппарат.

Chagina O.V.*

**RUSSIAN PHYTONYMS:
LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF DESCRIPTION IN A
FOREIGN AUDIENCE**

Abstract. The view to the problems and opportunities which are arising while turning attention to the diverse world of plants in Middle Russia in teaching Russian for foreigners is represented at the article. Our foreign students take a particular interest to

© **Чагина Ольга Всеволодовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры РКИ филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, E-mail: aichagin@mail.ru

* **Olga V. Chagina**, Candidate of Philology, associate Professor of the Department of Russian Philology Lomonosov Moscow state University, e-mail: pichugin@mail.ru

Phytonymics and the circle of problems connected with it: etymology, semantics, word-building, peculiarity of national perception, comparative analysis.

Keywords: plants; phytonyms; etymology; vocabulary; appasemantics; word-building; national culture; morphological apparatus.

Тема природы составляет одну из неизменных основ любого национального языка. Природный мир и, прежде всего, растения, – это «первое, очевидное, что определяет лицо народа» [Гачев, 1998]. Эта тема активно разрабатывается и в практике преподавания русского языка как иностранного. Большой интерес у иностранных учащихся вызывает фитонимика – названия растений и круг вопросов, связанных с ними: этимология, внутренняя форма слова, словообразовательная структура фитонима, а также существующие в разных языках в этой области различия, обусловленные особенностями национального восприятия.

Мы часто выбираемся с нашими учащимися на природу. Во время этих прогулок у студентов рождается бесчисленное количество вопросов, связанных с жизнью растений – обычных полевых трав, цветов и деревьев, обитателей средней полосы России, которые окружают человека и с которыми связана его повседневная жизнь. При этом студентам интересны не столько ботанические названия, которые в первую очередь даются в научных определителях, а народные названия растений, ставшие неотъемлемой частью национальной культуры.

Во многих русских названиях растений мы видим сходство с другими языками. Так, в русском названии *перец* просматривается фонетическое родство с венгерским «паприка», английским «перрег», немецким «Pfeffer».

Но первоначальный корень этого слова надо искать в латинском языке, сопоставляя *перец* с латинским «*piper*», которое, в свою очередь, произошло от греческого «*piperi*». От «*piper*» возникло древнерусское «пъпърець», впоследствии потерявшее одно «пъ» и превратившееся в «пъерець», а затем в «перец».

Немало в русском языке восточных заимствований. Из китайского языка к нам пришло слово *чай*, из арабского – *кофе*. Тюркские корни прослеживаются в названиях *баклажан*, *кабак*, *хмель*, *хурма*, *камыш*, *жасмин*, *тюльпан*.

Говоря о корнях европейского происхождения, вспомним, например, *салат*. Это слово этимологически возводят к латинскому глаголу «*salare*», т.е. «солить», отсюда и итальянское слово

salata, т.е. «соленая зелень». А русское слово «редька» лингвисты связывают с латинским «*radix*», «*radicum*» – «корень». Фонетическое родство ощущается в русском существительном *свекла* и греческим «*seukla*».

В основе ряда русских названий растений используются семантические кальки. Так, в русском названии *пастушья сумка* просвечивается латинское «*bursa pastoris*» – «сумка пастуха». Показательно, что тот же принцип определяет и английское название этого растения – «*shepherd's purse*», и французское – «*bourse à Pasteur*».

По остроумному замечанию доктора биологических наук Б.Н. Головкина «язык ботаников, особенно в приложении к названиям растений, скорее сродни эсперанто, потому что эти названия, так сказать, латинизированы, сконструированы с помощью латинских приставок, суффиксов, окончаний, т.е. с помощью чисто морфологического аппарата. В основе же многих терминов /... / лежат слова из многоликого «вавилонского смешения языков», которые раскрывают перед нами интереснейшую историю изучения растений [Головкин, 1986, с. 11].

Большинство русских фитонимов так или иначе связано с миром человека и имеет антропоцентрическое измерение. Ранней весной мы встречаем на еще не сошедшем снегу голубые островки *печеночницы*. Ее листья похожи на печень (отсюда и латинское название растения – *Hepatica*). Средневековые медики рекомендовали печеночницу против заболевания печени – гепатита. Вообще приписывать тому или иному растению лечебные свойства в зависимости от его формы было в те времена очень распространенным явлением. Так, растение, форма которого напоминает глаз (отсюда и его название *очанка*) считалось прекрасным средством от глазных болезней. И до сих пор в народной медицине очанка используется в составе лекарственных глазных сборов. Растение *кровохлебка*, соцветия которой имеют форму завитков, ассоциировавшихся у древних медиков с извилинами головного мозга, использовали как средство от головных болей.

В некоторых фитонимах отражается действие всех органов чувств:

- восприятие звука: *хлопушка, погребок, колокольчик*;
- вкус: *кислица, горькуха, горчица, солодка, сольная трава*;
- осязание: *мокрица, пушица, бархатцы, сушеница*;
- восприятие основных цветов спектра: *синяк, синюха, желтаяк, синеголовник, голубика, желтобрюшник, чернобыльник, белоцветник, черника, чернушка*;

– обоняние: *душица, смородина* (от ст.-сл. «сморд», «сморд», т.е. сильный запах), *вонючка*.

Ряд фитонимов соотносится с артефактами: *пастушья сумка, манжетка, шпажник, шпорник, шлемник, царская свечка, царский скипетр, венерин башмачок*.

Многие фитонимы связаны с социальной сферой, в том числе с семейными отношениями. Например, у растения *мать-и-мачеха* верхняя часть – блестящая и холодная, нижняя же – шероховатая, но более теплая на ощупь. Нетрудно догадаться, с кем ассоциируется каждая из сторон листа. Идея злой мачехи существует в национальных культурах других народов. У немцев, например, есть цветок *Stiefmütterchen* – «мачеха». Это полевая фиалка, бедная родственница наших *анютиных глазок*. Самый красивый лепесток у этого цветка – нарядная мачеха; два других, тоже красивых – ее родные дочери; а последний, бледный и невзрачный – падчерица [Золотницкий, 1991, с. 133].

Разговор возле анютиных глазок может продолжаться. Поляки непременно вспомнят, что в Польше это растение называется *братки*, и этот цветок девушка дарит на память только своему жениху. А французские девушки по анютиным глазкам гадают, где живет их возлюбленный, вращая цветок за цветоножку – где он остановится, оттуда придет и ее жених. Немецкие и австрийские девушки используют для гадания венки из *барвинка*, пуская их по воде. А в России гадают по *ромашке*: любит – не любит.

Кстати, откуда взялось название *ромашка*? – спросит иностранный студент. Для русского человека нет ничего более обычного, чем это название. Однако оно вошло в наш речевой обиход относительно недавно, в XVI в. Разгадку появления этого названия на Руси дает Б.Н. Головкин. Изучая средневековые травники XVI в., он отмечает упоминаемую в них *пунавку римскую* (*Apthemis romana*). В русском обиходе это название постепенно превратилось в «романову траву», затем в «роману» и, наконец, в популярную русскую *ромашку* [Головкин, 1986, с. 28].

Названия ряда растений мотивированы библейскими или мифологическими мотивами (*Богородичная трава, венерина мухоловка, адамова голова, венерин башмачок, соломонова печать*) или именами земных людей (*марьян корень, иван-да-марья, иван-чай, иванова трава, ванька мокрый, анютины глазки*). Возникновение некоторых названий отражено в преданиях и легендах, небезынтересных для иностранного учащегося. Например, название *иван-да-марья* связывается с кровосмесительным браком разлученных в

детстве брата и сестры. Существуют и другие, более ранние названия этого растения, прямо указывающие на кровное родство: *брат и сестра*, *брат с сестрой*. Случившееся стало для них трагедией. Заключенная в названии цветка идея отражает представление о глубоком нравственном начале, которое увидел в русском фольклоре замечательный собиратель русских народных сказок А.Н. Афанасьев. В сказке «Князь Данила-Говорила» невеста, спасаясь от греховного брака, преодолевает множество препятствий, чтобы не допустить святотатства [Народные русские сказки А.Н. Афанасьева, 1957, с. 187].

Часто фитонимы отражают мир природы. Они указывают на ритм развития растений, их фенологическое состояние в зависимости от времени года. Достаточно вспомнить *первоцвет*, и мы легко догадаемся, что это растение расцветает ранней весной одним из первых. А слово *безвременник*, наоборот, говорит о том, что растение зацветает во внеурочное время – поздней осенью, когда его листья уже отмирают. Слово *майник* говорит о том, что растение зацветает в мае; названия *зимник* и *зимолюбка* рождают ассоциацию с чем-то не боящимся холодов и морозов. *Зимолюбка*, например, способна зимовать с поднятыми над землей плотными кожистыми листьями.

Фитонимы могут указывать на суточный ритм жизни растения. Например, названия *вечерница* и *ночная фиалка* объясняются тем, что в вечернее время они издают сильный, приятный аромат.

Многие растения получили свое название от топонимов: *пампасская трава*, *копорский чай*, *курльский чай*, *волжанка*, *татарская трава*.

Почти за каждым из этих названий стоит своя история. Вот, например, *татарская трава*. Научное название этого растения – *аир*. Оно появилось на Руси во времена монголо-татарского нашествия. В XII в. войска Чингисхана и Батыя вторглись на славянские земли. Опасаясь коварства местных жителей и особенно беспокаясь за свою мощную конницу, золотоордынские воины привозили с собой корневища аира, и там, где они останавливались, бросали их в водоемы, чтобы растения укоренились. Считалось, что аир обеззараживает воду, и ее можно пить без риска и поить ею лошадей. А в народе аир стали называть *татарской травой* [Мавришев, 2009, с. 189].

Интересна история *копорского чая*. Его еще называют *кипрей*, или *иван-чай*. Какое отношение он имеет к тому чаю, который тысячелетиями был известен жителям Китая? На Руси китай-

ский чай впервые попробовали триста лет назад, при царе Михаиле Федоровиче. За короткое время новый напиток получил широкое распространение. Предприимчивые жители села Копорье под Санкт-Петербургом открыли у себя местный промысел: они начали собирать и сушить листья кипрея и продавать его под видом «китайского чая», поскольку по внешнему виду и по вкусу его трудно было отличить от настоящего. Так появилось название «*копорский чай*». С тех пор этот душистый, вкусный и к тому же очень полезный напиток полюбился русским людям.

А англичане могут рассказать свою историю названия этого растения. До Второй мировой войны оно в Великобритании было неизвестно. Это объясняется тем, что в Англии существует многовековая культура садово-паркового искусства, связанная с разведением газонов. Кипрей же предпочитает селиться на пустых участках земли, на месте вырубок и пожарищ. Однако газонная трава не позволяла пробиться всходам кипрея, имеющего слабую корневую систему [Маврищев, 2009, с. 55]. Во время Второй мировой войны Англия подверглась бомбардировкам немецкой авиации, которые принесли стране много разрушений. И вот на месте свежих воронок, где не было никакой растительности, начали появляться ростки кипрея, которые быстро превращались в мощные заросли лилово-розовых цветов, которые англичане стали называть «*военной травой*», или «*вороночной травой*» [там же, с. 56].

Значительная часть русских фитонимов связана с миром животных. В основном это животные средней полосы – домашние (*хохлатка, куриная слепота, петуший гребешок, копытень, кошачья трава, кошачья лапка, гусиные лапки, конский щавель, коровяк, козлятник, собачка, собачье мыло, собачий шиповник*) или дикие (*медвежье ухо, медвежий лук, заячья капуста, кукушкин лен, кукушкины слезки, лисохвост, жабная трава, мышинный горошек, птичья гречиха*). Фитонимы, образованные от названий экзотических животных, встречаются редко. К ним относится растение *львиный зев*, получившее свое название по форме цветка, напоминающей открытую пасть льва. Слово *лев* укоренено в русской культурной традиции как символ мужества и благородства. О львах сложено много рассказов, сказок и басен. Скульптурные изображения льва украшают порталы зданий эпохи классицизма. На лубочных картинках мы часто видим улыбающихся львов. Львы не раз упоминаются в Священном Писании. В повести И.С. Шмелева «Лето Господне» маленький Ваня слушает рассказ о том, как царь Максимилиан терзал святого Пантелеимона дикими

львами, но они «не тронули святого, а легли покорно у его ног. А когда царь, в ярости, повелел бросить их в бездонную прорву, тела добрых львов остались нерушенными и нетленными» [Шмелев, 1989, с. 618].

Особую группу представляют фитонимы, называющие ядовитые растения: *вороний глаз*, *волчье лыко*, *волчьи яблоки*, *волчье молоко*, *змеиное молоко*, *гадючье молоко*, *змеиный цвет*. В названиях представителей животного мира, формирующих эти фитонимы (волк, ворон, змея) находят отражение мифологические представления древних славян о враждебных человеку темных силах: ворон – вестник зла, связь с миром мертвых; волк – символ жестокости; змея – связь со злом. Снова вспомним «Лето Господне» И.С. Шмелева. В памяти автора то и дело возникает картина детства в доме отца накануне его кончины. Это предвещающий беду «страшный змеиный цвет» с огромным бутоном, похожим на змеиную голову. «Гости глядят на бутонище и шепчутся, и все покачивают головой. Я разбираю в шепоте: и этот еще, страшный... Это уж всегда к чему-то». К чему-нибудь страшному? Боюсь и думать, страшно от этих слов «к чему-то» [там же, с. 618].

Многие фитонимы употребляются в переносном значении. Большая группа фитонимов используется в речи для характеристики человека. Так, простодушного человека часто называют *лопухом*: «Ну и лопух ты, Вася!» Растение *лопух* имеет и другое название – *репей*, которое, в свою очередь, является символом навязчивости: «Пристал как репей». И это неслучайно, поскольку в ботаническом названии лопуха «*Lappa tomentosa*» слово «*lappa*» в переводе с греческого означает «цепляться». «В самом деле, что может быть навязчивее шариков лопуха, прицепившихся к одежде!» [Верзилин, 1946, с. 46]. Стройную тоненькую девушку называют *тростинкой*, а неприятного, невзрачного на вид малорослого человечка могут прозвать *сморчком*. Для характеристики лица фитонимы часто используются в сравнительных конструкциях: *крепкий как дуб*, *дрожит как осиновый лист*, *сидит как редька*, *стройна как березка*, *покраснел как помидор*, *зарделась как мак*, *цвет, свежий как огурчик*, *нежная как мимоза*, *свежа как роза*.

В переносном значении используются также атрибутивно-субстантивные словосочетания: *божий одуванчик*, *старый хрен*, *крепкий орешек*, *дубина стоеросовая*, *крапивное семя*.

Характеризовать человека по его действиям могут и некоторые глаголы, образованные от фитонимов: *миндальничать*, *лопухнуться*, *взбелениться*, *одурманить*. Например: *Нечего с ним мин-*

дальничать (т.е. церемониться); *Здорово ты лопухнулся* (т.е. совершил какой-то промах).

Многие фитонимы послужили основой для русских фамилий. Почти на каждую букву алфавита от А до Я можно назвать соответствующую фамилию: *Арбузов, Брусникин, Виноградов, Грибов, Дубов, Елкин, Житников, Земляникин, Ивин, Кедров, Лопухин, Малинин, Незабудкин, Огурцов, Перцов, Редькин, Соснин, Табаков, Укропов, Фиников, Хмелев, Цветков, Чесноков, Шишкин, Щавелев, Ягодкин*.

Среди фамилий, мотивированных названиями растений, устойчивую группу представляют основанные на благозвучных фитонимах фамилии лиц духовного звания. Многие из них представлены в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре»: *Виноградов, Ландышев, Миртов, Розанов, Флеров, Флоров, Флоренский, Флоринский, Цветаев, Яблоков, Яворский* [Полный православный богословский энциклопедический словарь, 1992].

Мир растений получил широкое отражение в топонимике.

Издавна на Руси существовала традиция при возведении храмов давать им названия, первая часть которых обозначала праздник или имя святого, которому посвящался храм, а вторая часть называла место, где он был расположен. Нередко это мог быть какой-нибудь фитоним. Например, церковь *Успения Богородицы, что на бору, под сосенками* в Китай-городе в Москве. Название храма свидетельствует о том, что на территории, где стояла эта церковь, росли сосны [Смолицкая, 1997, с. 29]. Улица Ильинка в Москве получила свое название по церкви *Пророка Ильи под сосной*. Рядом, недалеко от современного Политехнического музея, — церковь *Апостола Иоанна Богослова под вязом*, а на Маросейке — церковь *Николая Чудотворца, что в Кленниках*. Дополнения «под сосной», «под вязом», «в Кленниках» говорят о том, что в те далекие времена в центре Москвы зеленели сосновые, вязовые и кленовые рощи.

Принцип номинации московских улиц в зависимости от природных особенностей того или иного места определяет значение многих топонимов. Так, современные названия *Березовая аллея, Кленовый бульвар, Рябиновая улица* объясняются характером озеленения, проводившегося в Москве в 1960-е годы.

Есть в Москве и улица *Дубовой рощи*, и *Дубки*, и *Дубровка*; есть *Ягодная* улица и *Яблонный* переулок. На месте подмосковных деревень выросли московские *Черемушки* и *Ясенево*. Их семантика

прозрачна, и учащиеся легко могут определить, название какого растения положено в основу каждого топонима.

Особо остановимся на топониме *Сиреневый бульвар*. Это место получило свое название по находящемуся на северо-востоке Москвы питомнику сирени, переданной в дар городу известным селекционером, создателем более 300 сортов сирени Леонидом Колесниковым. Теперь эта изумительной красоты сирень, рассаженная на бульваре, радует москвичей и гостей столицы.

При объяснении значения некоторых фитонимов на занятиях с иностранными учащимися полезны экскурсии в этимологию. Вот, например, слово *колокольчик*. Уместно задать студентам вопрос: есть ли связь между словами *колокольчик* и *голос*, *глагол*? И здесь студент с удивлением узнает, что в этимологическом плане эти слова имеют много общего: как и слово *голос*, восходящее к звукоподражательному **gol-*, существительное *колокольчик* также восходит к удвоенному *звукоподражательному *kol-* и является глухим вариантом корня **gol-* (*голос*, *глагол*).

При описании фитонимов как фрагмента языковой картины мира определенное место занимает словообразовательный аспект. В этом плане обращает на себя внимание этноспецифика префиксальных существительных. Например, в словах *подорожник*, *побеги*, *повилика*, *поручейник* префикс *по-* имеет значение перемещения субъекта по ровной поверхности. Об этом говорит, в частности, латинское ботаническое название подорожника – *Plantago major*, от слов «*plantago*» – т.е. «сопутствовать», и «*major*» – т.е. «большой». По утверждению Н. Верзилина, один экземпляр подорожника осенью дает 14 тысяч семян [Верзилин, 1946, с. 91]. Вот почему подорожник так быстро расселяется по дорогам. Кстати, китайское название этого растения тоже включает в себе идею движения: «подколесный».

Ряд фитонимов имеет в своем составе префикс *о-*. Вот, к примеру, всем известный *одуванчик*. Одно из основных значений префикса *о-* – перемещение субъекта по окружности относительно пространственного ориентира [Волохина, Попова 1993, с. 130]. И действительно, легкие, невесомые семена одуванчика, созрев, разлетаются по ветру в разные стороны. У японцев же в основу названия этого растения положена идея мягкости, пушистости, и оно звучит, примерно, как «вата». А в ряде европейских языков из-за своих острых зубчатых листьев, окружающих головку цветка, это растение получило название «волчьи зубы» или «зубы льва».

Идея распространения субъекта вокруг пространственного ориентира определяет значение и других фитонимов с префиксом *о-*. Это и *опенок* – гриб, растущий на *пнях* (обычно на пне вырастет, тесно прижавшись друг к другу, целая колония этих грибов), и *облепиха* – кустарник с ярко-оранжевыми ягодами, буквально «облепившими» ветви плотной густой массой.

Исходя из семантики префикса, значение многих фитонимов учащиеся без труда могут определить сами, как, например, в словах с префиксом *под-*: *подснежник*, *подсолнечник*, *подберезовик*, *подосиновик*.

В плане словообразования объектом рассмотрения в иностранной аудитории могут стать также фитонимы – сложные слова, т.е. слова, образованные соединением двух основ. Среди них преобладают лексемы с подчинительными отношениями – комбинацией компонентов, в которой синтаксически различаются главные и зависимые компоненты. Такое соотношение чаще всего носит характер дополнения (*камнеломка* – от «ломать камни») или определения (*белокопытник* – от «белое копыто»). Вот лишь неполный перечень таких фитонимов: *белокопытник*, *белоус*, *болиголов*, *водосбор*, *волчегон*, *девясил*, *желтобрюшник*, *ежеголовник*, *живокость*, *зверобой*, *змееголовник*, *камнеломка*, *клопогон*, *козлобородник*, *кровохлебка*, *лисохвост*, *ломонос*, *мухоловка*, *мухомор*, *остролодочник*, *первоцвет*, *стрелolist*, *сыроежка*, *телорез*, *тонконос*, *тысячелистник*, *чистотел*. Студенты с увлечением включаются в игру – определить, из каких корней состоит то или иное слово, и вывести его значение из семантики составляющих его частей.

Немаловажным здесь оказывается и культурологический аспект. Многие из названных фитонимов заключают в себе интересную информацию. Вот, например, *венерина мухоловка* – скромное неприметное растение, растущее на болотах. Листочки этого растения покрыты волосками, из которых выделяется липкая сладкая жидкость. Это ловушка для мух, комаров и других мелких насекомых, которые садятся на лист растения, чтобы полакомиться сладким соком, и прилипают к нему. Тут же вокруг насекомого начинают медленно сжиматься волоски, и лист начинает выделять фермент, близкий по составу желудочному соку. Насекомое переваривается в этом «желудке», и лист всасывает его соки. Растения типа мухоловки так и называются – *насекомоядные*. Иностранные студенты увлеченно развивают эту тему. Например, во Франции в конце прошлого века устраивались соревнования среди насекомо-

ядных растений. Чемпионом стала родственница мухоловки – *росянка*, поймавшая за три часа 50 комаров. Растущую в Испании гигантскую мухоловку развешивают в деревенских домах для борьбы с мухами. Несколько видов насекомоядных живет в Австралии, Азии, Южной Америке. И если *мухоловки* в средней полосе России довольствуются мелкими насекомыми, то в тропической Азии некоторые растения, например, *непентес*, способны справиться с более крупной добычей: мышами, улитками, лягушками. Растение улавливает их благодаря тому, что его листья заканчиваются усиком, на котором находится кувшинчик, куда и попадает жертва.

...В давние времена, когда люди узнали о существовании насекомоядных растений, стали распространяться слухи, что эти растения способны вырастать до таких размеров, что смогут поедать людей. Растениям-людоедам отдал дань и знаменитый писатель-фантаст Герберт Уэллс в своем рассказе «Странная орхидея». К счастью, растений-людоедов на Земле нет.

Приведем еще пример названия растения, имеющего ту же словообразовательную структуру – *зверобой*. С давних пор была замечена способность этого растения повышать у животных чувствительность к солнечным лучам, вызывая у них сильнейшее раздражение кожи, ожоги и отравления. Это касается главным образом животных-альбиносов; на животных с темной окраской *зверобой* действует не столь раздражающе. Поэтому там, где на пастбищах растет много *зверобоя*, животных-альбиносов окрашивают в темный цвет, а у пятнистых закрашивают только белые пятна [Ивченко, 2001, с. 71]. Как видим, *зверобой* полностью оправдывает свое название.

Но существует и другое объяснение этого названия. Многие считают его заимствованием из казахского языка, поскольку казахи называют это растение «джерабай», т.е. «целитель ран», и русское «зверобой», как они считают, это искаженное название *джерабая* [Лаптев, 1992, с. 238].

И действительно, на Руси *зверобой* считали универсальным лекарством, «травой от 99 болезней». Он входил в состав многих лекарственных сборов. В XVII в. по приказу царя Михаила Федоровича *зверобой* в Сибири собирали, сушили, растирали в муку и присылали в Москву «по пуду на всякий год».

Вот такая история скрывается в названии невзрачного цветка с грозным названием «зверобой».

В речи иностранных учащихся широко распространено смешение паронимов. Приведем примеры наиболее частых ошибок.

– Регулярно смешиваются паронимы *лиственный* и *листовой*: «В нашей стране только **листовые* леса, елки не растут» (вместо: *лиственные* леса) – «Для этого блюда нужен **лиственный* салат» (вместо: *листовой*).

– Не различаются слова *цветной* и *цветочный*: «Возле нашего дома открыли **цветной* магазин» (вместо: *цветочный* магазин) – **Цветочная* капуста очень полезная» (вместо: *цветная* капуста).

– Не разграничивается значение существительных *пыль* и *пыльца*: «Пчелы собирают с цветов **пыль*» (вместо: *пыльца*).

– Смешиваются паронимы *древесный* и *деревянный*: «В Китае некоторые **деревянные* грибы употребляют в пищу» (вместо: *древесные* грибы).

Список паронимов можно продолжить: *луковый* – *луковичный*, *травяной* – *травянистый*, *корень* – *корневище* – *коренья*, *семья* – *семейство* и др.

Определенную трудность для иностранцев представляют фитонимы, имеющие в своем составе прилагательные со сложной основой: оканчивающиеся на *–цветковый*: (лилия *длинноцветковая*, где речь идет о размере цветка), и на *–цветный* (лилия *одноцветная*, когда речь идет об окраске, о цвете). Ср. также: Дельфиниум *крупноцветковый*, недотрога *мелкоцветковая*, купена *многоцветковая* (а) – и фиалка *трехцветная*, выюнок *двухцветный* (б).

Регулярно смешиваются в речи иностранцев паронимы *листок* и *лепесток*. Вот некоторые примеры: «Я **листочками* белых роз наше ложе застелю» – так иностранный студент поет на концерте художественной самодеятельности популярную песню. Или запись разговора у куста цветущей сирени: «Это правда, что тот, кто найдет цветок с пятью **листочками*, будет счастлив?» Смешиваются паронимы *древовидный* и *древный*. Название на табличке в Ботаническом саду: «Пион *древовидный*» студенты обычно понимают как «Пион **древный*».

Некоторые особенности фитонимов проявляются в их синтаксическом устройстве. В частности, обращает на себя внимание различный порядок слов в названиях, представленных адъективно-субстантивными словосочетаниями. В народных названиях растений прилагательное обычно находится в препозиции по отношению к существительному: *золотой дождь*, *золотые шары*, *львиный зев*, *разбитое сердце*, *кукушкины слезки*, *куриная слепота* (при невозможности: **сердце разбитое*, **зев львиный*, **слепота куриная*,

*слезки кукушкины). В ботанических же названиях с указанием родо-видовых характеристик растения существительное со значением рода, как правило, предшествует прилагательному, обозначающему вид растения: *лишайник исландский*, *лишайник съедобный*; *тополь серебристый*, *лилия кудреватая*, *лилия одноцветная*. Ср. также: «*Белая береза*» – название романа С. Бубеннова – и наименования разных видов березы, приводимые в специальных научных изданиях. Например: «На земном шаре насчитывается свыше 120 видов берез. В Беларуси произрастают 3 вида белокорой березы: *береза повислая*, или *бородавчатая*, *береза пушистая* и *береза карельская*. Еще три вида белорусских берез имеют другой вид коры. Это *береза карликовая*, *приземистая* и *черная*, или *темнокорая* [Маврищев, 2009, с. 103]. В то же время в стилистически нейтральной и разговорной речи возможно употребление таких фитонимов как с препозицией, так и с постпозицией прилагательного. Вот некоторые примеры:

– «Мебель из *карельской березы* украшают дворцы, богатые гостиные и салоны (из пояснений экскурсовода в Останкинском дворце).

– «Известен *перец черный* и *перец красный* – два разных растения с разных материков. *Черный перец* принадлежит к семейству перцевых. Его родина – Восточная Индия. За *черным перцем* устремлялись на Восток в средние века европейцы. *Черный перец* у нас не возделывается.

Красный перец, растение Южной Америки, относится к семейству пасленовых. Это близкий родственник картофелю и томату. *Красный перец* у нас разводят на огородах» [Верзилин, 1946, с. 59].

Мир растений многообразен и необъятен. Трудно подсчитать даже приблизительно количество их названий, каждое из которых заключает в себе интереснейшую информацию. Мы постарались рассказать хотя бы о малой части этих названий. Задача преподавателя-русиста – пробудить интерес иностранного студента к необыкновенно интересной науке о названиях растений – фитонимике.

Список литературы

Верзилин Н.М. По следам Робинзона. – М. ; Л. : Детская литература, 1946. – 191 с.

- Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1993. – 196 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. – М. : Издательский центр «Академия», 1998. – 429 с.
- Головкин Б.Н.* О чем говорят названия растений. – М. : Колос, 1986. – 160 с.
- Золотницкий Н.Ф.* Цветы в легендах и преданиях. – М. : Агропромиздат, 1991. – 297 с.
- Ивченко С.И.* Занимательно о ботанике. – Смоленск : Русич, 2001. – 240 с.
- Лаптев Ю.П.* Растения от «А» до «Я». – М. : Колос, 1992. – 351 с.
- Маврищев В.В.* Экскурсии в природу. Лес. – Минск : Вышэйшая школа, 2009. – 223 с.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3-х томах. – М.: Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат), 1957. – Т. 1. – 515 с.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь. – Репринтное издание. – М. : Изд. П.П. Сойкина, 1992. – Т. 1. – 1120 с. ; Т. 2. – 2464 с.
- Смолицкая Г.П.* Названия московских улиц. – М. : Издательский дом «Муравей», 1997. – 239 с.
- Чагина О.В.* Фитонимы как объект лингвострановедения // VI Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. МГУ им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. 20–23 марта 2019 г. – М. : Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – С. 456.
- Шмелев И.С.* Избранное. – М. : Правда, 1989. – 689 с.

Е.В. Майорова[©]

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Возможность использования языковых корпусов в лингвистических исследованиях может значительно упростить и ускорить работу языковедов и филологов. Тем не менее применение методов компьютерной и, в частности, корпусной лингвистики может показаться сложным для тех, кто никогда не сталкивался с корпусами текстов. Цель данной статьи – рассказать о преимуществах использования корпусов для языковых исследований и подробно описать базовые функции языкового корпуса на примере Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: языковой корпус; корпусная лингвистика; Национальный корпус русского языка; прикладная лингвистика; компьютерная лингвистика.

E.V. Mayorova^{*}

THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Abstract. The possibility of using language corpora in linguistic research can significantly simplify and speed up the work of linguists and philologists. Nevertheless, the application of computer methods may seem difficult for those who have never encountered text corpora. This article aims at describing the advantages of using corpora

© **Майорова Екатерина Владимировна**, младший научный сотрудник отдела языкознания, Институт по общественным наукам (ИНИОН) РАН, e-mail: mayorovacatherine@gmail.com

^{*} **Ekaterina V. Mayorova**, Juniour Research Fellow the Centre for Linguistics Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: mayorovacatherine@gmail.com

for language research and describe in detail the basic functions of the language corpus using the example of the Russian National Corpus.

Keywords: language corpus; the Russian National Corpus; corpus linguistics; applied linguistics; computational linguistics.

В последние десятилетия в кругу лингвистов и филологов широко обсуждается применение корпусов в языковых и литературных исследованиях. Однако само понятие языкового корпуса остается несколько размытым, в частности для некоторых представителей старшего поколения языковедов и лингвистов, не привыкших применять компьютерные методы для решения отдельных исследовательских задач. В этой статье мы рассмотрим, как использование методов корпусной лингвистики поможет упростить и ускорить сбор, обработку и анализ языкового материала для дальнейшего изучения и описания специалистом, а также рассмотрим функционал обновленной версии крупнейшего корпуса русскоязычных текстов – Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>).

В докомпьютерную эпоху материал для лингвистических исследований приходилось собирать вручную, по крупицам собирая примеры языкового материала из печатных книг, газет и журналов. Создание репрезентативной подборки исследовательского материала занимало огромное количество времени и усилий, и недочеты на этом этапе работы могли негативно сказываться на полученных результатах работы. Использование грамотно размеченных корпусов, в свою очередь, позволяет сократить этот этап работы до нескольких минут. Возможность автоматизировать подбор, анализ и обработку больших объемов текстовых данных позволила увеличить эффективность проводимых исследований в области языкознания.

Применение компьютерных методов обработки текстов стало возможным благодаря развитию такого направления прикладной лингвистики, как корпусная лингвистика, которое возникло в 60-е годы XX в. в связи с распространением практики создания текстовых корпусов. Под корпусом понимается массив унифицированных и структурированных языковых данных, размеченный особым способом, позволяющим пользователю осуществлять быстрый поиск слов, словосочетаний, грамматических конструкций и значений слов при помощи специализированной поисковой системы. По своей сути, корпус похож на электронную библиотеку, ко-

торая может содержать в себе тексты любой тематики, эпохи или жанра. Однако тексты корпуса-«библиотеки» предназначены не для чтения. Тексты для корпуса размечаются (или аннотируются) особым образом, что позволяет добавить в них детальную информацию об авторе, годе и месте создания текста, указать количество слов и предложений в тексте и многое другое. Такая разметка позволяет за минуту отобрать из десятков тысяч текстов только те, которые, например, были написаны автором-женщиной на тему образования в период с 1950 по 1960 год или все произведения А.С. Пушкина, в которых употреблено слово «осень». Поэтому корпуса удобнее применять не для чтения, а для изучения текстов. Одной из разновидностей языковых корпусов является национальный корпус некоторого языка, «представляющий этот язык на определенном этапе его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п.» [Как пользоваться Корпусом (инструкция в формате pdf). – Электронный источник].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) функционирует в сети Интернет с 2003 и охватывает период с XIX по XXI в. Он включает в себя оригинальные художественные произведения (проза, драматургия, поэзия), публицистические тексты, эссе, документы, тексты публичных выступлений, частную переписку, дневники и другие образцы письменного и устного языка. В настоящий момент в Национальный корпус русского языка входят следующие корпуса: Основной корпус письменного языка, Корпус СМИ 1990–2000-х годов (газетный корпус), Корпус региональной и зарубежной прессы, корпус устных текстов (корпус живой устной речи), Акцентологический корпус (корпус истории русского ударения), Мультимедийный корпус, параллельные корпуса письменных текстов, корпуса диалектных и поэтических текстов, а также Обучающий корпус русского языка. Все данные о количестве и размере текстов, входящих в корпус, их жанрах, тематике и годах создания можно узнать на главной странице сайта НКРЯ во вкладке «Статистика» в меню в левой части экрана.

Как уже было отмечено выше, основная функция языкового корпуса – поиск текстов. Поиск текстов в НКРЯ осуществляется при помощи кнопки «Поиск в корпусе». Однако нужно иметь в виду, что по умолчанию поиск будет осуществляться лишь в Основном корпусе, содержащем только литературную прозу XIX–XX вв. Для специфических запросов пользователю предстоит самостоятельно выбрать необходимый корпус среди закладок сверху

станции. Помимо Основного корпуса в зависимости от темы и цели исследования можно искать необходимые тексты в Поэтическом, Диалектном или Параллельном корпусе.

Основная страница поиска предлагает пользователю ряд определенных функций. Поставив отметку напротив позиции «Только тексты со снятой грамматической омонимией», пользователь задаст для поиска корпус со снятой морфологической омонимией. Следующие поля позволяют задать поиск по определенному тексту, текстам определенного автора или авторов определенного пола, а также по году рождения автора или году написания текста. При поиске по корпусу можно задавать сразу несколько различных параметров. Сочетание нескольких параметров позволит уточнить и сузить запрос и, например, осуществлять поиск по текстам автора того или иного периода его творчества или по текстам авторов-женщин (или авторов-мужчин) определенной эпохи. При работе с художественными текстами пользователю предлагается выбрать жанр и тип текстов для поиска, причем поисковая система сама предлагает список доступных опций. Кнопка «Инвертировать выбор» позволит исключить тексты выбранного жанра из заданного языкового массива – так пользователь найдет тексты любых жанров и типов кроме отмеченного. Так же можно отобрать тексты, сюжет которых относится к определенному месту и времени. При работе с нехудожественными текстами можно задать тип, тематику и сферу функционирования текстов. Работая с Корпусом живой устной речи, можно задать для поиска подкорпус устной публичной речи, устной непубличной речи и речи кино, а также выбрать тип текстов.

После обработки всех заданных параметров поисковая система предлагает список всех текстов, удовлетворяющих запросу пользователя. Поиск необходимых текстов не придется повторять заново каждый раз при работе с НКРЯ. Нажав на кнопку «Сохранить», пользователь сохраняет созданный им корпус текстов для дальнейшей работы. Теперь при переходе на страницу поиска все новые поисковые запросы будут осуществляться по корпусу пользователя. Удалить самостоятельно созданный корпус можно нажав кнопку «Очистить» внизу страницы.

Поиск по корпусу позволяет найти как точную словоформу (через строку «Поиск точных форм»), так и лексему («Лексико-грамматический поиск», «Слово 1»). Кроме отдельных лексем лексико-грамматический поиск позволяет найти все словоформы, имеющие определенную грамматическую характеристику: при

нажатии кнопки «Выбрать» над строкой «Грамматические признаки» система предложит пользователю список возможных характеристик, которые в дальнейшем будут указаны в этой строке зашифрованным образом. Можно искать слова определенной части речи, лица, числа, падежа, наклонения. Похожим образом осуществляется и поиск по семантическим признакам. Совместный выбор характеристик в обеих строках позволяет находить более частные случаи употребления тех или иных лексем в определенных грамматических формах. При поиске не отдельного слова, а словосочетания, нужно таким же образом заполнить подобное поле с пометкой «Слово 2». Строка «Расстояние, в словах» позволяет выбрать только те примеры, где заданные слова стоят друг за другом (1–2) или имеют одно или больше слов между друг другом. Однако нужно учитывать, что порядок слов в строках «Слово 1» и «Слово 2» имеет значение для поиска и для получения дополнительных контекстов, где запрашиваемые слова стоят в другом порядке, пользователю предстоит повторить поисковой запрос, изменив порядок «Слова 1» и «Слова 2». Нажатие кнопки со стрелкой вниз позволит добавить в поисковой запрос больше слов. Стоит отметить, что при создании запроса можно по-разному заполнять поля в строках «Слово 1» и «Слово 2», что позволит находить примеры сочетаемости слов по семантическим и грамматическим признакам.

Версия НКРЯ 2020 г. предполагает и другую возможность поиска по словосочетаниям, содержащим от двух до пяти слов. Для этого во вкладке «Поиск по корпусу» в меню в левой части экрана нужно выбрать одну из необходимых вкладок: «биграммы» (сочетания из двух слов), «триграммы» (сочетания из трех слов), «4-граммы», «5-граммы» (сочетания из четырех и пяти слов соответственно). Поиск при этом проводится на подкорпусе без снятой омонимии. Как и в Основном корпусе поиск можно производить как по слову целиком, так и по лемме. Кроме того, при поиске можно учитывать пунктуацию.

Стандартный поиск по другим корпусам (например, Поэтическому или Параллельному) производится подобным образом, однако среди указываемых характеристик есть более специфичные параметры, такие как метр, рифма, строфика и другие. Наиболее интересным среди доступных для работы корпусов является Мультимедийный корпус, предоставляющий пользователю наряду с текстом видеофрагменты, что делает данный корпус ценным для

фонетистов, преподавателей русского как иностранного и специалистов по жестам.

Несомненным удобством поиска по НКРЯ является возможность искать только по началу или концу слова. При поиске по началу слова необходимо поставить после него знак *. Так, среди ответов на поисковой запрос «*дев**» поисковая система предложила следующие варианты с контекстами: *девочка, девушка, девиз, девять, девчушки, девятиэтажный* и другие. Подобным образом осуществляется поиск по концу слова, только знак * ставится первым. Введя в строку запрос «**дев*», среди результатов поиска можно найти следующие словоформы: *Медведев, надев, дождевым* и так далее. Более точная формулировка запроса с указанием грамматических и семантических характеристик позволит получить более конкретные и ожидаемые результаты.

Результаты поиска выводятся на экран в контексте с указанием источников. Выдаваемый контекст при необходимости можно расширить, нажав на экране кнопку с двумя разнонаправленными стрелками. Результаты поиска для дальнейшей работы доступны для скачивания на персональный компьютер в двух различных форматах: Excel и CSV. Выбор формата для скачивания зависит от дальнейшей цели работы с материалом. Также полученные результаты можно отобразить в формате KWIC, выбрав данную функцию в верхнем правом углу экрана. Над списком выданных результатов можно увидеть объем корпуса, по которому производился поиск, в документах и словоформах, а также количество документов, в которых была найдена запрашиваемая словоформа, и количество вхождений. Вкладка «Распределение по годам» визуализирует полученные результаты по частоте с 1800 по 2019 год по запросу пользователя и выдает наглядный график частоты использования того или иного слова. При необходимости пользователь может изменить запрашиваемые годы. Распределение по годам для любой словоформы можно также увидеть открыв вкладку «Графики» в меню в левой части экрана на главной странице НКРЯ.

Еще одно удобство НКРЯ заключается в большом количестве справочной информации и дополнительных инструментов, доступных в меню в левой части экрана. Так, среди опций можно найти словарь неоднословных лексических единиц, объяснение встречающихся морфологических, синтаксических и текстовых характеристик, список публикаций по теме корпусной лингвистики и Национального корпуса русского языка, ссылки на другие

корпуса русского и других языков и другие полезные материалы. Особого внимания заслуживает подробная иллюстрированная инструкция по использованию НКРЯ, в которой подробно и пошагово описываются все существующие функции корпуса. Инструкцию можно найти на главной странице сайта НКРЯ, где она доступна для чтения и скачивания на персональный компьютер.

Таким образом, использование языкового корпуса может значительно облегчить и ускорить работу над языковыми исследованиями. Корпусные исследования могут сильно повлиять на наше восприятие языка, позволив ставить и решать новые задачи. Сочетание традиционных лингвистических методов с современными технологиями значительно обогащает науку о языке и открывает новые горизонты как для сугубо языковых, так и для междисциплинарных исследований.

Список литературы

- Аброскин А.А.* Поиск по корпусу: проблемы и методы их решения // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 277–282.
- Гришина Е.А., Плунгян В.А.* Перспективы развития Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. – М. : Индрик, 2005. – С. 330–339.
- Как пользоваться Корпусом (инструкция в формате PDF). – URL: <https://ruscorpora.ru/new/instruction-main.pdf> (дата обращения: 26.08.2020).
- Райскина В.А., Дубнякова О.А.* Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки. – 2015. – № 40. – С. 146–154.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ : НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор А.А. Чукаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12 / III – 2021 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,5 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 144

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У